

A c t a Universitatis Lodzensis

FOLIA LINGUISTICA ROSSICA

23
2024

Przestrzenie języka i kultury:
interdyscyplinarne badania
nad współczesnością i historią

pod redakcją
Anny Iacovou

WYDAWNICTWO
UNIwersYTETU
ŁÓDZKIEGO

A c t a
Universitatis
Lodziensis

FOLIA LINGUISTICA ROSSICA

23
2024

WYDAWNICTWO
UNIWERSYTETU
ŁÓDZKIEGO

A c t a Universitatis Lodzensis

FOLIA LINGUISTICA ROSSICA

23
2024

Przestrzenie języka i kultury:
interdyscyplinarne badania
nad współczesnością i historią

pod redakcją
Anny Iacovou

 WYDAWNICTWO
UNIwersYTETU
ŁÓDZKIEGO
ŁÓDŹ 2024

C O P E
Member since 2019
281427

REDAKCJA NAUKOWO-DYDAKTYCZNA

Agata Piasecka, Ija Tulina-Blumental

RADA NAUKOWA

Irina Barclay (Boone, USA), *Andrzej Charciarek* (Polska, Katowice), *Thomas Daiber* (Niemcy, Giessen), *Jelena Iwanian*, *Wiera Kartawienko*, *Julia Krawcowa* (Ukraina, Kijów)
Walerij Mokijenko, *Jelena Romaniczewa*, *Andrzej Sitarski* (Polska, Poznań)
Jelena Stojanowa (Bułgaria, Szumen), *Damiana Szajbakowa* (Kazachstan, Ałmaty)

RECENZENCI

Irina Barclay (Boone, USA), *Ewa Komorowska* (Szczecin, Polska)
Agnieszka Krzanowska (Szczecin, Polska), *Jolanta Kur-Kononowicz* (Rzeszów, Polska)
Krzysztof Kusal (Łódź, Polska), *Julia Mazurkiewicz-Sułkowska* (Łódź, Polska)
Anna Rudyk (Rzeszów, Polska), *Kristiana Simeonowa* (Sofia, Bułgaria)
Radostina Stojanova (Sofia, Bułgaria), *Jarosław Wierziński* (Łódź, Polska)
Agnieszka Zatorska (Łódź, Polska)

REDAKCJA TOMU

Anna Iacovou

REDAKTORZY JĘZYKOWI

Anna Iacovou (język angielski)
Agata Piasecka (język polski)
Ivan Smirnov (język rosyjski)

REDAKTOR INICJUJĄCY

Sylvia Mosińska

SKŁAD I ŁAMANIE

Munda – Maciej Torz

KOREKTA TECHNICZNA

Elżbieta Rzymkowska

PROJEKT OKŁADKI

efectoro.pl agencja komunikacji marketingowej

Publikacja bez opracowania redakcyjnego w Wydawnictwie UŁ

© Copyright by Authors, Lodz 2024

© Copyright for this edition by University of Lodz, Lodz 2024

Wydane przez Wydawnictwo Uniwersytetu

Łódzkiego Wydanie I. W.11670.25.0.Z

Ark. wyd. 13,5; ark. druk. 15,0

ISSN 1731-8025

e-ISSN 2353-9623

Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego

90-237 Łódź, ul. Jana Matejki 34A

www.wydawnictwo.uni.lodz.pl

e-mail: ksiegarnia@uni.lodz.pl

tel. (42) 635 55 77

Содержание

От редакции	9
-------------------	---

ЯЗЫКОВАЯ МАНИПУЛЯЦИЯ И КОММУНИКАЦИЯ

Kasper Chalagus – Несколько замечаний на тему: языковая манипуляция как способ влияния на человеческие воспоминания	15
Kasper Chalagus – Some Remarks on the Topic: Language Manipulation as a Means of Influencing Human Memory	15
Jadwiga Grunwald – Wartościowanie językowe w mediach społecznościowych Muzeum Pamięci Sybiru	23
Jadwiga Grunwald – Linguistic Manifestations of Valuation in the Social Media Content of the Siberian Memorial Museum	23
Алена Калечиц – Приемы авторизации информации, влияющие на жанровую организацию медиатекстов	37
Alena Kalechits – Methods of Information Authorization Influencing the Genre Organization of Media Texts	37
Айгуль Мирзабаева – Механизм речевой манипуляции в повести Альберта Лиханова <i>Лабиринт</i>	55
Aigul' Mirzabaeva – Mechanism of Speech Manipulation in Albert Likhanov's Story <i>The Labyrinth</i>	55
Andrzej Narloch – Я тоже нервный! – особенности коммуникации водителей в языковом пейзаже города (на примере информационных надписей на автомобилях)	69
Andrzej Narloch – I'm Nervous Too! – Communication Among Drivers in the Linguistic Landscape of the City Based on Messages on Car Stickers	69

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Natalia Królikiewicz** – Эксперимент над «человеком обыкновенным»
в романе Саши Филипенко *Красный Крест* 87
- Natalia Królikiewicz** – An Experiment on the “Ordinary Man” in Sasha
Filipenko’s Novel *The Red Cross* 87
- Olga Makarowska** – Защитные заговоры как коммуникат магической
коммуникации (на материале защитных шепотков знахарки Марьи
Быковой) 99
- Olga Makarowska** – Protective Incantations as an Element of Magical
Communication (Based on the Protective Whispers of the Folk Healer
Marya Bykova) 99

ИСТОРИЧЕСКИЙ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

- Irina Y. Barclay** – Фонетическая и морфологическая адаптация антропо-
нимов Анна, Елизавета и Соломонида в деловых памятниках пись-
менности XVI–XVII вв. 117
- Irina Y. Barclay** – Phonetic and Morphological Adaptation of the
Anthroponyms Anna, Elizabeth and Solomonida in Russian Official
Documents of the 16th–17th Centuries 117
- Иштван Пожгаи** – Сочетания количественных числительных с относя-
щимися к ним именами в Синодальном I списке Пространной редак-
ции Русской Правды в сопоставлении с Троицким I списком 127
- Ishtvan Pozhgai** – Constructions of Cardinal Numerals with Their
Associated Nouns in the Synodal First Copy of the Extended Edition of
“Russkaya Pravda” Compared to the Troitsky First Copy 127
- Maria Tomiak, Yury Fedorushkov** – Prolegomena do analizy relacji syste-
mowych pola asocjacyjnego OCZY w obszarze języków wschodniosło-
wiańskich. 141
- Maria Tomiak, Yury Fedorushkov** – Prolegomena to the Analysis of
the Systemic Relations of the Associative Field EYES in the Area of East
Slavonic Languages. 141

ПЕРЕВОД И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРАВНЕНИЯ

- Anna Ginter** – Vladimir Nabokov jako tłumacz: autorski przekład wybranych gier słownych w powieści *Lolita*. 157
Anna Ginter – Vladimir Nabokov as a Translator: the Author's Translation of Selected Wordplays in the Novel *Lolita* 157
- Инга Милевич** – Классификации стратегий перевода в научных статьях и наивный метод: результаты квазиэксперимента 167
Inga Milevich – Classifications of Translation Strategies in Scientific Articles and the Naive Method: Results of a Quasi-Experiment 167
- Bartłomiej Szynal** – Eksplikacja znaczeń *skromności* w języku polskim i rosyjskim (analiza korpusowa). 185
Bartłomiej Szynal – An Explication of the Concept of *Modesty* in Polish and Russian: A Corpus-Based Approach. 185
- Julia Tomczak** – Лингвистический анализ перевода II части *Дзядов* А. Мицкевича с польского языка на русский (выбранные аспекты) . . 197
Julia Tomczak – Linguistic Analysis of the Translation of Part II of Adam Mickiewicz's *Dziady* (*Forefathers' Eve*) from Polish into Russian (Selected Aspects) 197

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Malgorzata Borek** – Метафоры «волны» в русском и польском языках . . 209
Malgorzata Borek – “Wave” Metaphors in Russian and Polish 209
- Пётр Червинский** – Суффикс *-ану(ть)* в русском языке: семантика и стилистика образований 223
Petr Chervinskii – The Suffix *-ану(ть)* in Russian: Semantics and Stylistics of Derivatives. 223

От редакции

Приглашаем вас ознакомиться с последним номером нашего журнала, представляющего собой сборник статей, отражающих богатство современных исследований в области лингвистики, литературоведения и глоттодидактики. Статьи, вошедшие в этот выпуск, были получены как из отечественных, так и зарубежных научных центров, что позволяет увидеть полную картину современных тенденций исследований и дает возможность ученым, приверженным различным академическим традициям, осуществлять широкий обмен идеями. Благодаря такому разнообразию данный выпуск сохраняет международный уровень, подчеркивая современные подходы в изучении языка и литературы.

В представленном издании вы найдете тексты, трактующие как современные проблемы анализа языка, так и историко-лингвистические исследования, которые позволяют глубже понять процессы, происходящие в языке и культуре. Авторы статей, рассматривая различные идеи, опираются на современные лингвистические теории, анализ литературных текстов и эмпирические исследования, что придает сборнику особый характер, объединяя прошлое с настоящим.

Важным элементом данного выпуска является публикация работ студентов, в статьях которых продемонстрирован свежий подход ознакомления с научными проектами. В этом контексте разнообразие публикуемых материалов показывает научный и творческий потенциал молодых исследователей, которые полны решимости войти в мир науки, получить новый инструментарий и разнообразить дискуссии о языке и литературе. Их работы символизируют не только продолжение традиций, но и активный поиск новых междисциплинарных подходов, которые в дальнейшем помогут молодым исследователям задать собственные вопросы и реализовать интересные проекты. В связи с этим особое место в журнале по праву принадлежит авторам статей, которые только начинают свою научную карьеру, но уже привнесли видимый вклад в расширение горизонтов лингвистических и литературоведческих исследований.

Данный номер журнала не только площадка для обмена научными достижениями, но и пространство для размышлений о будущих изысканиях в языке и литературе, обсуждений эволюции традиционных методов исследования и их применения в контексте современных научных и педагогических задач. Мы полагаем, что статьи, вошедшие в этот выпуск, не только обогатят знания читателей, но и вдохновят на дальнейшие исследования и развитие современных лингвистических теорий и практик.

Позвольте выразить надежду, что представленные в журнале статьи послужат источником плодотворных размышлений.

Anna Iacovou

Перевод: *Ivan Smirnov*

A Word from the Editors

We invite you to explore the latest issue of our journal, which presents a collection of articles showcasing the richness of contemporary research in the fields of linguistics, literary studies, and language education. The articles included in this issue originate from academic centres both in Poland and abroad, providing a broader perspective on current research trends and facilitating an exchange of ideas among scholars representing diverse academic traditions. This diversity lends the volume an international dimension, emphasizing the modern character of studies on language and literature.

In this issue, readers will find texts addressing contemporary challenges in language analysis, as well as historical-linguistic studies that deepen our understanding of the processes shaping the development of language and culture. The authors tackle a wide range of topics, drawing on modern linguistic theories, literary text analyses, and empirical research, which gives this volume its unique character, bridging the past and present.

An important feature of this issue is the inclusion of student contributions, which bring new perspectives and fresh approaches to the topics discussed. Their articles demonstrate the dynamic development of young researchers who are boldly entering the world of academia, gaining new research tools, and enriching discussions about language and literature. These works attest to the fact that contemporary science not only continues traditions but also actively seeks new paths, with younger generations of scholars introducing their own questions, approaches, and interpretations. In this context, particular attention is given to the articles of authors who are just beginning their academic journeys but are already contributing to the expansion of horizons in linguistic and literary research.

This volume serves not only as a platform for presenting research findings but also as a space for reflection on the future of studies on language and literature. It is an invitation to discuss the evolution of traditional research methods and their application in the context of contemporary scientific and educational challenges.

We hope that the articles in this issue will not only enrich readers' knowledge but also inspire further research and the development of modern theories and practices in language studies.

We encourage you to read and wish you fruitful reflections.

Anna Iacovou

Słowo od Redakcji

Zapraszamy do lektury najnowszego numeru naszego czasopisma, który stanowi zbiór artykułów ukazujących bogactwo współczesnych badań w obszarze językoznawstwa, literaturoznawstwa oraz glottodydaktyki. Artykuły zamieszczone w tym numerze pochodzą z ośrodków naukowych zarówno krajowych, jak i zagranicznych, co daje pełniejszy obraz aktualnych trendów badawczych i pozwala na szeroką wymianę myśli między badaczami reprezentującymi różne tradycje akademickie. Dzięki tej różnorodności, tom ten nabiera wymiaru międzynarodowego, podkreślając współczesny charakter studiów nad językiem i literaturą.

W tym numerze znajdują Państwo teksty badające zarówno współczesne wyzwania w analizie języka, jak i badania historyczno-językowe, które pozwalają na głębsze zrozumienie procesów zachodzących w rozwoju języka i kultury. Autorzy artykułów podejmują różnorodne zagadnienia, oparte na nowoczesnych teoriach lingwistycznych, analizach tekstów literackich oraz badaniach empirycznych, co nadaje temu tomowi szczególny charakter, łączący przeszłość z teraźniejszością.

Ważnym elementem tego numeru są także prace studentów, które wnoszą nowe perspektywy i świeże podejście do omawianych zagadnień. Ich artykuły pokazują dynamiczny rozwój młodych badaczy, którzy z determinacją wkraczają w świat nauki, zyskując nowe narzędzia badawcze oraz urozmaicając dyskusję o języku i literaturze. Prace te dowodzą, że współczesna nauka nie tylko kontynuuje tradycję, ale również aktywnie poszukuje nowych ścieżek, w których młodsze pokolenia badaczy wnoszą własne pytania, podejścia i interpretacje. W tym kontekście szczególne miejsce w tym numerze zajmują artykuły autorów, którzy dopiero zaczynają swoją drogę naukową, ale już przyczyniają się do poszerzenia horyzontów w badaniach językoznawczych i literaturoznawczych.

Tom ten stanowi nie tylko miejsce do prezentacji wyników badań, ale także przestrzeń do refleksji nad przyszłością badań nad językiem i literaturą. Jest

to także zaproszenie do dyskusji nad ewolucją tradycyjnych metod badawczych oraz ich zastosowaniem w kontekście współczesnych wyzwań naukowych i dydaktycznych. Mamy nadzieję, że artykuły zamieszczone w tym numerze nie tylko wzbogacą wiedzę czytelników, ale także staną się inspiracją do dalszych badań i rozwoju współczesnych teorii oraz praktyk językowych.

Zachęcamy do lektury i życzymy owocnych refleksji.

Anna Iacovou

Kacper Chalagus

 <https://orcid.org/0009-0000-7338-8155>

Uniwersytet Łódzki

Wydział Filologiczny

Instytut Rusycystyki

90-236 Łódź, ul. Pomorska 171/173

kacperchalagus@gmail.com

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ НА ТЕМУ: ЯЗЫКОВАЯ МАНИПУЛЯЦИЯ КАК СПОСОБ ВЛИЯНИЯ НА ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ

**Some Remarks on the Topic:
Language Manipulation as a Means of Influencing Human Memory**

Резюме

Цель статьи – анализ воздействия языка на память в политическом дискурсе. Важность и актуальность данного исследования заключается в том, что не все люди замечают языковую манипуляцию, которая может выступать в любом высказывании, и поэтому они становятся её жертвами. Исследование этой проблемы может в какой-то степени послужить толчком к повышению уровня самосознания социума.

При проведении анализа некоторых выступлений двух политиков – Анджее Дуды и Владимира Путина особое внимание было обращено на содержание языковых средств воздействия в их сообщениях. На основе исследования мы пришли к выводу, что богатство языковых средств воздействия как на лексическом, так и на просодическом уровнях позволяет политикам грамотно управлять памятью, а следовательно, и взглядами людей. Это часто элементы, которые невозможно заметить на первый взгляд – устойчивые словосочетания, выражения, которые, однако, сильно влияют на психику слушателей.

Анализируя выступления политиков, мы опирались на теорию языковых средств воздействия Алексея Авдеева. Анализ показал широкий спектр языковых средств, влияющих на память человека.

Подытоживая, стоит заметить, что любое политическое выступление насыщено языковыми средствами воздействия, а особо важным элементом всех анализируемых нами выступлений оказались логические акценты, которые помогают подчеркнуть важнейшие для данного политика элементы его высказывания.

Ключевые слова: воспоминания, память, языковая манипуляция, языковые средства воздействия, В. Путин, А. Дуда.

Summary

The purpose of this article is to analyze the impact of language on memory in political discourse. The relevance of this study stems from the fact that linguistic manipulation often goes unnoticed, making individuals susceptible to its influence. Examining this phenomenon may help raise society's awareness of such mechanisms.

The study focuses on an analysis of speeches by two politicians – Andrzej Duda and Vladimir Putin – with particular attention to the linguistic means of influence embedded in their messages. The research reveals that the richness of these means, both at the lexical and prosodic levels, allows politicians to exert significant influence on memory and, consequently, on public opinion. These linguistic elements, such as fixed phrases and subtle expressions, often operate beneath the threshold of conscious awareness but have a profound psychological effect on listeners.

The analysis was conducted using Alexey Avdeev's theory of linguistic means of influence and uncovered a wide array of techniques that affect human memory.

In conclusion, the study highlights that political speeches are invariably saturated with linguistic tools of influence. A particularly notable element in the analyzed speeches is sentence stress, which serves to emphasize key components of the politicians' messages, enhancing their impact on the audience.

Keywords: memories, memory, linguistic manipulation, linguistic means of influence, V. Putin, A. Duda.

ВВЕДЕНИЕ

Целью статьи является анализ средств языкового воздействия в политическом дискурсе в отношении его влияния на формирование коллективной памяти. Анализируемый материал – выступления Анджея Дуды и Владимира Путина, которые были опубликованы накануне вторжения армии Российской Федерации на территорию Украины или сразу после этого события, что помогает показать использование языковых средств воздействия в дискурсе касающемся данной темы.

ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТИ И ПРОЦЕССОВ ЗАБВЕНИЯ

Воспоминание, согласно *Большому толковому словарю русского языка* (Кузнецов, 2000, 152) – это «мысленное воспроизведение чего-л. прошедшего, сохранившегося в памяти». В зависимости от того, сколько времени мы посвятим «фиксации» знаний, столько они могут оставаться в *механической* памяти (максимально 20% знаний), *оперативной* (они сохраняются от 40 минут до нескольких суток) или в *долговременной* (Пашкевич, 2018, 20). Не вызывает сомнений тот факт, что запомнить все невозможно. Учитывая все факторы, для правильной консолидации воспоминаний нужны: переры-

вы в учебе, здоровый сон и т. д. (там же, 20). Как утверждает Пашкевич (2018, 21): «Нейронная сеть работает по принципу *кто выигрывает, тот забирает все*» – это означает, что независимо от того, сколько информации мы пытаемся запомнить, возможно запомнить данные лишь одной нейронной сети. Даже эти данные могут быть зафиксированы ненадолго, наш мозг забывает ненужную информацию для «очищения» самого себя и подготовки свободного места для новых нейронов.

Как мы упомянули выше, невозможно запомнить всю информацию, которую получаем. А. Недзьвёнська в своей статье *Spoleczne i poznawcze mechanizmy powstawania fałszywych wspomnień* приводит пример заданного человеку вопроса – видел ли он вчера красный фиат перед своим домом? (Niedźwieńska, 2001, 55). Согласно ее мнению, если люди не помнят – видели ли они машину, то они не принимают отсутствия следа в памяти как источника отрицательного ответа, потому что:

[...] когда люди не уверены, что отсутствие воспоминаний обуславливает отсутствие события, они склонны полагаться на других в оценке того, произошло это событие или нет¹ (там же, 55, перевод наш – К.Х.).

Данный подход заставляет нас опираться на информацию, полученную от других – журналистов, политиков, историков, если какие-то события имели место уже давно, например, когда мы были детьми или это исторические события, свидетелями которых мы не могли быть. В таком случае люди, используя языковые средства убеждения, могут пытаться внушать нам выгодную для них оценку ситуации.

О. Богданова (2020, 46) сравнивает манипуляцию воспоминаниями с конфабуляцией. Она утверждает, что их сходство заключается в создании ложных воспоминаний, отрицании определенных моментов своей жизни и в принятии как фактов «событий из книг, кинофильмов или историй собеседников». Манипуляция памятью является тем эффективнее, чем более воспоминания насыщены эмоциями.

РОЛЬ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ В УБЕЖДЕНИИ И МАНИПУЛЯЦИИ

А. Авдеев в статье *Systemowe środki perswazji* описал четыре группы слов, словосочетаний и фразем, названных им *убедительными метаоператорами*, которые повышают эффективность сообщений, усиливая

¹ В подлиннике: „[...] kiedy ludzie nie są pewni, że brak wspomnienia implikuje nieistnienie zdarzenia, to są skłonni polegać na innych w ocenie tego, czy dane zdarzenie miało miejsce czy też nie”.

действенность сформулированных нами просьб, предложений, угроз и т. д. (Awdiejew, 2004, 72).

Согласно Авдееву, эти группы составляют (Awdiejew, 2004, 73, перевод наш – К.Х.):

операторы блокировки проверки²,
операторы, вызывающие «эффект наблюдателя»³,
операторы, меняющие иерархию информационной системы⁴,
операторы усиления прагматических функций⁵.

Задача *операторов блокировки проверки* – обратиться к знаниям нашего собеседника и заставить его принять наше мнение как правдивое, вызвать доверие у нашего партнера. Авдеев обращает внимание на эффективность этих *метаоператоров* при их использовании в СМИ, слушая политические выступления или высказывания дикторов, мы не в состоянии обсудить услышанное нами сообщение с его отправителем. Авдеев приводит следующие примеры *операторов блокировки проверки* (Awdiejew, 2004, 73, перевод наш – К.Х.):

*Все знают, что...*⁶
*Как известно, ...*⁷
*Ты хорошо знаешь, что...*⁸
*Как тебе известно...*⁹.

Группа *операторов, вызывающих «эффект наблюдателя»*, помогает заставить получателя наших сообщений думать о себе не как о слушателе, а как об участнике происходящих событий и рассказываемых нами историй. Примерами могут послужить следующие фразы (там же, 74, перевод наш – К.Х.):

*Представь себе, что...*¹⁰
*Как видишь...*¹¹
*Вдруг...*¹².

² В подлиннике: Operatory blokujące weryfikację.

³ В подлиннике: Operatory wywołujące „efekt obserwatora”.

⁴ В подлиннике: Operatory zmieniające hierarchię układu informacyjnego.

⁵ В подлиннике: Operatory wzmocnienia funkcji pragmatycznych.

⁶ В подлиннике: Wszyscy wiedzą.

⁷ В подлиннике: Jak wiadomo.

⁸ В подлиннике: Dobrze wiesz.

⁹ В подлиннике: Jak wiesz.

¹⁰ В подлиннике: Wyobraź sobie.

¹¹ В подлиннике: Jak widzisz.

¹² В подлиннике: Nagle.

Операторы, меняющие иерархию информационной системы, помогают подчеркнуть важные (для нас) элементы наших высказываний. Это чаще всего логические акценты, выступающие на просодическом уровне (там же, 76).

Последняя группа – операторы *усиления прагматических функций* помогают повысить эффективность оборотов, связанных с просьбой, угрозой, запретом, запросом и т. д. (там же, 78). Авдеев перечисляет следующие примеры операторов (там же, 78–79, перевод наш – К.Х.):

*Абсолютно...*¹³

*Увидишь!*¹⁴

*Понятно?*¹⁵

*Даю слово...*¹⁶.

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПАМЯТЬ АНАЛИЗ МАТЕРИАЛА

Ниже приведем примеры языковых средств воздействия, применяемых с целью оказания влияния на память. Приведенные нами примеры касаются политических выступлений, так как политические лидеры стран очень часто вершат исторические события.

В выступлении от 3-го февраля 2023 года президент Польши Анджей Дуда сказал:

Politycznie różnie bywało, *spychano nas* bardzo często gdzieś na wschód, poprzez *właśnie* wszystkie te *wojny*, *zaboru*, *grabieże*, *okupacje*, ale *my zawsze byliśmy*, w sensie mentalnym, *kulturowym*, częścią zachodu (Telewizja Republika, 2023).

В этом высказывании главную роль играют логические акценты (обозначенные в цитате жирным шрифтом), являющиеся частью группы *операторов, меняющих иерархию информационной системы*. «(...) *spychano nas* (...)» – это намек на то, что Польша сама не считала себя страной Восточной Европы, и все, кто пытался причислить нас к этой части Европы, делали это самостоятельно, без нашего согласия. Дальше Дуда подчеркнул субъективность этого причисления, акцентируя слова «(...) *poprzez właśnie wszystkie te wojny, zaboru, grabieże* (...)», что указывает на попытки включить Польшу в восточный культурный круг с помощью насилия. «(...) *My zawsze byliśmy* (...) *częścią zachodu*» – данный фрагмент намекает на постоянство членства

¹³ В подлиннике: Absolutnie.

¹⁴ В подлиннике: Zobaczysz!

¹⁵ В подлиннике: Zrozumiano?

¹⁶ В подлиннике: Masz moje słowo.

Польши в западном культурном кругу. Стоит также обратить внимание на использование местоимения *мы*, которое играет важную роль в произведении упомянутого Авдеевым *эффекта наблюдателя* (Awdiejew, 2004, 74), что дополнительно убеждает слушателей в правдивости услышанных ими слов.

В выступлении от 24-го февраля 2024 года Анджей Дуда сказал:

My jesteśmy narodem, który chce żyć w pokoju, my jesteśmy narodem, który nikogo nie atakował, zwłaszcza na przestrzeni ostatniego stulecia. To my zawsze chcieliśmy żyć w pokoju, jeżeli ktoś atakował, to my byliśmy atakowani. My nadal chcemy żyć w pokoju, myśmy się wyrwali zza żelaznej kurtyny (...) (naTemat, 2022).

Эта цитата интересна, так как мы наблюдаем в ней много языковых средств воздействия. Во-первых, повторение местоимения *мы*, которое символизирует народ, заставляет слушателей думать о себе не как о личности, а как об обществе, и благодаря *эффекту наблюдателя* адресат чувствует себя соучастником событий, что дополнительно подчеркивает правдивость слов президента. Во-вторых, логические акценты помогают обратить внимание на важные элементы высказывания президента. Польша не атаковала другие страны, более того, она являлась жертвой нападений. Президент дополнительно вспоминает, что страна *вырвалась* из-за железного занавеса, что подчеркивает усилия Польши.

Следующим политиком, речь которого переполнена языковыми средствами воздействия, является Владимир Путин. В выступлении от 22-го февраля 2022 года он сказал:

Итак, начну с того, что современная Украина *целиком и полностью* была создана Россией. Причем Ленин и его соратники делали это весьма *грубым*, по отношению к *самой России*, способом за счет *отделения, отторжения* от нее части ее *собственных исторических* территорий (kremlin, 2022).

Цель этих слов ясна – Путин хочет оспорить независимость Украины. Он достигает этой цели, используя логические акценты, медленно и намного громче произнося слова *целиком и полностью*, что дополняет образ страны, возникшей не самостоятельно, а составленной искусственно. Далее он подчеркивает роль, которую Россия сыграла при создании Украины, акцентирует *отделение, отторжение* от России ее *собственных исторических территорий*, которые были отданы Украине. Эти слова помогают оправдать претензии России, предъявляемые Украине.

Следующие слова, которые стоит проанализировать, это цитата из того же выступления:

[...] Украина, которую и в наши дни можно с *полным основанием* назвать Украина имени *Владимира Ильича Ленина* (kremlin, 2022).

Данная цитата тематически совпадает с предыдущей, проанализированной нами. Здесь Путин медленно, громко, практически по слогам произносит «новое название», которым можно определить Украину. Этот способ произнесения слов подчеркивает важный для Путина фрагмент высказывания, а также влияет на историческую память получателей сообщения, убеждая их в исторической роли, которую Россия сыграла в возникновении Украины.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подытоживая проведенный нами анализ языковых средств воздействия, применяемых в политических выступлениях А. Дуды и В. Путина, приходим к выводу, что слова сильно влияют на память слушателей и их отношение к историческим событиям. Это помогает политикам использовать историю с целью дополнительного убеждения слушателей в своем мировоззрении. Оба политика используют широкий спектр языковых средств воздействия в лексическом и просодическом планах. К ним принадлежат в основном логические акценты как часть группы операторов, меняющих иерархию информационной системы, а также использование и повторение местоимения *мы*, играющего важную роль в создании эффекта наблюдателя. Благодаря логическим акцентам политики подчеркивают важные для них фрагменты, которые влияют на историческую память получателей, согласно намерению отправителя сообщения (политика). Использование и повторение местоимения *мы* делает слушателя соучастником событий, убеждая его в правдивости слов политика.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Богданова, О. (2020). *Манипулирование памятью*. Актуальные исследования, 1 (4), 46–48.
- Kremlin, (2022). *Обращение президента Российской Федерации*, YouTube, <https://www.youtube.com/watch?v=yPP1PtL6bMw>, доступ: 18.04.2022.
- Кузнецов, С.А. (ред.). (2000). *Большой толковый словарь русского языка*. Санкт-Петербург: Норинт.
- Пашкевич, С. (2018). *Информация и формирование памяти*. Наука и инновации, 12, 190, 17–22.

- Awdiejew, A. (2004). *Systemowe środki perswazji*. W: *Manipulacja w języku* (71–80), P. Krzyżanowski, P. Nowak (red.). Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej.
- Bogdanova, O. (2020). *Manipulirovanie pamyat'yu*. Aktual'nye issledovaniya, 1 (4), 46–48.
- Kremlin, (2022). *Obrashchenie prezidenta Rossiiskoi Federatsii*, YouTube, <https://www.youtube.com/watch?v=yPP1PtL6bMw>, accessed: 18.04.2022.
- Kuznetsov, S.A. (red.). (2000). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka*. St. Petersburg: Norint.
- naTemat. (2022). *Prezydent Duda: Polska jest wystarczająco rozległa, żebyśmy mieli gdzie na pastników pochować*, YouTube, <https://www.youtube.com/watch?v=2nsxi-y0iNs>, accessed: 18.04.2024.
- Niedźwieńska, A. (2001). *Spoleczne i poznawcze mechanizmy powstawania fałszywych wspomnień*. *Chowanna*, 1, 54–63.
- Pashkevich, S. (2018). *Informatsiya i formirovanie pamyati*. *Nauka i innovatsii*, 12, 190, 17–22.
- Telewizja Republika. (2023). *Andrzej Duda: Uroczystość wpisania nowych obiektów na listę pomników historii*, YouTube, <https://www.youtube.com/watch?v=GBpgOTiQlcA>, accessed: 18.04.2023.

Jadwiga Grunwald <https://orcid.org/0000-0003-2483-1258>

Kraków

jadwiga82@poczta.onet.pl

WARTOŚCIOWANIE JĘZYKOWE W MEDIACH SPOŁECZNOŚCIOWYCH MUZEUM PAMIĘCI SYBIRU

Linguistic Manifestations of Valuation in the Social Media Content of the Siberian Memorial Museum

Streszczenie

Do najbardziej dramatycznych doświadczeń ubiegłego stulecia zaliczyć można deportacje polskiej ludności na Syberię. Zaledwie parę lat temu – w latach 2020 i 2021 – obchodziliśmy osiemdziesiąt rocznicę największych masowych wywózek, które dotknęły ok. 1.7 mln polskiej ludności. Polityka sowiecka wobec Polaków przez wiele lat stanowiła jednak temat tabu. Zaczęto o niej mówić otwarcie dopiero pod koniec lat 80-tych XX wieku. Aktualnie odchodzą już ostatni świadkowie tamtych wydarzeń, a ich relacje przechodzą stopniowo z tzw. pamięci komunikacyjnej do pamięci kulturowej naszego narodu. Wielu ludzi i instytucji wkłada wysiłek w ocalenie ich od zapomnienia i zachowanie wiedzy o nich dla przyszłych pokoleń.

W 2021 roku otwarte zostało Muzeum Pamięci Sybiru (MPS), które w całości poświęcone jest dziejom Polaków na Sybirze. Placówka ta organizuje liczne wydarzenia oraz publikuje teksty, mające na celu przeblśnienie historii Sybiru jak najszerzszemu gronu odbiorców. W swoich publikacjach MPS stosuje liczne zabiegi wartościowania językowego, widoczne zarówno w jednostkach leksykalnych jak i w wartościujących aktach mowy takich jak *propozycja*.

Celem niniejszego artykułu jest leksykalna i kulturowa analiza postów na Instagramie oraz zbadanie sposobu, w jaki wyraża się w nich wartościowanie w języku. Badania zrealizowane zostaną w świetle metodologii aksjolingwistyki oraz teorii aktów mowy.

Słowa kluczowe: wartościowanie językowe, słownictwo, deportacje, zesłanie na Syberię.

Summary

The deportations of the Polish population to Siberia represent some of the most dramatic experiences of the last century. In 2020 and 2021, we commemorated the 80th anniversaries of the largest mass deportations, which affected approximately 1.7 million Poles. For many years, however, Soviet policies towards Poles remained a taboo subject, only being openly discussed starting in the late 1980s. Today, as the last witnesses of these events pass away, their accounts are transitioning from communicative memory to the cultural memory of the nation. Numerous individuals and institutions work to preserve this knowledge for future generations.

In 2021, the Siberian Memorial Museum (MPS) was established, dedicated entirely to the history of Poles in Siberia. The museum organizes various events and publishes materials aimed at presenting Siberian history to a broad audience. In its publications, the MPS employs various linguistic evaluation strategies, evident in lexical choices and evaluative speech acts, such as propositions.

This article aims to conduct a lexical and cultural analysis of Instagram posts and examine how valuation is expressed through language. The research is guided by the methodologies of axiolinguistics and speech act theory.

Keywords: manifestations of valuation, vocabulary, deportations, exile to Siberia.

„Zagrajcie pierwsze skrzypce, zagrajcie
Historię Syberii na strunie E.
Dzieciom jak bajkę opowiadajcie
To prawda, to nie był zły sen.

Zapłacicie pierwsze skrzypce, zapłacicie,
Nad mogiłami na strunie A.
Zlećcie się duchy i wszystko wybaczyć,
Ten ogrom cierpienia i ogrom zła”.

Barbara Derbisz

WSTĘP

W ostatnich latach byliśmy świadkami obchodów okrągłych rocznic związanych z drugą wojną światową, a przed nami kolejne. Do takich ważnych, godnych upamiętniania wydarzeń należały między innymi największe masowe deportacje Polaków do ZSSR, przeprowadzone w latach 1940–1941. Praktyka wywózek wielkiej liczby ludności na Syberię stosowana była przez wiele dziesięcioleci najpierw przez Rosję carską, a potem bolszewicką. Jeszcze po zakończeniu wojny, w latach 1945–1952 wywożeni byli Polacy na Syberię z Kresów wschodnich, z ziem utraconych na rzecz Związku Sowieckiego w 1945 roku. Pomimo że nie wszyscy nasi rodacy byli tym bezpośrednio dotknięci, zjawisko to przybrało tak ogromną skalę, że można w tym kontekście mówić o powstaniu traumy kulturo-

wej¹ polskiego społeczeństwa. Sowieckie zsyłki Polaków na Syberię były w Polsce w latach komunizmu tematem tabu: „W latach powojennych w naszej historiografii zwyciężył kierunek selekcjonowanego podawania faktów historycznych. Pomijano te, które stały się dla pewnych osób czy grup niewygodne, drażliwe, wstydlive” (Żaroń, 1990, 9).

Ten stan rzeczy zaczął się zmieniać dopiero czterdzieści lat po wojnie, kiedy w kwietniu 1987 roku została podpisana przez gen. Wojciecha Jaruzelskiego i Michaiła Gorbaczowa *Deklaracja o polsko-radzieckiej współpracy w dziedzinie ideologii, nauki i kultury*. Moskiewska Deklaracja zapowiadała usunięcie wszelkich białych plam, jakie pojawiły się w oficjalnej historiografii dotyczącej stosunków między obu krajami, partiami i narodami (ibid. 10). W roku 1988 wznowił swoją działalność Związek Sybiraków – organizacja, grupująca byłych zesłańców oraz popularyzująca ich historie. Rozprzestrzenianiu się wiedzy o deportacjach sprzyjało również otwarcie granic². W ostatnich latach obserwujemy wzrost zainteresowania tematyką deportacji Polaków na Wschód. Obecne pokolenia zaczynają uświadamiać sobie bowiem znaczenie tych wydarzeń dla swojej tożsamości kulturowej. Jak pisze Anna Branach-Kallas (2018, 21),

¹ Pojęcie traumy funkcjonuje od stosunkowo niedługiego czasu. Terapie dla pacjentów, którzy w przeszłości doznali szokujących przeżyć, pojawiły się w medycynie i psychologii dopiero w drugiej połowie dwudziestego wieku. Po sukcesach terapii traumatycznej niektórzy badacze zaadoptowali pojęcie traumy również dla nauk humanistycznych, np. Piotr Sztopmka, Neil J. Smelser. Obecnie mówi się zatem również o traumie społecznej bądź kulturowej. Zob.: J.C. Alexander, R. Eyerman (2004). *Cultural Trauma and Collective Identity*. Berkeley–Los Angeles: University of California Press.

² Warto upamiętnić w tym miejscu jedną z osób, które właśnie dzięki otwarciu granic w znaczny sposób przyczyniły się do popularyzacji wiedzy o sowieckich deportacjach Polaków. Był nią podróżnik Władysław Grodecki, historyk-pasjonat, który przed wyruszeniem na swoją pierwszą wyprawę dookoła świata w 1992 roku nie miał wiedzy o masowych wywózkach Polaków w głąb ZSSR. Dopiero przebywając w 1992 roku w byłej stolicy Persji, Isfahanie, ze zdziwieniem natrafił na cmentarze polskich dzieci – dzieci-zesłańców, które w wyniku działań wojennych i zmiany polityki ZSSR wobec Polski, wywiezione zostały do Iranu. Od tego momentu Grodecki zaczął podążać śladem polskich deportowanych. Zaczął odkrywać, że wraz z wkroczeniem wojsk sowieckich i funkcjonariuszy NKWD na tereny Polski w 1939 roku rozpoczęły się aresztowania, mordy, rozstrzeliwanie rodzin, zabór mienia oraz masowe wywózki na Sybir. W głąb Rosji wywieziono wtedy ok. 1,7 mln Polaków. Kolejne dwadzieścia lat Grodecki poświęcił samotnym wędrówkom po świecie w celu odszukania jak największej liczby Polaków oraz spisania i popularyzowania ich świadectw (Grunwald, 2023, 135–140). Grodecki był zaskoczony znikomą wiedzą na temat tych wydarzeń oraz brakiem zainteresowania ze strony polskiego społeczeństwa: „O wychodźcach, Polakach wypędzonych z ich ojczystych ziem *nikt nic nie mówił*. W żadnym podręczniku *nie było wzmianki* o tym dramacie polskich sierot. Dlaczego polski inżynier był zaskoczony polskimi krzyżami, grobami na Bliskim Wschodzie, dlaczego naszych misjonarzy szokowały polskie cmentarze w Afryce Wschodniej, dlaczego pracownicy Ambasady RP nie wiedzieli nic o obozie Santa Rosa koło Leon w środkowym Meksyku?” (Grodecki, 2005, 19). Dramatycznym historiom polskich zesłańców Grodecki poświęcił liczne artykuły prasowe, a ponadto prezentował w placówkach kultury autorskie wystawy i organizował panele dyskusyjne (zob.: Bolesławski, 2017).

[r]ekonstrukcja pamięci o traumatycznych wydarzeniach, podobnie jak proces przepracowania traumy indywidualnej, często zajmuje dużo czasu. Pomniki, muzea, rytuały upamiętniania, literatura, film, sztuka, służą rekonstrukcji tożsamości zbiorowej, zobiiektywizowaniu „lekcji traumy”, ukojeniu bólu i „uspokojeniu” społeczeństw.

Podjęmowanie tego bolesnego tematu zatem korzystnie warunkuje nabywanie przez potomków ofiar oraz ogółu społeczeństwa zdolności do stopniowej zmiany konotacji związanych ze straszną przeszłością. Świadome ukierunkowanie działań związanych z jej upamiętnianiem stopniowo łagodzi negatywne emocje, takie jak złość, ból czy strach. Perspektywa czasu pozwala na spojrzenie na tamte wydarzenia z większym dystansem i nadanie im nowych znaczeń. Obok bólu pojawia się duma ze szlachetnych postaw, z siły witalnej, pozwalającej zesłańcom przeżyć itd.

Jedną z placówek bardzo aktywnych na tym polu jest otwarte w 2021 roku Muzeum Pamięci Sybiru³ (MPS). Jest to pierwsze muzeum w Polsce w całości poświęcone dziejom Polaków na Sybirze – zarówno deportowanym w XX, jak i zesłańcom XIX-wiecznym i wcześniejszym. Placówka ta organizuje panele dyskusyjne, publikuje książki, a także wykazuje się dużą aktywnością na mediach społecznościowych. Konta na Instagramie, Facebooku, X (dawnym Twitterze) czy platformie YouTube liczą po kilkaset postów. Codziennie ukazują się nowe wpisy, zdobywające po kilkadziesiąt polubień. Warto wspomnieć, że Muzeum Pamięci Sybiru otrzymało Nagrodę Muzealną Rady Europy 2024⁴ – prestiżowe odznaczenie, które przyznawane jest przez Radę Europy od 1977 roku za badanie przeszłości, za upamiętnianie historii i za jej rozpowszechnianie w przystępny sposób.

Celem artykułu jest leksykalna i kulturowa analiza treści, opublikowanych na Instagramie Muzeum Pamięci Sybiru od pierwszego wpisu z dn. 25 lipca 2019 do końca roku 2023. Szczególną uwagę poświęcam sposobom wyrażania wartościowania w języku, czyli wartościującym wyrazom oraz aktom mowy. Badania zrealizowane zostały w świetle metodologii aksjolingwistyki oraz pragmalingwistyki.

POJĘCIE WARTOŚCI I WARTOŚCIOWANIA

Problem wartości w sensie aksjologicznym, jakkolwiek nie określany tym słowem aż po drugą połowę XIX w., istniał w myśli filozoficznej dużo wcześniej. Do najstarszych dzieł, w których poruszany jest problem dobra i zła, praw-

³ Projekt „Wykonanie wystawy stałej i zakup wyposażenia na potrzeby Muzeum Pamięci Sybiru” realizowany jest w ramach działania Ochrona dziedzictwa kulturowego i rozwój zasobów kultury, Programu Operacyjnego Infrastruktura i Środowisko 2014–2020, Ministerstwa Kultury i Dziedzictwa Narodowego. Otrzymał również dofinansowanie z Unii Europejskiej w ramach Programu Operacyjnego Infrastruktura i Środowisko 2014–2020.

⁴ Muzeum Pamięci Sybiru z Nagrodą Muzealną Rady Europy 2024! <http://poiis.mkidn.gov.pl/wiadomosci/muzeum-pamieci-sybiru-z-nagroda-muzealna-rady-europy-2024>, dostęp: 2.02.2024.

dy i kłamstwa, piękna i brzydota, należą pisma etyczne Arystotelesa, rozważania Platona, myśli św. Augustyna, św. Tomasza i wielu innych. Szczególne zainteresowanie naturą i systemem wartości pojawia się na przełomie XIX i XX w. i trwa do dziś. Do problemów, jakimi zajmuje się aksjologia, należą przede wszystkim pytania o status ontologiczny wartości, jak również o to, czy istnieją one obiektywnie, czy raczej stanowią subiektywne przeżycia.

Andrzej Tyszką (2014, 18) definiuje *wartości* z punktu widzenia socjologii kultury jako „utrwalone w języku narzędzia mentalne służące do kodowania różnych postaci dobra i zła”. Natomiast Jadwiga Puzynina (2013, 67), przodująca badaczka, zajmująca się problematyką aksjolingwistyki w Polsce, pisze, że czasownik *wartościować* oznacza „przypisywanie przez kogoś wartości czemuś”.

W językoznawstwie rozważania nad semantyką i pragmatyką wyrażen wartościujących zaczęły się wyodrębniać jako nurt badawczy dopiero w drugiej połowie lat siedemdziesiątych XX wieku. Spotkanie aksjologii z językoznawstwem następuje głównie w świecie wyrazów i ich znaczeń. Do kręgów zagadnień wiążących obie wskazane dyscypliny należą próby zdefiniowania wartości z jednej strony i wartościowania z drugiej. Aksjolog zastanawia się przede wszystkim nad tym, czym naprawdę jest wartość, piękno, dobro itd., natomiast lingwista pyta: jak ludzie mówiący danym językiem w danej epoce rozumieją słowo *wartość* – *piękno* – *dobro* itd. Poza tym i lingwista, i aksjolog szukają odpowiedzi na pytania o to, jak wyraża się wartościowanie w języku, jakie jednostki języka mu służą oraz w jaki sposób przejawia się ono w strukturze tekstów – bądź to w sposób jawny, bądź też niejawny, świadomie lub nieświadomie zakamuflowany (Puzynina, 2013, 21–31).

Puzynina (2013) definiuje wartościowanie jako ocenianie w sensie jakościowym, które można rozumieć jako wydawanie i/lub wypowiedzanie sądu o wartości, tj. o tym, czy coś jest dobre, czy złe pod jakimś względem, czy też znajduje się w jakimś punkcie skali wartości pomiędzy dobrym i złym. Czasownik ten wyodrębnia spośród ocen te, które bywają nazywane jakościowymi lub aksjologicznymi. W zdaniach języka ogólnego obiektami wartościowań bywają cechy, stany, czynności, sytuacje, przedmioty, osoby, miejsca itd.

Aksjologizacja wyrażać się może za pomocą rozmaitych środków systemowych, jednak głównym kodowym środkiem przekazu wartości są *wyrazy*. Badaczka dzieli słowa wyrażające wartości na wyrazy ogólnie oceniające (dobry/zły, pozytywny/negatywny, dodatni/ujemny) oraz opisowo-oceniające. Relacje między składnikiem opisowym i wartościującym mogą być w tej drugiej kategorii wyrazów różne, np. wyraz *oszczerca* to „ten, kto mówi rzeczy złe a nieprawdziwe o kimś, tak by mu zaszkodzić. Nadawca uznaje jego zachowanie za złe”. Tu opisowość i wartościowanie wielorako się przeplatają. Odrębne typy wyrazów wartościujących stanowią wyrazy funkcyjne: partykuły (*niestety*, *byle*, *nie lada*), czy przyimki (*dzięki*, *koszt*). Wszystkie podane tu przykłady to wyrazy wartościujące jako jednostki kodowe, wartościowanie jest w nich elementem definicyjnym.

Ponadto Puzynina rozróżnia w wyrażeniach wartościujących dwa typy predykcji: pierwszego i drugiego stopnia. Czysto wartościujące określniki są w rzeczywistości zawsze predykatami co najmniej drugiego stopnia, tzn. określają inne predykaty. Natomiast w wyrazach opisowo-wartościujących mamy zawsze do czynienia z obydwojema typami predykcji. Kiedy określamy kogoś np. jako uczciwego, to przypisujemy mu pewne właściwości (że mówi to, co naprawdę myśli, nie wprowadza innych w błąd dla własnej korzyści, że nie przyswaja sobie cudzych dóbr), a pozytywne wartościowanie zawarte w konotacji kulturowej tego wyrazu dotyczy tych właśnie cech, jest predykcją drugiego stopnia.

Analogicznie, przedmioty i osoby posiadające wartości sekundarne (wtórne) są dla mówiących wartościowe czy też bezwartościowe jako nosiciele własności lub stanów; jako wykonawcy, narzędzia i wytwory czynności, źródła (kauzatory) pewnych doznań, stanów, które mówiący oceniają pozytywnie czy też negatywnie. Na tej zasadzie wartościujemy pozytywnie np. kwiaty jako piękne, lekarza jako tego, który leczy, samochód jako środek transportu, książkę jako źródło miłych doznań i wiedzy. Miejsce i czas mogą również przejmować wartości od wydarzeń, przeżyć z nimi związanych – np. *wakacje*, *Boże Narodzenie*, *Warszawa* dla Polaków. Tak odbywa się promieniowanie wartości na otaczający nas świat.

Ważnym aspektem wypowiedzi wartościujących jest ich funkcja perswazyjna, czyli funkcja *kształtowania postaw ludzkich*, a pośrednio – ludzkich zachowań.

MISJA MUZEUM PAMIĘCI SYBIRU

Wysoce uzasadnione wydaje się używanie języka wartości przez placówki kultury. Celem takich instytucji bowiem jest właśnie kształtowanie postaw: przykładowo nakłanianie do odwiedzenia muzeum i brania udziału w różnych wydarzeniach. Używanie wartościujących zabiegów lingwistycznych jest również świadomym zabiegiem lingwistycznym, stosowanym przez Muzeum Pamięci Sybiru:

Poprzez pryzmat losów Polaków i innych obywateli wielonarodowej Rzeczypospolitej, pokazujemy uniwersalne prawdy o ludzkim okrucieństwie i o braterskiej sile przetrwania, o ideologicznym szaleństwie totalitaryzmów, i o podstawowych wartościach moralnych wypracowanych przez cywilizację (Strona internetowa MPS).

Jednym z głównych przedmiotów działań Muzeum Pamięci Sybiru jest upowszechnianie wiedzy związanej z tematyką deportacji i losów Polaków na Sybirze. Słowem kluczowym jest tutaj *prawda*: doświadczenie jej powinno stać się rezultatem aktywności poznawczej człowieka. Często prawda bywa bolesna, jednak „Poszukiwanie prawdy wymaga trudu, jednakże warto go podnieść, gdyż owo *coś*, które pragniemy odszukać jest cenne – jest *wartością*” (Korzyk, 1993, 48).

Źródłem tej wiedzy są wspomnienia Sybiru, będące jednocześnie istotną częścią polskiej historii i kultury. Doświadczenie zesłania stało się bowiem udziałem niejednej polskiej rodziny. W polskich archiwach prywatnych i państwowych przechowywane są listy, pamiętniki, spisane relacje, a także nagrania audio i audiowizualne.

Mijające obecnie osiemdziesiąt lat od wydarzeń drugiej wojny stanowi jednocześnie umowną granicę, która zachodzi pomiędzy tzw. pamięcią komunikacyjną a kulturową danego narodu (Jan i Aleida Assmann, 1988). Od tego momentu dłuższe funkcjonowanie pamięci staje się możliwe jedynie poprzez materialne lub rytualne utrwalenie wybranych przekazów. Dlatego tak istotna jest działalność MPS, polegająca na gromadzeniu, ochronie oraz udostępnianiu zbiorów dokumentujących losy obywateli polskich zesłanych i deportowanych na Sybir. Konieczne jest, aby z prawdą historyczną zapoznawały się kolejne pokolenia i przekazywały ją dalej.

Innym ważnym elementem działalności Muzeum Pamięci Sybiru jest gromadzenie pamiątek po Sybirakach oraz oryginalnych eksponatów obrazujących ich życie. Do oferty muzeum należy również publikacja oraz utrwalanie w przestrzeni publicznej ustnych przekazów. Duża liczba materiałów w płynny sposób łączy narrację historyków ze wspomnieniami uczestników i świadków zdarzeń, np.:

Kobiety wraz z dziećmi, nieprzygotowane do pracy ponad siły, musiały przystosować się do życia w prymitywnych warunkach kazachskich gospodarstw. *Ola Watowa tak opisała doświadczenie swojego pobytu w Kazachstanie: „Ile godzin trwała ta męka? Ile razy wydawało mi się, że jeśli jeszcze raz padnę, nie będę w stanie się podnieść? Szczękając zębami, chwytając się na nogach (...) byłam już na dnie zwątpienia”*. O dramacie deportowanych kobiet i dzieci nie możemy zapomnieć [...] (Ola Watowa, 13.04.2020⁵).

W przytaczanych przez MPS wypowiedziach Sybiraków wyraźnie widoczne jest wartościowanie językowe. Wypowiedzi opisujące wydarzenia bolesne, zawierają wartościowanie *negatywne*, np.:

Leżałyśmy poowijane w *jakiś szmaty*. Ja miałam halucynacje. Już nie było mi zimno ani głodno... (Ewa Dęga, 6.04.2020).

Starsze rodzeństwo i ja, zbieraliśmy „baras” – zamrożoną żywicę drzew. Do nóg mocowało się derki zaostrome na przodzie, braliśmy do ręki wiadra i zeskrobywaliśmy „baras”. *Zimno było piekielne*. Śnieg się zapadał pod derkami, *rękawice byle jakie, głód skręcający kiszki, wiadro dyndające u boku niewiele większej od niego dziewczynki dopełniały obrazu rozpacz* (Maria Halicka, 26.09.2020).

W lasach głębokiej tajgi czekały na nas baraki i tam rozpoczęliśmy życie, jednocześnie dostając informację, że już nie ma możliwości powrotu do Polski. [...] Był głód, zimno, choroby, były zgony (Grażyna Świątecka, 11.10.2023).

⁵ W nawiasach okrągłych podano nazwiska autorów cytowanych wypowiedzi oraz daty publikacji tekstu na Instagramie.

Wypowiedzi Sybiraków zawierają dużą liczbę wyrazów opisowo-oceniających (*szmaty, zimno, choroby, zgony*) oraz przydawek (*piekielnie zimno, byle jakie rękawice*). Na uwagę zasługuje intensyfikacja przysłowka *zimno*. Autorka wypowiedzi nie korzysta z typowych środków stylistycznych, przyrównujących niską temperaturę do przedmiotów, które zawsze są zimne w dotyku (*zimno jak w lodowni, zimno jak w kostnicy*, zob.: Straś, 2008, 174–175), ale zestawia je z intensyfikatorem, odpowiednim dla cechy ciepła (*piekło*). W ten sposób tworzy oksymoron, dodatkowo wzmacniając ekspresywność swojej wypowiedzi. Pojawiają się również partykuły emotywnie, np.:

Następnym zadaniem bandytów z NKWD było znalezienie mojego taty. [...] *Mój Boże*, pierwszy raz wyparłem się własnego ojca [...] (Tadeusz Dargiewicz, 23.06.2020).

Część wypowiedzi łączy wartościowanie negatywne dotyczące przeszłości z wartościowaniem pozytywnym, np.:

W 1946 r. [ojciec] został za to aresztowany przez Sowietów. – Najpierw przez rok i trzy miesiące był przesłuchiwany w Mińsku, w sposób okrutny, torturowany. *Nikogo nie wydał, z czego był dumny do końca życia*. [...] – Kiedy jej mąż został skazany na wieczną zsyłkę, moja teściowa stanęła przed dylematem [...]. Pojawiła się możliwość dołączenia do męża na to zesłanie. Podjęła ostatecznie decyzję, że *zostawia wolność i wyrusza pociągami, ze swoim synem*. Ze świadomością, że może już nie wrócić. To dla nas jako rodziny *niesamowity przykład wierności mężowi, przyzwoitości* [...] (6.12.2022).

Powyższa wypowiedź zawiera leksemy opisowo-oceniające w rozumieniu Puzyniny: zarówno negatywne (*areszt, tortury, wieczna zsyłka*), jak i pozytywne (*nikogo nie wydał, podjęła decyzję, że zostawia wolność*). Wolność to jedna z najcenniejszych dla człowieka wartości (Abramowicz, 1993, 147), zatem dobrowolna rezygnacja z niej to największa możliwa ofiara miłości. W postach MPS licznie przytoczone są wypowiedzi Sybiraków, dające świadectwo bohaterskim postawom ich matek i siostr, np.:

[...] jeden z żołnierzy *zapropoNOWał mamie, żeby uciekla* i zaklinał się, że nie będzie strzelał. Oczywiście mama *odrzuCIła propozycję*, przecież czekały na nią dwie małe córeczki (nie podano autora, 26.05.2020).

Dali pół godziny na spakowanie się. Marylka, najstarsza siostra miała wówczas 12 lat, ja – Krystyna – 8 lat, Zdzisław 4 latka. [...] Marylka zachowała się bohatersko, jak przystało na harcerkę. Szybko sama się ubrała, *pomogła ubrać się młodszemu rodzeństwu*, a szczególnie braciszкови, który płakał, że nie chce nigdzie jechać, bo chce mu się spać (Krystyna Dobrowolska, 8.03.2021).

Wiele takich opowieści posiłkuje się przyimkiem wartościującym *dzięki*, np.:

„Przeżyliśmy dzięki Mamie”, „Przeżyłem dzięki nadludzkim wysiłkom mojej babci i mamy, które były uosobieniem dobroci i zaradności”, „Dzięki mojej dzielnej mamie nie zostaliśmy

na zawsze w tej niehumanitarnej ziemi” – opowiadali po latach ci, których na Wschód wywieziono jako małe dzieci (19.05.2023).

Warto zwrócić uwagę, że wiele z cytowanych wypowiedzi wyraża wdzięczność wobec konkretnych osób oraz pochwałę ich postaw. Posty MPS zawierają jednak niewielką liczbę wyrażen deprecjonujących zbrodniarzy (*bandyci z NKWD*). Negatywne wartościowanie dotyczy głównie stanów, warunków klimatycznych, doznań, rzadko jednak osób.

Duża liczba deportowanych straciła swoich rodziców i zdana była jedynie na siebie. Wielu ocalałych ubolewa nad brakiem wiedzy o losie, który spotkał ich rodziny. Wszechobecna jest również żałoba po najbliższych, np.:

„Nasza Krysia zmarła na Syberii 1941 r. koniec lipca” – autorami takiego zapisu, umieszczonego na rewersie zdjęcia małej dziewczynki, byli jej zrozpaczeni rodzice (20.06.2023).

Posty MPS podkreślają ogromną liczbę ofiar polityki sowieckiej: sztucznie wywołanej klęski głodu, ludobójstwa w ramach tzw. Operacji Polskiej NKWD w latach 1937–1938, transportu tysięcy obywateli w bydłowych wagonach, braku opieki medycznej itd. Tragiczne jest również to, że liczba ofiar często znana jedynie w przybliżeniu.

Do tej pory *nie udało się oszacować liczby ofiar* [klęski głodu], ale z pewnością sięgała ona kilku milionów (23.11.2019).

Do dzisiaj *nie są znane wszystkie miejsca pochówków*, a lista ofiar zbrodni katyńskiej pozostaje niepełna (3.04.2020).

Tysiące obywateli polskich zostało zamordowanych lub zginęło w wyniku głodu, zimna i chorób, nie mając możliwości oddania świadectwa. Dlatego MPS podejmuje wysiłki, aby dociec prawdy oraz ją upublicznić, np.:

Wciąż niewiele wiemy o Tadeuszu Jasińskim, nastoletnim bohaterze, symbolu obrony Grodna. [...] Młodzi chłopcy, a wśród nich Tadeusz Jasiński, atakowali sowieckie czołgi butelkami z benzyną. [...] Sowieci złapali Tadeusza i przywiązali go do czołgu. Stał się „żywą tarczą”. Podczas walk, wleczony na tanku, zmaltretowany chłopiec został kilkakrotnie postrzelony (21.09.2023).

Archiwum MPS przytacza także relacje potomków, dążących do poznania swojej rodzinnej historii. Pomimo różnorodnych wysiłków poznanie prawdy często okazuje się jednak niemożliwe. Przykład stanowi świadectwo dr Marceliny Jakimowicz, wnuczki i prawnuczki Sybiraków:

O bracie prababci Marii, Stanisławie Milińskim, wiem tyle, że walczył w armii Berlinga, ale na tym moja wiedza się kończy. Znam wiele opowieści, ale nie jestem w stanie ich zweryfikować (Marcelina Jakimowicz, 15.02.2023).

Również wiedza na temat innego z jej przodków, dziadka, Józefa Świeżego, opiera się na pogłoskach:

Poznałam trzy skrajnie różne opowieści o jego losach. [...] Daleka rodzina, do dziś mieszkająca na terenie Ukrainy, mówi, że zmarł w więzieniu, do którego trafił za kradzież chleba. Prababcia Maria przez lata zbywała swoją córkę, sugerując, że zginął w Katyniu. Jest też możliwe, że został wcielony do Trudarmii i tam zaginął (ibid.).

Misją MPS jest ochrona prawdy przed zapomnieniem i zapobieganie zniszczeniu dziedzictwa materialnego. Częścią kampanii jest gromadzenie wizerunków oraz wspomnień Sybiraków i ich potomków. Muzeum w następujący sposób zachęca do oddawania pamiątek po przodkach z Sybiru do archiwum:

A może przechowujecie pamiątki z dawnych lat, które powoli, ale bezpowrotnie niszczą i coraz mniej osób interesuje ich pochodzenie? *Możecie* je przekazać do Muzeum Pamięci Sybiru! Zadbamy o nie, zabezpieczymy przed upływem czasu i damy im nowe życie, pokazując je tysiącom ludzi i opowiadając ich historie (11.06.2021).

Motyacją do oddania do muzeum rodzinnych pamiątek ma zatem być podniesienie ich wartości po włączeniu do ekspozycji. Mają one stać się w ten sposób nośnikami historii i być dostępne tysiącom zwiedzających. Istniejące już instalacje mają być zarazem „obietnic[ą], że w Muzeum Pamięci Sybiru losy zamordowanych nie zostaną zapomniane, zaś każdy przedmiot do nich należący – zostanie otoczony należną mu czcią” (30.03.2020). Poprzez otaczanie czcią przedmiotów twórcy ekspozycji dokonują symbolicznego uczczenia ofiar. W mediach społecznościowych znajdują się posty na temat eksponatów, takich jak drewniana skrzynka, ręczne wrzeciono, skrzypce. Wiele z tych przedmiotów zostało wykonanych na zesłaniu w spartańskich warunkach z niezwykłą precyzją. Ich kunszt świadczy o wybitnych zdolnościach manualnych i niezwyklej woli przetrwania ich twórców i zarazem w bardziej namacalnym wymiarze wizualizuje ich historie.

Przytoczony powyżej fragment, dotyczący oddania pamiątek do muzeum oraz wiele innych wpisów na mediach społecznościowych MPS, stanowi wyraźną zachętę do konkretnych działań. W tym celu wykorzystywane są działania komunikacyjne określane w językoznawstwie pragmatycznym jako akty mowy. W materiale badawczym wyraźnie dominuje akt mowy *propozycja*.

Według Ewy Komorowskiej (2008, 93), w akcie mowy *propozycja* „nadawca nawołuje, skłania odbiorcę do działania (niekiedy wspólnego), które leży w interesie zarówno nadawcy, jak i odbiorcy. Adresat dysponuje prawem wyboru: może przyjąć sugestię, nie musi jednak podejmować decyzji o postępowaniu zgodnym z propozycją; co ważne, odmowa nadawcy nie wiąże się z sankcjami w przeszłości”. W wielu tekstach MPS przekonuje swoich odbiorców o tym, że z odwiedzenia Muzeum oraz udziału w organizowanych przez nie wydarzeniach płyną ko-

rzyści w postaci zdobycia wiedzy historycznej, poznania świata, bycia na bieżąco, czy zaspokojenia ciekawości, np.:

Obserwuj nasz Instagram, *aby być na bieżąco i przenieść się w świat historii*, której nie znajdziesz w szkolnych podręcznikach (25.07.2019).

Tym razem [...] polecamy Wam sięgnięcie po publikację „Pierwszy sowiecki łagier. Wyspy Sołowieckie (1920–1939)”. *Warto wiedzieć*, że Archipelag Wysp Sołowieckich leży na Morzu Białym w odległości aż 55 km od najbliższego portu (9.10.2020).

Wiele wpisów zawiera wyrażenie intencji za pomocą słowa performatywnego: *zachęcamy (do sybskrypcji, do lektury, do odwiedzania wirtualnej odsłony projektu, do rozwiązywania quizu, do zapoznania się z kampanią/ ze stroną poświęconą akcji, do dzielenia się waszymi opiniami w komentarzach)*.

Duża liczba postów zawiera zachętę do działania w postaci czasowników w trybie rozkazującym w drugiej osobie liczby mnogiej (*Zobaczcie sami!, śledźcie nasz profil, obserwujcie nasz kanał, Poznajcie z nami ludy syberyjskie! Przeczytajcie uważnie opis quizu i zapoznajcie się z regulaminem!, Zarezerwujcie sobie trochę czasu i opowiedzcie dzieciom historię głównego bohatera, Dajcie znać znajomym!*). Posty w czasie pandemii Covid-19 zawierały hashtag *zostańwdomu* lub *zostańciwdomach* (np. *Rekomendujemy #zostańwdomu, a my na bieżąco pokazemy Ci postępy w realizacji prac; #zostańciwdomach i obserwujcie nasz kanał – już za chwilę wracamy z kolejną fajną akcją!*).

Propozycje wzmocnione są wykładnikami intensyfikacji takimi jak *koniecznie (koniecznie obserwujcie nasz kanał/ dajcie znać znajomym!/ sprawdźcie informacje o konkursie/ podzielcie się opinią na temat kampanii!)* oraz predykatami wartościującymi (*najciekawsze historie; bezcenne pamiątki; oryginalne eksponaty*).

Do zadań MPS należy również monitorowanie mediów publicznych oraz badanie języka. Kwerendy MPS pozwoliły na wyłonienie zmian, zachodzących w użytkowaniu języka. Z badań wynika, że słowa związane z deportacją używane bywają w niewłaściwych kontekstach. Wyrażane bywają przykładowo poglądy, „że na Sybir powinno się trafiać za odmienne poglądy polityczne, wyznanie, postawy społeczne, czy za niewłaściwe guziki w kołnierzyku koszuli” (6.04.2020). Deklarowanym zadaniem MPS jest chronienie pamięci o Sybirze wraz z całym kontekstem znaczeniowym oraz nienaruszanie semantyki tego słowa. MPS w następujący sposób informuje o zapoczątkowanej w kwietniu 2020 akcji⁶:

Na co dzień, jako pracownicy Muzeum Pamięci Sybiru, czujemy się zobowiązani do pielęgnowania pamięci o ofiarach sowieckiego reżimu i budowania postaw pełnych szacunku. I właśnie o tych *wartościach* mówi kampania społeczna „Po ilo kilometrach”. Zachęcamy do zapoznania się ze stroną poświęconą akcji i do dzielenia się waszymi opiniami w komentarzach! (2.04.2020).

⁶ O wyniku kampanii przeczytać można m.in. na stronie: <https://nowymarketing.pl/a/26156,odkulis-kampania-po-ilo-kilometrach-muzeum-pamieci-sybiru>, dostęp: 22.11.2023.

Posty, informujące o akcji zawierają wyraźną propozycję, wyrażoną poprzez czasowniki modalne (*Zachęcamy Was do zapoznania się z kampanią „Po ilu kilometrach”*). W naszej kampanii społecznej *pragniemy pokazać [...]*, tryb rozkazujący w drugiej osobie liczby pojedynczej (*Zajrzyj na www.poilukilometrach.pl; Wejdź na www.poilukilometrach.pl i wiedz więcej!; sprawdź nową akcję Muzeum Pamięci Sybiru! Daj znać w komentarzu, co o niej myślisz*) lub mnogiej (*Sprawdźcie akcję „Po ilu kilometrach” i odpowiedzcie sobie na pytanie: Dlaczego obecnie tak łatwo przychodzi nam używanie słów „zesłać na Sybir” w niewłaściwych kontekstach?*).

Kolejnym polem działalności MPS jest nakłanianie swoich odbiorców do podejmowania konkretnych działań, mających na celu zachowanie pamięci i czynne dawanie świadectwa o uczestnictwie w takich akcjach. Wiele z tych działań ma charakter symboliczny, np. złożenie kwiatów i zapalenie zniczy pod pomnikiem, minuta ciszy ku pamięci ofiar, pokonanie wyznaczonej trasy z widoczną odznaką danej akcji. Dzięki ich widoczności w przestrzeni publicznej czytelne są one dla osób postronnych jako znak konkretnej postawy, np.:

Już 17 września, punktualnie o godzinie 12:00, w Białymstoku zabrzmia syreny alarmowe. *Przystanmy wtedy na chwilę, by oddać hołd ofiarom sowieckich represji. Akcja „Zatrzymaj się” jest elementem wydarzeń rocznicowych, związanych z 81. rocznicą agresji sowieckiej na Polskę (13.09.2020).*

Peleton Pamięci 17.09 – *pokaż, że jesteś z nami!* [...] Jeżeli chcesz być częścią tej edycji Peletonu Pamięci – *wsiądź na rower i pokaż, że jesteś z nami i pamiętasz!* (8.09.2020). Kto już odwiedził wszystkie przystanki? *Oznaczajcie się za pomocą #peletonpamieci* (17.09.2020).

MPS stawia sobie za zadanie uświadamianie społeczeństwa o tym ważnym rozdziale historii naszego narodu. Poświęcanie mu uwagi jest bowiem kluczowe dla przezwyciężenia traumy kulturowej Polaków, o czym świadczy przykładowo sugestywna nazwa dyskusji panelowej „Oswajając traumę”, która odbyła się dn. 22 listopada 2019 r. Zwiększeniu obecności tematyki doświadczenia zsyłki w przestrzeni publicznej służą również kampanie społeczne, np. *A ty po ilu kilometrach myślałbyś o domu?* (treść plakatu opublikowanego 6.04.2020), działania rekreacyjne takie jak spacer *Za pierwszego Sowieta (1939–1941)* (10.09.2019), XIX Międzynarodowy Marsz Pamięci Zesłańców Sybiru (20.09.2019), czy odbywające się rokrocznie w lutym Biegi Pamięci Sybiru. Pochyleniu się nad tematem deportacji sprzyjać ma również organizacja wydarzeń kulturalnych, takich jak wirtualne podróże, warsztaty dla dzieci, wystawy malarstwa czy koncerty. Akcje MPS mają na celu pielęgnowanie pamięci i szacunku wobec heroiczych postaw deportowanych oraz stanowią zachętę do zadumy nad przeszłością i wyciągnięcia wniosków na przyszłość. Ekspozycje oraz wydarzenia kulturalne zwracają ponadto uwagę na pozytywne aspekty doświadczeń syberyjskich: piękno przyrody, potęgę umysłu i siłę rąk ludzkich, a także dającą siłę do przeżycia wierność wartościom moralnym i wszechobecną w tych nieludzkich warunkach miłość silniejszą niż każde zło.

WNIOSKI

Muzeum Pamięci Sybiru stosuje w swoich mediach społecznościowych liczne zabiegi wartościowania językowego. Aksjologizacja wyraża się za pomocą wyrazów ogólnie oceniających oraz opisowo-oceniających. Narracja łączy w sobie negatywne wartościowanie zachowań agresora oraz warunków na zesłaniu z pozytywnym wartościowaniem postaw ludzi deportowanych. Dużą liczbę postów zaklasyfikować można jako akty mowy *propozycja*. Posiadają one funkcję kształtowania postaw i zachowań ludzkich. Intencje autorów tekstów są jasne do odczytania.

Dzięki zabiegom MPS straszne wydarzenia z przeszłości stają się nie tylko powodem żalu i smutku, ale również źródłem inspiracji i drogowskazem na przyszłość. W ten sposób zarówno rodziny ofiar, jak i my jako społeczeństwo dostajemy szansę, aby się z tym dziedzictwem zmierzyć i je przeewaluować. Historie i przedmioty, dotąd zapomniane lub chowane w ukryciu, nabierają nowej wartości. Zmienia się ich symbolika oraz uczucia, które wywołują. Historia Sybiru nabiera dzięki temu nowego znaczenia jako nauka dla przyszłych pokoleń, z której można wyciągnąć wnioski i która dostarcza autorytetów oraz wzorów do naśladowania. Heroiczne postawy Sybiraków natomiast stają się podstawą, na której można budować zdrowe i mądre społeczeństwo.

BIBLIOGRAFIA (REFERENCES)

- Abramowicz, M. (1993). *Wolność*. W: *Nazwy wartości. Studium leksykalno-semantyczne* (147–155), J. Bartmiński, M. Mazurkiewicz-Brzozowska (red.). Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej.
- Alexander, J.C., Eyerman, R. (2004). *Cultural Trauma and Collective Identity*. Berkeley–Los Angeles: University of California Press. <https://doi.org/10.1525/9780520936768>
- Assmann, A., Assmann, J. (1988). *Schrift, Tradition und Kultur*. W: *Zwischen Festtag und Alltag. Zehn Beiträge zum Thema „Mündlichkeit und Schriftlichkeit“* (25–49), Wolfgang Raible (wyd.). Tübingen: Gunter Narr.
- Bolesławski, B. (2017). *Zapomniane dzieci – wywiad z Władysławem Grodeckim*, <https://www.racjonalista.pl/kk.php/s,10155>, dostęp: 11.01.2024.
- Branach-Kallas, A. (2018). *Szok Wielkiej Wojny – o traumie indywidualnej, traumie kulturowej oraz portretach gueules cassées we współczesnej literaturze brytyjskiej i francuskiej*. *Teksty Drugie. Teoria literatury, krytyka, interpretacja*, 4, 12–36. <https://doi.org/10.18318/td.2018.4.2>
- Grodecki, W., Szerłomski, J. (2005). *O wernisażu i nie tylko...*. Biuletyn Informacyjny Pracowników AGH, listopad 2005, 19.
- Grunwald, J. (2023). *Twórczość patriotyczna Władysława Grodeckiego. Aspekty kulturowo-językowe*. Szczecin: volumina.pl Sp. z o.o.
- Komorowska, E. (2008). *Pragmatyka dyrektywnych aktów mowy w języku polskim*. Szczecin–Rostock: Print Group.

- Korzyk, K. (1993). *Prawda w konwencjonalnych metaforach języka polskiego*. W: *Nazwy wartości. Studium leksykalno-semantyczne* (41–64), J. Bartmiński, M. Mazurkiewicz-Brzozowska (red.). Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie- Skłodowskiej.
- Muzeum Pamięci Sybiru*, <https://sybir.bialystok.pl/>, dostęp: 11.01.2024.
- Muzeum Pamięci Sybiru*, <https://www.instagram.com/sybirmemorialmuseum/>, dostęp: 11.01.2024.
- Puzynina, J. (2013). *Wartości i wartościowanie w perspektywie językoznawstwa*. Kraków: Polska Akademia Umiejętności.
- Straś, E. (2008). *Kategoria intensywności we frazeologii języka polskiego i rosyjskiego*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego.
- Tyszka, A. (2014). *Abecadło wartości*. Żagańsk: Świętokrzyskie Towarzystwo Regionalne.
- Żaroń, P. (1990). *Ludność polska w Związku Radzieckim w czasie II wojny światowej*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.

Алена Калечиц (Alena Kalechits)

 <https://orcid.org/0000-0002-5738-7168>

Университет им. Константина Философа в Нимпре

Философский факультет

Кафедра славянской филологии

949 74 Нимпра, ул. Штефаникова 67

kalechytsalena@gmail.com

ПРИЕМЫ АВТОРИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИИ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ЖАНРОВУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ МЕДИАТЕКСТОВ

Methods of Information Authorization Influencing the Genre Organization of Media Texts

Резюме

Современный медиатекст (в частности, русскоязычные медиатексты), как правило, имеет структуру поликодового текста, в котором журналист передает информацию, прямо или обобщенно ссылаясь на ее источник. При этом адресант пользуется определенными приемами ее авторизации, основные маркеры которой предопределяют жанровую модель медиатекстов. Объектом данного исследования являются публикации электронной версии газеты *Аргументы и факты* за период с 1 мая 2023 года по 30 апреля 2024 года, в частности медиатексты, включенные в рубрики: *Образование*, *Наука*, *Природа* и *Экология*. В названных разделах, как правило, размещаются материалы, соответствующие информационным и аналитическим жанрам публицистики. Предметом анализа выступает модусная категория авторизации, выражаемая специфическими средствами эгопрезентации автора медиатекста. Главной целью исследования является изучение наиболее продуктивных приемов авторизации информации, влияющих на жанровую организацию медиатекстов: а именно *заметки* и *блиц-опроса*, а также *мониторинга* и *рейтинга*. К основным методам исследования, используемым в статье, относится метод компонентного анализа, прием моделирования, а также описательный метод при представлении фактического материала. Таким образом, главным выводом, сделанным в работе, можно считать следующее положение: для жанров *заметки* и *блиц-опроса* самым распространенным приемом авторизации (или метаспособом) является конкретная ссылка, указывающая на источник информации, а для жанров *рейтинга* и *мониторинга*, как правило, свойственны указания на письменные источники и обобщенные ссылки.

Ключевые слова: медиатекст, приемы авторизации информации, категория авторизации, дискурсивные маркеры, модель медиатекста.

Summary

A modern media text, particularly in Russian-language journalism, is typically structured as a polycode text, where a journalist conveys information either directly or indirectly by referencing its source. In this context, the author employs specific techniques of information authorization, with key markers shaping the genre model of the media text.

This study focuses on publications from the electronic version of the *Argumenty i Fakty* newspaper, covering the period from May 1, 2023, to April 30, 2024. The analyzed media texts are drawn from sections such as *Education*, *Science*, *Nature*, and *Ecology*, which predominantly feature materials belonging to informational and analytical journalism genres. The central subject of the analysis is the modal category of authorization, expressed through specific methods of ego-presentation by the author of the media text.

The primary goal of this study is to identify the most productive techniques of information authorization that influence the genre structure of media texts, particularly in genres such as notes, blitz surveys, monitoring, and ratings. The main research methods include component analysis, modeling techniques, and descriptive methods for presenting factual material.

The study concludes that the most common authorization technique (or meta-method) for the genres of notes and blitz surveys involves direct references to specific information sources. In contrast, the genres of monitoring and ratings typically rely on generalized references and indications of written sources.

Keywords: media text, information authorization techniques, authorization category, discursive markers, media text model.

ВВЕДЕНИЕ

Описание рефлексивной деятельности говорящего, то есть особого вида мыслительной деятельности, которая направлена на размышление и наблюдение над языком и процессом коммуникации, основывается на метаязыковом сознании человека. Оно, как правило, содержит круг знаний о языке и позволяет понимать, интерпретировать и классифицировать языковые явления, вербально эксплицировать наблюдения над ними и осуществлять произвольный контроль за речевым поведением (Вепрева, 2002, 5–9 и др.). По мнению Н.П. Теслюк,

... рефлексивность языка как его особое свойство и рефлексия над языком как уникальная способность человека являются предпосылками метаязыковой функции речи и обеспечивают возможность индивида строить суждения о языке и / или процессе коммуникации (Теслюк, 2017, 186).

Соответственно, рефлексивность – это такое качество языка, при котором он используется для описания самого себя с помощью определенной системы речевых средств. На данную способность языка указывает первая часть сложных слов *мета-*, значение которой зафиксировано в различных лингвистических словарях¹.

¹ См., например, онлайн на платформе *Грамота.ру* Большой толковый словарь русского языка под общей редакцией С.А. Кузнецова и Современный словарь иностранных слов Л.П. Крысина.

Несмотря на то, что на современном этапе понятие *метадеятельность* широко используется в основном в психологии и педагогике², данный термин мы употребляем для называния способности журналистов использовать рефлексивность языка в качестве инструмента структуризации своей речевой деятельности, т.е. медиатекстов. Это, вероятно, можно аргументировать тем, что в лингвистике метадеятельность, как правило, связывается с метаязыковой функцией языка, которую в свое время выделил Р.О. Якобсон (1975, 198). Так, под термином *метадеятельность*, вслед за Л.А. Федоровой (2017) и Т.В. Машаровой (2019), мы понимаем надпредметную деятельность, представляемую «универсальным способом познания реальности, который определяется уровнем владения метаспособами...» (Машарова, 2019, 8). Кроме того, встречаются работы, в которых коммуникация воспринимается как метаявление³ и рассматривается как:

а) научное знание в рамках образовательной парадигмы; б) социальный феномен; в) информационный механизм; г) искусство (риторика); д) диалог смыслов на когнитивном уровне; е) на вербально-личностном уровне влияние языка на личность и воздействие личности на язык (Черничина, 2006, 72).

В данной статье в поле нашего внимания попадает именно метадеятельность журналистов, что подразумевает ориентацию на социолингвистическое направление исследования. Оно обычно связывается с изучением вербально-личностного уровня влияния языка на человека, находящихся в отношениях соподчинения в определенных социальных условиях протекания общения. Однако такая метадеятельность нами рассматривается в первую очередь с точки зрения метапрагматики, занимающейся анализом рефлексивной, метаязыковой коммуникации с акцентом на установление эффекта выбора и использования языковых средств в нашем случае в конкретных жанрах медиатекстов. Очевидно, что данный подход тесным образом связан с лингвистическими категориями эвиденциальности и авторизации. Однако мы не углубляемся в семантику целостной номинации языковых средств, обозначающих ссылку на источник информации, а также не акцентируем внимание на роль говорящего в конкретной ситуации коммуникации, на что традиционно сосредотачиваются ученые при рассмотрении категории эвиденциальности⁴. В нашей работе центральным фокусом анализа является аспект авторизации, описание сущности которого мы попытались представить ниже.

² В педагогической литературе деятельность воспитателя или учителя относится к метаязыковой и называется *метадеятельностью* (Козел, 2020). В психологии чаще всего речь идет о *метакогнитивной (рефлексивной) деятельности* говорящего (Цукерман, 2005).

³ См. например, работы: J. Hagemann (1997, 21–31) и K. Ehlich (2024, 435–437) и др.

⁴ См. об этом, например, работы Е.В. Падучевой (2013), Д.В. Козловского (2022) и др.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ И ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

Итак, объектом исследования являются публикации электронной версии газеты *Аргументы и факты* за период с 1 мая 2023 года по 30 апреля 2024 года, в частности медиатексты, включенные в рубрики: *Образование, Наука, Природа и Экология*. В названных разделах, как правило, размещаются материалы, соответствующие информационным и аналитическим жанрам публицистического стиля речи. Предметом анализа выступает *модусная категория авторизации*⁵, выражаемая специфическими средствами эгопрезентации автора медиатекста. Главной целью исследования является изучение наиболее продуктивных *приемов авторизации информации*, влияющих на жанровую организацию медиатекстов.

Теоретической базой работы считаются публикации, посвященные проблемам прагмалингвистики, семантики и коммуникативной стилистики текста, а именно труды Е.В. Падучевой (2019), Г.А. Золотовой (2007), Т.В. Шмелевой (1994), Е.А. Баженовой (2001), О.Н. Копытова (2004, 2011), С.В. Гричина (2020) и др. Основные методы исследования – метод компонентного анализа и прием моделирования, а также описательный метод при представлении фактического материала.

Как было отмечено выше, *метадеятельность* является надпредметной деятельностью человека, при которой он пользуется универсальными способами и приемами описания познания реальной действительности. В нашем случае речь пойдет об описании приемов авторизации информации (или *метаспособов*), широко применяемых адресантами в современном российском медиадискурсе, в частности дискурсе электронной версии газеты *Аргументы и факты*⁶.

Данные метаспособы (или приемы авторизации информации) реализуются с помощью различных языковых средств, для которых в лингвистической литературе существуют разнообразные наименования: *прагматемы* и *прагматические маркеры* (Богданова-Бегларян, 2014; Попова, 2019), *метакоммуникативы* (Теслюк, 2017 и пр.), *маркеры метакоммуникативной рефлексии*, или *рефлексивы* (Вепрева, 2002), *дискурсивные маркеры* (Попова, 2019), *маркеры интертекстуальности* (Гричин, 2020) и др. Поскольку

⁵ Следует подчеркнуть, что более 10 лет назад данный аспект уже рассматривался Е.Е. Долбик (2011), в том числе и на примере газеты *Аргументы и факты*. Однако в своей работе вышеназванный автор обратился к анализу публикаций, выбранных только из рубрики «Вопрос-ответ». Мы же сконцентрировали свое внимание на новых медиажанрах, причем именно с точки зрения прагмалингвистики и метапрагматики.

⁶ Архив номеров еженедельника *Аргументы и факты* размещается по ссылке: <https://aif.ru/gazeta/archive/edition/1/year/2024>, доступ: 04.09.2024.

объектом нашего исследования являются медиатексты, то в настоящей статье речь пойдет, скорее всего, о *дискурсивных маркерах*. По мнению Т.И. Поповой,

они вводятся в текст осознанно, прежде всего с целью его структурирования, [...] встречаются как в письменном тексте, так и в устной спонтанной речи, [...] передают отношение говорящего к тому, о чем он сообщает (Попова, 2019, 51–52).

Кроме того, именно они служат индикаторами чужой речи, указывают на источник информации эксплицитно и имплицитно и поэтому напрямую связаны с модусной категорией авторизации.

Категория авторизации в российской лингвистической литературе исследуется как на уровне предложения (Золотова, 2007; Шмелева, 1994 и др.), текста (Филатова, 2000; Баженова, 2001; Копытов, 2004; Перфильева, 2006; Гаврилова, 2017) или конкретного дискурса (Гричин, 2020 и пр.), так и в качестве категории метаязыковой коммуникации (Черничкина, 2006; Чернявская, 2020). Вопрос моделирования журналистских текстов различных жанров уже также поднимался и некоторыми словацкими учеными, только преимущественно с функционально-стилистической точки зрения (Findra, 2003; Findra, 2013; Horváth, 2016 и некот. др.). На то, что изучение категории авторизации следует включать в более широкий контекст анализа эгоцентрических структур языка, имеющих когнитивный характер, указывают Н.С. Сыроватская (2009, 254), Е.В. Падучева (2019, 34) и пр. Например, С.В. Гричин подчеркивает, что «на уровне дискурса авторизация является маркером интертекстуальности, средством актуализации интертекстуального диалога» (Гричин, 2020, 92), с чем, на наш взгляд, вероятно всего, следует согласиться. К таким показателям автор относит косвенную речь, фоновые ссылки, примечания, сноски. Вместе с тем ученый пишет и о том, что те же интертекстуальные маркеры отражают прагматическую установку автора, которая влияет на общую прагматическую ориентацию текста (там же, 109). Соответственно, С.В. Гричин вышеназванные *индикаторы интертекстуальности* относит и к эгоцентрическим средствам языка, указывающим на *нарративного повествователя*⁷. Таким образом, журналист способом прямого пересказывания пишет о том, что говорили или писали другие.

По определению Г.А. Золотовой (2007, 263) и вслед за ней Т.В. Шмелевой (1994, 35), *авторизация* относится к семантической категории, служащей указателем на источник информации и способ его получения. Структура такого высказывания, согласно Г.А. Золотовой, состоит из двух частей – *авторизирующей* (обозначающей автора) и *авторизируемой* (описывающей реальную

⁷ О прагматической презентации нарративного повествователя или персонажа можно прочитать в монографии Яны Соколовой *Конструкции социальной самоидентификации и самопрезентации говорящего: Очерки об эгоцентрических средствах словацкого языка* (2019, 15).

или вымышленную ситуацию). По мнению С.В. Гричина, с формальной точки зрения авторизированные высказывания в содержательной структуре текста образуют 1) *авторизационный блок* – авторизационная конструкция, оформленная авторизационной рамкой; тематической однородностью и единством выражаемой установки автора (2020, 133), и 2) *авторизационный ключ* (термин Т.В. Шмелевой), маркирующий переход к новому источнику информации – от авторизованного высказывания к неавторизованному и наоборот (там же, 135). Как мы понимаем, мнения вышеупомянутых авторов о структуре авторизованных частей текста совпадают в том, что они состоят из двух основных частей, несущих информацию об авторстве информации и непосредственно о ней самой. Причем в настоящей статье используется типологизация С.В. Гричина, носящая, как он сам отметил, формальный характер, являющийся существенным в жанровой организации текста.

Вслед за другими авторами, *авторизацию* мы относим к эгоцентрическим элементам языка, включающим, помимо дейктических элементов, вводные конструкции, модальные слова и частицы, подразумевающие говорящего (Падучева, 1993, 34; Гричин, 2020, 20). На широкий спектр языковых средств, участвующих в выражении категории авторизации, указывает С.В. Гричин. К ним ученый относит лексические, грамматические, синтаксические и семантические составляющие, а также косвенную и несобственно-прямую речь, вводные конструкции и ксеночастицы (Гричин, 2020, 88). Таким образом, авторизованные высказывания можно отнести к *эгоцентрикам*, поскольку именно в них проявляется способность автора в иллюстрировании своих стратегий описания различных событий, фактов действительности и чужого мнения (сравните: Падучева, 2010, 258; Соколова, 2019, 12).

ТЕКСТООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ АВТОРИЗАЦИИ

На текстостроительную функцию авторизации обращают внимание О.Н. Копытов, (2004, 3), Е.А. Баженова (2001, 131), С.В. Гричин (2020, 7) и др. При этом С.В. Гричин отмечает, что авторизация связана с персуазивностью, участвует в воплощении смысловых доминант текста и создании образа автора, является строевым элементом дискурса «и инструментом его структурирования» (там же, 85).

Анализ существующих направлений исследования авторизации и поиск возможностей интеграции различных подходов в изучении данного понятия находим в работе Н.С. Сыроватской, которая приходит к выводу, что

авторизация – это прагматическая компонента текста, которая состоит в отражении в нем авторской позиции (авторского «я») и объединяет приемы социально и индивидуально

отмеченного осмысления автором явлений реальной действительности при помощи языковых средств и с ориентацией на представление о качествах реципиента (2009, 256).

Конкретный медиатекст соответствует определенному структурному типу, или жанру, имеющему признаки, свойственные нескольким текстам, даже целым группам. Их еще называют «жанровыми образцами» (Киклевич, 2018, 8). Такие образцы текстов, на наш взгляд, следует называть *моделями*, с помощью которых не только создаются новые тексты, но и анализируются уже существующие.

Модель выступает как своеобразный инструмент познания, который исследователь ставит между собой и объектом и с помощью которого изучает интересующий его объект (Тепляшина и др., 2024, 74).

Рассмотрим несколько примеров жанровых образцов медиатекстов, распространенных на страницах электронной версии газеты *Аргументы и факты*, относительно их особенностей текстообразования с точки зрения использования журналистами приемов авторизации информации. С этой целью мы проанализируем более подробно несколько довольно продуктивных информационных и аналитических жанров, характерных для современной публицистики и медиакommunikации.

ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТООБРАЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ЖАНРОВ ЗАМЕТКИ И БЛИЦ-ОПРОСА

Несмотря на то, что в интересующих нас рубриках газеты *Аргументы и факты* жанр *заметка* не является таким популярным по сравнению, например с *вопрос-ответ*, в данной статье мы остановимся именно на нем, так как вообще *заметка* считается самым распространенным информационным жанром. Его основная задача – сообщить о какой-нибудь новости или интересном факте из жизни общества, но без его подробного анализа⁸.

Рассмотрим вначале публикацию Анны Тарасовой от 07.06.2023 из рубрики *Образование* под заголовком *Цена олимпийского рекорда: внеконкурсное поступление в вуз и 500 тыс премий*⁹. Модель данного медиатекста состоит как из визуальной части – фотографии и интерактивной ссылки на гипертекст *Что за новый порядок проведения Всероссийской олимпиады*

⁸ См. об этом работу Марины Радченко *Язык современных российских средств массовой информации* (2013, 33).

⁹ См.: https://aif.ru/society/education/cena_olimpiyskogo_rekorda_vnekonkursnoe_postuplenie_v_vuz_i_500_tys_premii, доступ: 23.06.2024.

школьников¹⁰ в жанре *вопрос-ответ*, так и его вербальной составляющей – непосредственно текста статьи. Она имеет следующую структуру: заголовок, вступление (лид), основная часть и заключение. Во вступлении сообщается о рассматриваемом факте, а также о том, что автор медиатекста пишет от лица коллективного автора, акцентирующего внимание на том, кто явился первоисточником данной информации и где она впервые появилась:

«Два московских школьника стали призёрами Всероссийской олимпиады сразу по четырём предметам. **«АиФ» выяснил**, что нужно сделать, чтобы добиться таких высот. В конце мая были подведены итоги Всероссийской олимпиады».

«Московские школьники поставили новый рекорд на Всероссийской олимпиаде – завоевали больше половины дипломов победителей! – написал **мэр Сергей Собянин** у себя в соцсетях. – Всего на счету москвичей – 1391 награда по всем 24 предметам»¹¹.

Соответственно, в состав данных двух авторизационных блоков входят два абзаца, в которых используется конкретная ссылка на источник информации как один из метаспособов, но разные дискурсивные маркеры авторизации, наблюдаемые в сложноподчиненном предложении изъяснительного типа, а именно главной его части. Авторизационным ключом к следующим третьему и четвертому авторизационным блокам является вопрос: *Как же им это удалось?*

«Мы даже не знали, что сын будет участвовать, и не предложили бы ему это сами, потому что хотели оградить его от большой нагрузки перед ЕГЭ, – говорит **Елена Чернышева, мама Алексея Чернышева**. – Но он так решил сам». [...] «Сыну нравится то, что можно погрузиться в предмет и ни на что другое не отвлекаться», – говорит Елена.

«Подготовиться к Всероссийской олимпиаде можно и самостоятельно, – уверен **учитель физики Ян Кимберг**, который преподавал этот предмет Алексею. [...] **Педагог напоминает** девиз, который выбрал для себя Алексей Чернышев: «Всегда стремитесь к максимальным достижениям, чтобы потом вы могли гордиться промежуточными результатами». И **призывает** всех придерживаться этого совета¹².

Как видно, журналист использует тот же метаспособ и равнозначные дискурсивные маркеры авторизации, что и во вступлении. Далее адресант делает вывод, в котором предлагает читателю информацию о размерах призов:

Кстати, московские школьники, принявшие участие в заключительном этапе Всероссийской олимпиады, получают поощрительные выплаты: победители – 500 тыс. руб.,

¹⁰ См.: https://aif.ru/society/education/chto_zh_novy_poryadok_povedeniya_vserossiyskoy_olimpiady_shkolnikov?from_inject=1, доступ: 9.11.2024.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

призёры – 300 тыс. руб., участники, не завоевавшие звания победителя/ призёра, – 100 тыс. руб. *Кроме того*, у призёров есть возможность поступить в вуз на внеконкурсной основе. Оба победителя будут поступать в МФТИ¹³.

В данном случае маркерами эгопрезентации выступают вводные конструкции, выделенные в примерах курсивом.

Похожую структуру имеет и другой, выбранный нами для анализа медиатекст. Его автором является Элина Сугарова. Данная публикация размещается под рубрикой *Природа* и датируется от 03.04.2024. Заголовок медиатекста – *Апрельская жара. Названа дата отключения отопления теплой весной 2024 года*¹⁴. Как и предыдущий медиатекст, эта публикация имеет визуальную часть: фотографию после заголовка и интерактивный гипертекст *Рано радуемся. Вильфанд: погода в Москве «нервничает», и это плохо*. Основная вербальная часть делится на вступление, которое фактически опровергает содержание заголовка. Оно представляет собой авторизационный блок, в котором встречается три дискурсивных маркера авторизации: 1) оформлен бессоюзным сложным предложением, 2) вводным словосочетанием и 3) прямой речью:

Несмотря на раннюю весну, отключать отопление в жилых домах регионов России не планируется, **рассказала aif.ru декан юридического факультета Финуниверситета при правительстве РФ Гульнара Ручкина (1). По ее словам (2)**, раннее отключение невозможно в силу действующего законодательства. «Таким образом, перерасчет услуг не предусмотрен», – **сказала Ручкина (3)**¹⁵.

Авторизационным ключом к следующему авторизационному блоку является еще один дискурсивный маркер, оформленный в виде обобщенной ссылки на источник информации: **«Гидрометцентр спрогнозировал аномальное тепло на большей части РФ в апреле»**¹⁶. Далее адресант приводит еще 2 авторизационных блока, первый из которых входит в основную часть публикации, а третий используется в качестве заключения. Переходом от одного блока к другому является специфический маркер эгопрезентации – наречие времени *ранее*, начавшее следующий авторизационный блок – разговор с иным экспертом:

Научный руководитель Гидрометцентра РФ Роман Вильфанд отметил, что это аномалия с температурным режимом, характерным для июня. Однако, **по его словам**, скоро снова похолодает, и погода станет более привычной для апреля.

¹³ Там же.

¹⁴ См.: <https://aif.ru/society/nature/aprelskaya-zhara-nazvana-data-otklyucheniya-otopleniya-teploy-vesnoy-2024-goda>, доступ: 25.06.2024.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

Ранее климатолог Андрей Киселев заявил, что 2024 год может стать даже жарче, чем прошлый. Температура воздуха может оказаться выше рекордных значений, установленных в прошлом году, **считает эксперт. Он пояснил**, что наиболее теплые годы обычно связаны с эффектом Эль-Ниньо, когда экваториальная часть Тихого океана становится теплее обычного примерно на 3 градуса¹⁷.

Согласно примеру, дискурсивные маркеры авторизации, автор, как правило, употребляет в сложноподчиненных предложениях изъяснительного типа, а также в бессоюзной сложной синтаксической конструкции. Однако при этом используемый метаспособ остается тот же: конкретная ссылка на источник информации с указанием фамилии, имени и профессии говорящего.

С целью создания следующей модели жанра *блиц-опрос* мы приведем пример публикации, взятой из рубрики *Образование* от 25.05.2023. Автором данной работы является Юлия Шигарева. Заголовок текста – *Так ли уж нужно поголовное высшее образование? За и против*¹⁸.

Итак, статья начинается с названия, под которым размещается вступительная часть. В лиде используется такой прием авторизации, как *ссылка на письменный источник* информации, дискурсивным маркером которого является *вводная конструкция*. Вступление заканчивается вопросом, адресованным экспертам. Данный вопрос можно считать авторизационным ключом:

Начинаются выпускные экзамены в школах. А дальше выпускники будут определяться, где продолжать обучение. **По данным опросов ВЦИОМ**, 47% респондентов уверены: хорошо оплачиваемую работу гарантирует высшее образование. При этом предприятия испытывают острейшую за последние 25 лет нехватку кадров и ждут окончивших не вузы, а колледжи. *Так с каким образованием человек быстрее найдёт своё место – с высшим или средним специальным?*¹⁹

Основная часть жанра медиатекста *блиц-опроса*, встречаемая в электронной версии газеты *Аргументы и факты* за указанный выше период времени, делится на следующие две подчасти, разделенные словами: *За* и *Против*. В них входят два авторизационных блока, в которых использовано прямое указание на конкретных участников беседы, являющееся следующим приемом авторизации: *Ольга Матвиевич, мама двух дочерей, Иркутская обл.; Алексей Ефимкин, главный инженер предприятия по строительству садовых и дачных домов, Владивосток*. Следует подчеркнуть, что в статье дискурсивными маркерами выступают имена и фамилии говорящих, как и названия их социальных ролей, занимаемой должности, места работы и проживания или общественной деятельности. Данная информация

¹⁷ Там же.

¹⁸ См.: https://aif.ru/society/education/tak_li_uzh_nuzhno_pogolovnoe_vysshee_obrazovanie_zh_zh_protiv, доступ: 30.06.2024.

¹⁹ Там же.

предоставляется в начальной форме – именительном падеже – и, что примечательно, также выделяется графически полужирным шрифтом.

Третья часть статьи представляет собой интерактивную анкету, в которой может поучаствовать любой читатель. Анкета состоит из вопроса: *Так ли нужно поголовное высшее образование?* И двух предложенных ответов: *Обязательно нужно* и *Совсем не нужно*. В конце указано количество высказывающих свое мнение участников голосования – 332 человека.

Похожую модель построения текста имеет публикация Юлии Борты от 13.03.2024 г., относящаяся к той же рубрике *Образование*. Итак, данная работа состоит из заголовка *Сокращать ли уроки обществознания в пользу истории? За и против*²⁰. Далее можно выделить вступительную часть *блиц-опроса*, в которой автор предлагает рассмотреть проект Минпросвещения, где отображена новая реформа образования. Этот фрагмент медиатекста также имеет диалогическую форму: журналист формулирует главные вопросы, включенные в проект, и отвечает на них, используя полученные данные. В анализируемом отрывке автор употребляет похожие приемы авторизации: ссылки на письменный источник информации, т.е. на приказ Минпросвещения и материалы пресс-службы разных образовательных учреждений. Однако дискурсивным маркером, используемым в данной части публикации, является косвенная речь автора в предложениях с прямой речью:

«Действующая программа по обществознанию излишне теоретизирована, в обновлённом курсе подача материала более практикоориентированная, – **заявили в Минпросвещения**. «Экзамен будет адаптирован под обновлённый курс», – **подчёркивают в министерстве**. «Перераспределение часов внутри предметной области «Общественно-научные предметы» не уменьшает общего количества часов на её изучение», – **уточняют в пресс-службе ФГБНУ «Институт стратегии развития образования**». «К тому же в настоящий момент в учебную программу введены занятия «Разговоры о важном» и «Россия – мои горизонты», – **говорят в пресс-службе Минпросвещения**»²¹.

Рассматриваемый фрагмент публикации состоит из пяти авторизационных блоков и такого же количества авторизационных ключей в виде вопросов: *Что предлагается в проекте приказа Минпросвещения? Сократится ли программа по обществознанию? Будут ли трудности с ЕГЭ? Уроков станет меньше? А что вообще в младших классах изучают на обществознании?* Шестым вопросом начинается основная часть статьи, т.е. его открывает авторизационный ключ: *Выиграют ли школьники, учителя и экономика страны от новой образовательной реформы?*²² Далее статья структурирована на подчасти *За* и *Против*, в которых употребляется ссылка на конкретного

²⁰ См.: https://aif.ru/society/education/sokrashchat_li_uroki_obshchestvoznaniya_v_shkolah_v_polzu_istorii_zh_i_protiv, доступ: 02.07.2024.

²¹ Там же.

²² Там же.

участника беседы. Дискурсивными маркерами данного приема авторизации выступают имена и фамилии опрошенных, а также названия их мест работы или сферы деятельности: *Сергей Рукиин, профессор РГПУ им. Герцена; Всеволод Луховицкий, преподаватель права и русского языка, член профсоюза «Учитель»*. Кроме этого, необходимо отметить, что в данном случае присутствует еще один авторизационный блок, выражающий «особое мнение». При этом используется идентичный дискурсивный маркер: *Ефим Рачевский, директор московской школы № 548 «Царицыно», учитель истории*. Третьей частью статьи является интерактивная анонимная анкета, состоящая из вопроса: *Сокращать уроки обществознания в пользу истории?* И двух ответов: *За* и *Против*. В конце публикации указывается количество проголосовавших, в данном случае это 618 человек²³.

Таким образом, проанализированные жанры медиатекстов имеют свои особенности как в структуре, так и в использовании дискурсивных маркеров авторизации, метаспособов, которые, на наш взгляд, влияют на образование данных моделей текстов.

ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТООБРАЗОВАНИЯ АНАЛИТИЧЕСКИХ ЖАНРОВ РЕЙТИНГА И МОНИТОРИНГА

В публикациях жанра *рейтинг* (см. инфографика 1) часто используется новый графический способ предъявления читателям информации – инфографика. Например, он является основным в статье под заголовком *12 самых общительных пород кошек. Инфографика*, опубликованной в рубрике *Природа* от 10.05.2023²⁴. Подзаголовками публикации можно посчитать записи, сделанные в одной цветовой гамме: *Люди и звери* и *Кто сказал «мяу»*. Следующая часть – это вступление, или лид, являющийся, по существу, авторизационным блоком. Дискурсивный маркер в данном тексте носит обобщающий характер, им выступает предикативная часть простого двусоставного предложения, выделенного полужирным шрифтом: ***Ученые исследовали поведение 4300 кошек, представляющих 26 групп, и составили рейтинг самых общительных по отношению к человеку***²⁵. Далее следует непосредственно статья, оформленная в виде инфографики. Она представляет собой иллюстрации (фотографии) кошек и названия их пород под номерами от 1 до 12. Таким образом публикуются полученные статистические данные,

²³ Там же.

²⁴ См.: https://aif.ru/society/nature/12_samyh_obshchitelnyh_porod_koshek_infografika, доступ: 05.07.2024.

²⁵ Там же.

произведенные в ходе исследования. В конце рейтинга приводится уточнение, репрезентирующее наличие конкретного автора публикации: *Кстати, самый низкий балл среди изученных пород получили персидские кошки*. Им является Мария Клементьева, собственно и составившая инфографику. На это указывает ссылка в конце статьи. Кроме того, дискурсивным маркером является и ссылка на письменный источник используемых в тексте статьи данных – *Multidisciplinary Digital Publishing Institute*.

Инфографика 1²⁶.

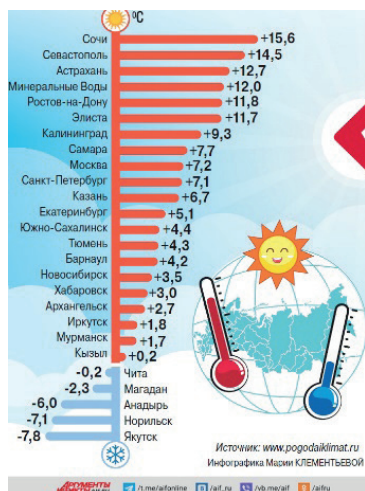
Похожую структуру имеет жанр *мониторинга*, в котором, например, была представлена статья из рубрики *Экология* с заголовком *Плюсы и минусы Цельсия за год в российских городах*. *Инфографика*²⁷. Названные материалы были опубликованы Антоном Абрамовым от 11.02.2024. Следующей структурной частью работы является авторизационный блок: «*АиФ*» *посмотрел, какую среднюю температуру выдал прошлый год в других российских городах*²⁸. Дискурсивным маркером данного фрагмента статьи также можно посчитать обобщенную ссылку, выраженную главной предикативной частью сложноподчиненного предложения, в которой автор публикации выступает от лица целого издательства газеты, т.е. как коллективный автор. Далее предоставляется инфографика, в конце которой присутствует дискурсивный

²⁶ Там же.

²⁷ См.: https://aif.ru/society/nature/plyusy_i_minusy_celsiya_za_god_v_rossijskih_gorodah_infografika, доступ: 08.07.2024.

²⁸ Там же.

маркер – письменная ссылка на интернет-источник и имя с фамилией автора-составителя инфографики (см. инфографику 2).

Инфографика 2²⁹.

Таким образом, рассмотренные нами современные аналитические жанры *рейтинга* и *мониторинга*, оформленные в виде инфографики, имеют похожую структуру, в которой важную роль выполняют различные приемы авторизации информации. Для названных жанров самой продуктивной является обобщенная ссылка, размещаемая, как правило, во вступительной части статьи. Однако в жанре мониторинг, как видно, обычно отсутствует третья часть – заключение, неимение которой можно считать интенционально оправданным.

ВЫВОДЫ

1. Как показывает представленный фактический материал, различные приемы авторизации используются для разделения «своей» и «чужой» информации, вводимой в текст публикации.

2. В информационных и аналитических жанрах еженедельника *Аргументы и факты* широко применяется модель авторизационных блоков, дискурсивные маркеры авторизации которых принято выделять графически полужирным шрифтом, что возможно отнести к своеобразной стратегии данного дискурса газеты.

²⁹ Там же.

3. Дискурсивные маркеры авторизации участвуют в структурной организации медиатекстов, причем они могут употребляться в разных частях медиатекстов, что, по нашим наблюдениям, зависит от избранного журналистом жанра публикации.

4. Результаты проведенного исследования показали, что для информационных жанров *заметки* и *блиц-опроса*, встречающихся в рубриках *Образование*, *Наука*, *Природа* и *Экология* газеты АиФ, самым распространенным приемом авторизации (или метаспособом) является конкретная ссылка, указывающая на источник информации, а для аналитических жанров *рейтинга* и *мониторинга*, как правило, свойственны указания на письменные источники и обобщенные ссылки.

5. Для современных жанров медиатекстов, например блиц-опрос, характерна «самоорганизующаяся среда», при которой адресат участвует в создании конечного продукта текста. Условия цифровизации продуктов журналистской деятельности влияют на трансформацию привычных жанров публицистики и способствуют появлению новых приемов и способов передачи информации, в том числе и появлению новых медиажанров.

БИБЛИОГРАФИЯ (REFERENCES)

- Баженова, Е.А. (2001). *Научный текст как система субтекстов*. Автореферат диссертации ... доктора филологических наук. Екатеринбург: Уральский государственный университет им. А.И. Горького.
- Богданова-Бегларян, Н.В. (2014). *Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология*, Вестник Пермского университета, Российская и зарубежная филология, 3 (27), 7–20.
- Вепрева, И.Т. (2002). *Что такое рефлексив? Кто он, homo reflectens?* Известия Уральского государственного университета, 24, 217–227.
- Гаврилова, А.А. (2017). *Метатекстовые элементы в научном тексте*. Саратов: Саратовский социально-экономический институт РЭУ им. Г.В. Плеханова.
- Гричин, С.В. (2020). *Авторизационная модель научного текста*. Новосибирск: Издательство Российского государственного технологического университета.
- Долбик, Е.Е. (2011). *Модусная категория авторизации в текстах публицистического стиля (на материале газеты «Аргументы и факты»)*. В: *Язык и социум*. Материалы IX Международной научной конференции: В 3 ч. Ч. 3 (62–66). Минск: Республиканский институт высшей школы.
- Золотова, Г.А. (2007). *Коммуникативные аспекты русского синтаксиса*. 5-е изд., стер. Москва: КомКнига.
- Киклевич, А.К. (2018). *Теория дискурса и стилистика*, Филологические науки, 4, 3–10.
- Козел, В.И. (2020). *Структурные компоненты и условия формирования у студентов ценностного отношения к личности*, Народная асвета, 11, 3–5.
- Козловский, Д.В. (2022). *Реализация модусной категории «эвиденциальность» в условиях цифровизации дискурсивного пространства*, Вестник Пермского университета, Российская и зарубежная филология, 14 (2), 27–35. <https://doi.org/10.17072/2073-6681-2022-2-27-35>

- Копытов, О.Н. (2004). *Взаимодействие квалификативных модусных смыслов в тексте (авторизация и персуазивность)*. Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. Владивосток: Дальневосточный государственный университет.
- Копытов, О.Н. (2011). *Модус публицистического текста*, Научные журналы Уральского государственного педагогического университета, Политическая лингвистика, 1 (35), <http://journals.uspu.ru/ling35>, доступ: 11.05.2024.
- Машарова, Т.В. (2019). *Управление учебной деятельностью учащихся на основе метапредметности*, Вестник Костромского государственного университета, Педагогика. Психология. Социокинетика, 1, 6–12.
- Падучева, Е.В. (1993). *Говорящий как наблюдатель: об одной возможности применения лингвистики в поэтике*, Известия РАН. Серия литературного языка, 3, 33–44.
- Падучева, Е.В. (2010). *Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива*. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Языки славянской культуры.
- Падучева, Е.В. (2013). *Есть ли в русском языке грамматически выраженная эвиденциальность?* Русский язык в научном освещении, 2 (26), 9–29.
- Падучева, Е.В. (2019). *Эгоцентрические единицы языка*. 2-е изд. Москва: Издательский дом «ЯСК».
- Перфильева, Н.П. (2006). *Метатекст в аспекте текстовых категорий*. Монография. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет.
- Попова, Т.И. (2019). *Маркеры метакоммуникации в разных социальных ролях говорящего: на материале прагматического аннотирования корпусных данных*, Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии, 3, 50–60. <https://doi.org/10.17586/2541-9781-2019-3-50-60>
- Радченко, М. (2013). *Язык современных российских средств массовой информации*. Учебное пособие. Zadar: Sveučilište.
- Соколова, Я. (2019). *Конструкции социальной самоидентификации и самопрезентации говорящего: Очерки об эгоцентрических средствах словацкого языка*. London: Palmarium Academic Publishing.
- Сыроватская, Н.С. (2009). *Авторизация: проблемы определения и научного описания на уровне предложения и текста*, Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 89, 250–256.
- Тепляшина, А.Н. и др. (2024). *Теория и практика моделирования медиатекста*. Учебное пособие для вузов. Санкт-Петербург: Питер.
- Теслюк, Н.П. (2017). *Понятие «метакоммуникация» в лингвистике и теории коммуникации*, Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна, 2 (50), 186–190.
- Филатова, В.В. (2000). *Авторизация предложения в художественном тексте (на материале творчества Сергея Довлатова)*. Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. Н. Новгород: Нижегородский государственный педагогический университет.
- Федорова Л.А. (2017). *Реализация принципа метапредметности в преподавании технологий*, Научно-методический электронный журнал «Концепт», 11, 208–210, <http://e-koncept.ru/2017/770209.htm>, доступ: 15.06.2024.
- Цукерман, Г.А. (2005). *Развитие рефлексии посредством обучения*. В: Психология развития. Учебное пособие (489–519), Т.Д. Марцинковская (ред.). Москва: Академия.
- Черничкина, Е.К. (2006). *Научающая коммуникация как коммуникативная метадеятельность*, Известия Воронежского государственного педагогического университета, Новое в науке о языке, 71–74.
- Чернявская, В.С. (2020). *Метапрагматика коммуникации: когда автор приносит свое значение, а адресат свой контекст*, Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Язык и литература, 17 (1), 135–147.

- Шмелева, Т.В. (1994). *Семантический синтаксис*. Текст лекций. 2-е изд. Красноярск: Красноярской государственной университет.
- Якобсон, Р. (1975). *Лингвистика и поэтика*. В: *Структурализм «за» и «против»*. Сборник статей (193–230), Е.Я. Басин и М.Я. Поляков (ред.). Москва: Прогресс.

- Bazhenova, E.A. (2001). *Nauchnyi tekst kak sistema subtekstov*. Avtoreferat dissertatsii ... doktora filologicheskikh nauk. Ekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi universitet im. A.I. Gor'kogo.
- Bogdanova-Beglaryan, N.V. (2014). *Pragmatemy v ustnoi povsednevnoi rechi: opredelenie ponyatiya i obshchaya tipologiya*, Vestnik Permskogo universiteta, Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya, 3 (27), 7–20.
- Chernichkina, E.K. (2006). *Nauchayushchaya kommunikatsiya kak kommunikativnaya metadeyatel'nost'*, Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, Novoe v nauke o yazyke, 71–74.
- Chernyavskaya, V.S. (2020). *Metapragmatika kommunikatsii: kogda avtor prinosit svoe znachenie, a adresat svoi kontekst*, Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Yazyk i literatura, 17 (1), 135–147.
- Dolbik, E.E. (2011). *Modusnaya kategoriya avtorizatsii v tekstakh publitsisticheskogo stilya (na materiale gazety «Argumenty i fakty»)*. V: *Yazyk i sotsium*. Materialy IKh Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii: V 3 ch. Ch. 3 (62–66). Minsk: Respublikanskii institut vysshei shkoly.
- Ehlich, K. (2024). *Metakommunikation*. V: *Metzler Lexikon Sprache* (435–437), H., Glück, M. Rödel, (Hg.). Auflage: J.B. Metzler.
- Fedorova L.A. (2017). *Realizatsiya printsipa metapredmetnosti v prepodavanii tekhnologii*, Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal «Kontsept», 11, 208–210, <http://e-koncept.ru/2017/770209.htm>, accessed: 15.06.2024.
- Filatova, V.V. (2000). *Avtorizatsiya predlozheniya v khudozhestvennom tekste (na materiale tvorchestva Sergeya Dovlatova)*. Avtoreferat dissertatsii ... kandidata filologicheskikh nauk. N. Novgorod: Nizhegorodskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet.
- Findra, J. (2003). *Štýl ako modelová štruktúra*. V: *XIII. medzinárodný zjazd slavistov v Lubl'ane*. Príspevky slovenských slavistov (141–149), L. Dorul'a (ved. red. a ed.). Bratislava: Slovenský komitét slavistov.
- Findra, J. (2013). *Štylistika súčasnej slovenčiny*. Martin: Osveta.
- Gavrilova, A.A. (2017). *Metatekstovye elementy v nauchnom tekste*. Saratov: Saratovskii sotsial'no-ekonomicheskii institut REU im. G.V. Plekhanova.
- Grichin, S.V. (2020). *Avtorizatsionnaya model' nauchnogo teksta*. Novosibirsk: Izdatel'stvo Rossiiskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta.
- Hagemann, J. (1997). *Reflexiver Sprachgebrauch: Diktums Charakterisierung aus Griechischer Sicht* (21–31). Opladen: Westdt. Verl. <https://doi.org/10.1007/978-3-322-85108-6>
- Horváth, M. (2016). *Štylistika súčasného slovenského jazyka* (166–175). Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave.
- Kiklevich, A.K. (2018). *Teoriya diskursa i stilistika*, Filologicheskie nauki, 4, 3–10.
- Kozel, V.I. (2020). *Strukturnye komponenty i usloviya formirovaniya u studentov tsennostnogo otnosheniya k lichnosti*, Narodnaya asveta, 11, 3–5.
- Kozlovskii, D.V. (2022). *Realizatsiya modusnoi kategorii «evidentsial'nost'» v usloviyakh tsifrovizatsii diskursivnogo prostranstva*, Vestnik Permskogo universiteta, Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya, 14 (2), 27–35.

- Kopytov, O.N. (2004). *Vzaimodeistvie kvalifikativnykh modusnykh smyslov v tekste (avtorizatsiya i persuzivnost')*. Avtoreferat dissertatsii ... kandidata filologicheskikh nauk. Vladivostok: Dal'nevostochnyi gosudarstvennyi universitet.
- Kopytov, O.N. (2011). *Modus publitsisticheskogo teksta*, Nauchnye zhurnaly Ural'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, Politicheskaya lingvistika, 1 (35), <http://journals.uspu.ru/ling35>, accessed: 11.05.2024.
- Masharova, T.V. (2019). *Upravlenie uchebnoi deyatel'nost'yu uchashchikhsya na osnove metapredmetnosti*, Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta, Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika, 1, 6–12.
- Paducheva, E.V. (1993). *Govoryashchii kak nablyudatel': ob odnoi vozmozhnosti primeneniya lingvistiki v poetike*, Izvestiya RAN. Seriya literaturnogo yazyka, 3, 33–44.
- Paducheva, E.V. (2010). *Semanticheskie issledovaniya: Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrativa*. 2-e izd., ispr. i dop. Moskva: Yazyki slavyanskoi kul'tury.
- Paducheva, E.V. (2013). *Est' li v russkom yazyke grammaticheski vyrazhennaya evidentsial'nost'?* Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii, 2 (26), 9–29.
- Paducheva, E.V. (2019). *Egotsentricheskie edinitsy yazyka*. 2-e izd. Moskva: Izdatel'skii dom «YaSK».
- Perfil'eva, N.P. (2006). *Metatekst v aspekte tekstovykh kategorii*. Monografiya. Novosibirsk: Novosibirskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet.
- Popova, T.I. (2019). *Markery metakommunikatsii v raznykh sotsial'nykh rolyakh govoryashchego: na materiale pragmaticheskogo annotirovaniya korpusnykh dannykh*, Komp'yuternaya lingvistika i vychislitel'nye ontologii, 3, 50–60.
- Radchenko, M. (2013). *Yazyk sovremennykh rossiiskikh sredstv massovoi informatsii*. Uchebnoe posobie. Zadar: Sveučilište.
- Shmeleva, T.V. (1994). *Semanticheskii sintaksis. Tekst lektsii*. 2-e izd. Krasnoyarsk: Kostromskoi gosudarstvennyi universitet.
- Sokolova, Ya. (2019). *Konstruktii sotsial'noi samoidentifikatsii i samoprezentatsii govoryashchego: Ocherki ob egotsentricheskikh sredstvakh slovatskogo yazyka*. London: Palmarium Academic Publishing.
- Syrovatskaya, N.S. (2009). *Avtorizatsiya: problemy opredeleniya i nauchnogo opisaniya na urovne predlozheniya i teksta*, Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena, 89, 250–256.
- Teplyashina, A.N. i dr. (2024). *Teoriya i praktika modelirovaniya mediateksta*. Uchebnoe posobie dlya vuzov. Sankt-Peterburg: Piter.
- Teslyuk, N.P. (2017). *Ponyatie «metakommunikatsiya» v lingvistike i teorii kommunikatsii*, Vesnik Mazyrskaga dzyarzhaynaga pedagogichnaga y'niversiteta imya I.P. Shamyakina, 2 (50), 186–190.
- Tsukerman, G.A. (2005). *Razvitie refleksii posredstvom obucheniya*. V: *Psikhologiya razvitiya*. Uchebnoe posobie (489–519), T.D. Martsinkovskaya (red.). Moskva: Akademiya.
- Veprev, I.T. (2002). *Chto takoe refleksiv? Kto on, homo reflectens?* Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta, 24, 217–227.
- Yakobson, R. (1975). *Lingvistika i poetika*. V: *Strukturalizm «za» i «protiv»*. Sbornik statei (193–230), E.Ya. Basin i M.Ya. Polyakov (ed.). Moskva: Progress.
- Zolotova, G.A. (2007). *Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa*. 5-e izd., ster. Moskva: KomKniga.

Айгуль Мирзабаева (Aigul' Mirzabaeva)

 <https://orcid.org/0009-0005-6504-4340>

Казахский национальный университет

имени аль-Фараби

Филологический факультет

Кафедра русской филологии и мировой литературы

050040 г. Алматы, пр. аль-Фараби 71, Корпус ГУК 1

mirzabaeva1983@gmail.com

МЕХАНИЗМ РЕЧЕВОЙ МАНИПУЛЯЦИИ В ПОВЕСТИ АЛЬБЕРТА ЛИХАНОВА *ЛАБИРИНТ*

**Mechanism of Speech Manipulation
in Albert Likhanov's Story *The Labyrinth***

Резюме

Целью статьи является исследование приемов и стратегий речевого манипулирования, используемых в повести Альберта Лиханова *Лабиринт*. Это предполагает анализ диалогов персонажей, стиля повествования, приемов, используемых автором для воздействия на восприятие и эмоции читателя. Проводится комплексный анализ механизма речевой манипуляции на примере повести. Акцентируется внимание на таких приемах, как трюизмы, пресуппозиции, забалтывание, противопоставление и ложные выборы, которые часто относят к нейролингвистическому программированию.

Актуальность статьи заключается в том, что вопросы манипуляции речью становятся все более значимыми, особенно с учетом влияния на общественное сознание и индивидуальное поведение. Манипулирование представляет собой мощный инструмент, который используется для воздействия на мышление и поведение людей. Исследование этого феномена в литературных произведениях позволяет глубже понять его влияние на восприятие читателей.

Постановка данной проблемы заключается в том, что изучение приемов манипулирования в литературных произведениях остается недостаточно разработанным направлением в науке.

В данной статье объектом исследования является повесть Альберта Лиханова *Лабиринт*. Выбор обусловлен тем, что в тексте трюизм, пресуппозиции, забалтывание,

Received: 24.07.2024. Verified: 30.09.2024. Accepted: 20.12.2024.

© by the author, licensee University of Lodz – Lodz University Press, Lodz, Poland. This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution license CC-BY-NC-ND 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/>)

противопоставление и ложные выборы служат задачам реализации авторского замысла. Особое внимание уделяется выявлению и описанию манипулятивных приемов в речевых конструкциях героев повести, их роли и влияния в контексте повествования.

Анализ показывает, как автор применяет трюизмы для создания иллюзии правдивости, использует пресуппозиции для навязывания определенных представлений, применяет забалтывание для отвлечения внимания и ложные выборы для создания видимости свободы. Исследование демонстрирует, что Альберт Лиханов в своей повести эффективно использует приемы речевой манипуляции, что позволяет глубже понять механизмы воздействия на читателя через литературный текст.

Выявленные в тексте А. Лиханова приемы способствуют более точному пониманию возможностей речевого манипулирования в литературе и могут быть полезны для дальнейших исследований.

Ключевые слова: *Лабиринт* Альберта Лиханова, трюизм, забалтывание, пресуппозиции, противопоставление, ложные выборы.

Summary

The aim of this article is to examine the techniques and strategies of speech manipulation used in Albert Likhanov's story *Labyrinth*. The study involves an analysis of the characters' dialogues, narrative style, and the techniques employed by the author to influence the reader's perception and emotions. This article offers a comprehensive analysis of the mechanism of speech manipulation, using *Labyrinth* as a case study. It focuses on techniques such as truisms, presuppositions, obfuscation, contraposition, and false choices, which are often associated with neuro-linguistic programming.

The relevance of this article lies in the growing significance of speech manipulation, particularly in its impact on social consciousness and individual behavior. Manipulation is a powerful tool used to shape people's thoughts and actions. Studying this phenomenon in literary works provides a deeper understanding of its influence on readers' perceptions.

The research problem addressed in this article is the insufficient development of the study of manipulation techniques in literary works within the scientific community. The object of this research is Albert Likhanov's story *Labyrinth*. This choice is motivated by the presence of truisms, presuppositions, obfuscation, contraposition, and false choices in the text, which serve to fulfill the author's intentions. Special attention is given to identifying and describing the manipulative techniques used in the characters' speech constructions, as well as their role and influence within the narrative.

The analysis reveals how the author employs truisms to create an illusion of truthfulness, presuppositions to shape perceptions, obfuscation to divert attention, and false choices to give the appearance of freedom. The study demonstrates that Albert Likhanov effectively uses speech manipulation techniques in his story, offering a deeper insight into the mechanisms of influence on readers through literary texts.

The techniques identified in Likhanov's text enhance our understanding of verbal manipulation in literature and provide valuable insights for further research in this field.

Keywords: Albert Likhanov's story *Labyrinth*, truism, obfuscation, presuppositions, opposition, false choices.

ВВЕДЕНИЕ

Стремление навязать адресату свою точку зрения, определенный взгляд на проблему наблюдается сегодня практически во всех сферах коммуникации. Манипулятивными возможностями языка интересуются специалисты в области психологии, политологии, социологии, пиара, культурологии, и, конечно же, лингвистики. Однако несмотря на большое количество литературы, посвященной различным аспектам манипулирования, изучение механизмов языкового воздействия остается актуальным в лингвистике. В большинстве работ анализируются отдельные манипулятивные приемы, стратегии и тактики, предлагаются способы психологической защиты от такого рода влияния. На примере исследований выявляется роль языковых средств, которые являются базой для реализации манипуляций в сфере художественной коммуникации.

Целью исследования является теоретический и практический анализ языковых средств и способов, используемых с целью манипулирования. Реализация поставленной цели предполагает решение таких задач:

- 1) выделить основные характеристики манипулирования как разновидности языкового влияния;
- 2) проанализировать основные механизмы и способы воздействия приемов на восприятие и поведение людей.

Материалом исследования служили теоретические разработки нейролингвистов Дж. Гриндера, Р. Бэндлера, Дж. О'Коннора, Р. Сеймур, П. Диксона, Р. Дилтса, А. Гавиланес, Т.В. Ахутиной, Р. Якобсона; психологов С.Г. Кара-Мурзы, А. Тверского, Д. Канемана, Г. Шиллера; когнитивистов Е.С. Кубряковой, В.И. Заботкиной, лингвистов Е.Л. Доценко, П.Б. Паршина, С.Н. Литунова, Д.Д. Шайбаковой, Я. Вежбинского, О.С. Иссерс, риториков П. Соппер, А.А. Леонтьева, И.А. Стернина и др.

Методы исследования: в работе использовались общенаучные методы описания, анализа, синтеза и обобщения, контекстуальный анализ.

Язык представляет собой многофункциональный инструмент, который, помимо очевидных функций, таких как коммуникативная и экспрессивная, обладает и рядом менее явных функций. Наиболее значимыми для научного исследования являются те аспекты языка, которые демонстрируют его взаимосвязь с мышлением и сознанием, поскольку именно они непосредственно связаны с процессом языковой манипуляции.

В контексте изучения языковой манипуляции еще одна принципиально важная латентная функция языка – формирование реальности. Эта функция проявляется, во-первых, через языковую картину мира, которая представляет собой совокупность представлений об *устройстве* и *содержимом* реальности, исторически закрепленных в языке и отраженных в нормах и традициях

речевого использования. Данный феномен тесно связан с аккумулятивной и отражательной функциями языка, благодаря которым язык накапливает и передает человеческий опыт из поколения в поколение. Во-вторых, функция формирования реальности выражается в когнитивных операциях, таких как метафора, аналогия и обобщение, которые человек осваивает вместе с языком. В-третьих, эта функция заключается в том, что язык, благодаря строгим правилам, ограниченному набору знаков и их семантической нагрузке, выполняет роль особой линзы, через которую индивид воспринимает мир. Эти функции языка, даже без наличия явных манипулятивных сообщений, существенно влияют на формирование мышления и сознания человека. Отсюда приемлемость когнитивного подхода к анализу манипуляции.

В.И. Заботкина считает, что объединяющим ядром когнитивных наук является общий объект исследования – сознание и мозг. Понимание этого объекта расширяется до концептуального четырехгранника: мозг-сознание-мышление-разум. Для эффективного взаимодействия внутри этого научного кластера необходимо наличие общих принципов взаимодействия, основанных на едином объекте исследования (Заботкина, 2015, 18). Исходя из полученных материалов, мы в данной работе попытаемся рассмотреть возможности интеграции когнитивной лингвистики и нейролингвистики для анализа речевого манипулирования.

В.А. Трофимова далее исследует стратегии и тактики речевого манипулирования, которые могут быть реализованы с помощью различных лингвистических средств, таких как стратегия понижения, стратегия повышения, стратегия вуалирования, мистификации, деперсонализации, а также информационно-интерпретационная стратегия. Она считает, что эти стратегии могут быть реализованы в речи с помощью следующих тактик: тактика негативной оценки, повторения информации, мнимой вежливости, тактики искажения информации и выборочной подачи материала, тактика имплицитного обвинения и тактика нелогичного аргумента (Трофимова, 2019, 421).

Основатели НЛП Р. Бэндлер и Д. Гриндер доказали, что концепция НЛП включает три основных компонента. Первый компонент касается психофизиологических аспектов владения речью. Второй компонент связан с лингвистической стороной речевой деятельности. Третий компонент направлен на изучение влияния на людей в процессе речевого общения и регулирование их поведения. Согласно нейрофизиологическим представлениям, у каждого человека существует свой основной канал восприятия и хранения информации, называемый «репрезентационной системой». Предполагается, что именно через этот ведущий канал поступает основной поток информации (Grinder, Bandler, 1976, 41). В художественной литературе эти приемы могут быть использованы для создания многозначных диалогов, развития персонажей и построения сюжетных линий.

Одним из положений НЛП, которое может использоваться в анализе поведения литературных героев, является утверждение о различии людей по типам, в зависимости от доминирующего канала восприятия мира.

Ряд приемов манипуляции рассматривается в теории НЛП. Утверждается, что нейролингвистическое программирование (НЛП) представляет собой набор методов и техник, разработанных для улучшения коммуникативных навыков и воздействия на восприятие и поведение людей. В контексте художественной литературы методы НЛП используются авторами для создания глубоких, убедительных персонажей и ситуаций, а также для манипуляции восприятием и эмоциями читателей. Рассмотрим основные методы НЛП, применяемые для речевой манипуляции в литературных произведениях и их влияние на читательскую аудиторию.

Трюизмы, или банальные, очевидные истины, часто встречаются в художественных произведениях для усиления эмоционального эффекта или подчеркивания определенных характеристик персонажей и событий. Они часто используются для установления раппорта и повышения внушаемости, поскольку они, как правило, бесспорны и легко принимаются. В повести *Лабиринт* Альберта Лиханова можно найти несколько таких трюизмов. Вот некоторые примеры: *Ну а дома – дома бабка всем деньгам хозяйка* (https://4italka.site/detskoe/detskaya_proza/149017/fulltext.htm, доступ: 28.05.2024). Утверждение разделено на две части с использованием тире, что создает логическую связь между *дома* и ролью бабки. Первая часть *Ну а дома – дома* является трюизмом. Фраза подтверждает известную истину: в доме действуют свои правила, что воспринимается как бесспорный факт. Эта часть утверждения устанавливает базовую истину, что позволяет второй части звучать более правдоподобно и внушительно. Вторая часть *бабка всем деньгам хозяйка* представляет собой специфическое утверждение о распределении власти в доме.

За счет первой трюистической части, эта вторая часть воспринимается с меньшим сопротивлением. Повторение слова *дома* усиливает якорение контекста, что подсознательно укрепляет идею о бабке как центральной фигуре в доме.

Использование слова *хозяйка* вызывает ассоциации с властью, контролем и управлением. Начальная трюистическая часть утверждения (*Ну а дома – дома*) устанавливает раппорт с читателем или слушателем, поскольку это общее утверждение, с которым трудно не согласиться. Принятие первой части утверждения усиливает готовность принять вторую часть без критического анализа. Это позволяет утверждению *бабка всем деньгам хозяйка* звучать как логичное следствие, даже если оно содержит манипулятивный элемент.

Утверждение использует трюизм для внедрения более конкретного убеждения о распределении власти и контроля в доме. Читатель или слушатель, согласившись с очевидной первой частью, легче принимает и вторую часть как данность.

Анализ утверждения *Ну а дома – дома бабка всем деньгам хозяйка* показывает, что оно использует трюизм для создания раппорта и уменьшения сопротивления восприятию основной идеи. Первая часть утверждения является самоочевидной истиной, которая не вызывает возражений. Это подготавливает почву для второй части, которая утверждает конкретное распределение власти в доме. В результате, утверждение эффективно внедряет идею о бабке как главной фигуре, управляющей финансами, что является примером речевой манипуляции через трюизм.

Следующее анализируемое утверждение *Ох, бабка! Всегда она права, даже если сама себе противоречит* (https://4italka.site/detskoe/detskaya_proza/149017/fulltext.htm, доступ: 28.05.2024) представляет собой классический трюизм, который играет значительную роль в речевой манипуляции для воздействия на восприятие читателя.

В данном случае можно наблюдать авторитетность высказывания, утверждение создает иллюзию безусловного авторитета бабки. Фраза *Всегда она права* внушает идею о непогрешимости ее мнений и решений, что автоматически снижает критическое восприятие ее действий со стороны других членов семьи.

Но существует и введение элемента противоречия (*даже если сама себе противоречит*), что служит для укрепления идеи о безоговорочной правоте бабки. Это подразумевает, что даже логические несоответствия в ее речи не умаляют ее авторитета, что является мощным инструментом для подавления возражений и критики.

Восклицание *Ох, бабка!* добавляет эмоциональный оттенок, что делает высказывание более убедительным и запоминающимся. Это также способствует созданию эмоциональной привязки, усиливая воздействие на слушателя.

Такой трюизм эффективно манипулирует восприятием, вызывая у слушателя автоматическое согласие с представленным мнением. Это снижает вероятность критического анализа и сопротивления. В контексте семейных отношений, где была произнесена эта фраза, такой трюизм закрепляет властную позицию бабки, делая ее мнение окончательным и неоспоримым.

Трюизмы часто используются как метамодели для установления и усиления раппорта. Они помогают внедрить в сознание слушателя определенные убеждения без необходимости их обоснования. В данном случае, трюизм служит для усиления восприятия бабки как неоспоримого авторитета в семье, что способствует поддержанию ее доминирующей позиции.

Анализируемый трюизм *Ох, бабка! Всегда она права, даже если сама себе противоречит* демонстрирует, как самоочевидные истины могут использоваться в речевой манипуляции для формирования и укрепления определенных убеждений. В контексте НЛП, такие утверждения служат эффективным инструментом для установления контроля и влияния на восприятие

слушателей, обеспечивая тем самым поддержку и сохранение существующей иерархии и властных структур в межличностных взаимодействиях.

Прием *забалтывание* также относят к технике НЛП. Он используется для отвлечения внимания собеседника, перегрузки его информацией и, в конечном итоге, для достижения желаемого результата манипулятора. В повести А.Лиханова можно найти примеры этого манипуляционного приема, которые иллюстрируют его применение в контексте межличностных взаимодействий.

В одном из эпизодов повести баба Шура активно уговаривает Толика стать художником, несмотря на его собственные желания и способности:

Опять она за свое, баба Шура, опять сейчас говорить начнет, чтобы Толик художником стал. Он вздохнул, стал промывать кисточку, болтать ею в стакане с серой водой (https://4italka.site/detskoe/detskaya_proza/149017/fulltext.htm, доступ: 28.05.2024).

В этом отрывке баба Шура использует технику забалтывания, постоянно повторяя свои аргументы и увещевания, чтобы подавить сопротивление Толика и убедить его принять ее точку зрения. Она отвлекает его внимание от собственных мыслей и желаний, постоянно нагружая его своей речью.

В другой сцене баба Шура активно обсуждает финансовые вопросы, снова используя забалтывание для укрепления своего контроля над ситуацией:

Н-ддя... Ндя-ндя-ндя... – ныла баба Шура, облокотясь, подбородок в ладошку сложив. В глазах задумчивость и размышление были, будто никого она и не изводила вовсе, а просто так размышляла себе вслух, думу думала.

Здесь баба Шура использует обилие слов и повторяющиеся фразы, чтобы создать иллюзию заботы и участия, в то же время укрепляя свой авторитет и влияя на эмоциональное состояние членов семьи.

Забалтывание, как манипуляционный прием, основывается на перегрузке когнитивных ресурсов собеседника. Этот метод предполагает использование большого объема информации или постоянное повторение одних и тех же мыслей, чтобы затруднить критическое восприятие и анализ ситуации со стороны слушателя (Bandler, Grinder, 1981, 81).

Попытаемся объяснить механизмы воздействия на познавательном уровне: постоянное повторение и изобилие словесных конструкций перегружают когнитивные способности, что приводит к снижению критического восприятия информации. На эмоциональном уровне: повторяющиеся посылы, такие как забота или критика, усиливают эмоциональное вовлечение и делают собеседника более уязвимым к манипуляциям. Чрезмерное количество информации и повторение одних и тех же мыслей могут привести к снижению сопротивления, так как собеседник устает от такой нагрузки и начинает принимать точку зрения манипулятора.

В *Лабиринте* А. Лиханова баба Шура эффективно применяет забалтывание, чтобы влиять на членов своей семьи. Ее постоянные речи и увещевания направлены на поддержание ее контроля и авторитета, создавая у членов семьи ощущение, что они должны подчиняться ее воле, поскольку они не могут противостоят ее постоянным речам.

Забалтывание как техника НЛП является мощным инструментом речевой манипуляции, позволяющим воздействовать на когнитивное и эмоциональное состояние собеседника. Примеры из повести демонстрируют, как этот прием может быть использован для контроля и влияния в межличностных отношениях, создавая сложные и многослойные ситуации манипуляции и подчинения.

Допущения, или *пресуппозиции* (presuppositions) представляют собой скрытые предположения, заложенные в структуру высказываний, которые принимаются за истину без прямого утверждения. Эти предположения помогают направлять восприятие и внимание слушателя, создавая определенные рамки для интерпретации информации (Dilts, 1999, 221), что принимается как основание для НЛП, как мощный инструмент для влияния на мышление и поведение через коммуникацию (Dilts, 1999, 6, 221).

Пресуппозиции играют ключевую роль в речевой манипуляции, так как они позволяют внедрять скрытые послания и убеждения, не вызывая сопротивления у слушателя. Это делает их мощным инструментом для изменения восприятия и поведения, особенно в контексте убеждения и влияния (O'Connor, Seymour, 1990, 122).

Пример пресуппозиции мы можем наблюдать в следующем отрывке: *Сперва добром, как она выражается* (https://4italka.site/detskoe/detskaya_proza/149017/fulltext.htm, доступ: 28.05.2024). Эта фраза содержит следующие пресуппозиции: бабка часто пытается убедить или повлиять на отца; существуют два подхода: добром и каким-то другим способом; использование доброго подхода является первым этапом в процессе убеждения.

Есть этому научное объяснение: пресуппозиции в этом высказывании создают сценарий, в котором бабка применяет многоступенчатую стратегию влияния. Это иллюстрирует ее методичный и целенаправленный подход к достижению своих целей, что является типичным для речевой манипуляции (O'Connor, Seymour, 1990, 122). Через такие пресуппозиции бабка формирует у отца и остальных членов семьи определенные ожидания и убеждения, что позволяет ей эффективно управлять их поведением и решениями.

Следующий пример иллюстрирует нам допущение в повести:

Посмотрела тогда вот так баба Шура на Толикиного отца, в самое нутро, наверное, ему заглянула и сказала негромко, будто нехотя: Слышь-ка, сродственник бесштанной! Ты тутюка на меня не гавкай, не ори. В своем дому хозяйствуй, а здесь ты сам по билету. Почитай, как на постоялом дворе (https://4italka.site/detskoe/detskaya_proza/149017/fulltext.htm, доступ: 28.05.2024).

Эта фраза содержит следующие presupпозиции: отец Толика повышает голос на бабу; бабушка считает дом своей территорией; отец имеет ограниченные права в этом доме.

Presupпозиции здесь создают контекст, в котором бабушка устанавливает свои правила и границы в доме, утверждая свое доминирование. Это типично для манипулятивной речи, где говорящий использует скрытые допущения для утверждения своего авторитета и контроля над ситуацией.

Presupпозиции в повести А. Лиханова играют важную роль в создании и поддержании образов и динамики взаимодействий между персонажами. Они формируют скрытые рамки восприятия и поведения, направляя внимание читателя и укрепляя авторитарные иерархии. Примеры из текста демонстрируют, как presupпозиции могут быть использованы для усиления речевой манипуляции, создавая определенные ожидания и убеждения у аудитории.

Для создания скрытых предположений, которые направляют восприятие и поведение слушателя, используются допущения. Их эффективность в речевой манипуляции делает их важным инструментом в различных областях применения, от терапии до бизнеса и переговоров.

Следующий рассматриваемый прием является одним из видов presupпозиции, это – *противопоставление*. Противопоставление является одним из эффективных приемов, используемых в речевом манипулировании. Этот прием основан на создании контраста между двумя или более элементами, что позволяет выделить желаемую информацию и направить внимание слушателя в нужное русло. Противопоставление в НЛП используется для усиления эмоционального воздействия, формирования определенных убеждений и создания предпочтительных интерпретаций у аудитории.

Использование контраста для выделения одной идеи по сравнению с другой. Это может быть достигнуто через использование антонимов, сравнений и противоположных утверждений. Противопоставление помогает направить внимание слушателя на определенные аспекты сообщения, что делает их более запоминающимися и значимыми. Контрастные элементы могут вызывать сильные эмоциональные реакции, что усиливает влияние сообщения на аудиторию. Противопоставление может быть использовано для формирования или изменения убеждений через сравнение положительных аспектов желаемого поведения или идеи с отрицательными концепциями нежелательного.

В повести А. Лиханова противопоставление используется для создания контраста между персонажами, их действиями и ценностями, что способствует углублению их характеристик и усилению драматического эффекта. Контраст между бабушкой и другими членами семьи *Ну а дома – дома бабушка всем деньгам хозяйка* (https://4italka.site/detskoe/detskaya_proza/149017/fulltext.htm, доступ: 28.05.2024).

В этом примере противопоставление подчеркивает власть бабушки над финансовыми ресурсами в семье. Использование слова «хозяйка» в контексте семейных финансов создает контраст с другими членами семьи, которые изображаются как зависимые и лишенные контроля.

Противопоставление слов и действий бабушки: *Ох, бабушка! Всегда она права, даже если сама себе противоречит* (https://4italka.site/detskoe/detskaya_proza/149017/fulltext.htm, доступ: 28.05.2024). Здесь противопоставление используется для подчеркивания противоречивости бабушки. Хотя она утверждает свою правоту, ее действия часто противоречат ее словам, что создает образ манипулятивного и непоследовательного персонажа.

Контраст между условиями жизни и ожиданиями бабушки иллюстрируется в следующем примере: *Сперва добром, как она выражается* (https://4italka.site/detskoe/detskaya_proza/149017/fulltext.htm, доступ: 28.05.2024). Противопоставление *добро* и других методов убеждения бабушки подчеркивает ее стратегический подход к манипулированию. Это создает контраст между кажущейся добротой и скрытой агрессией, что усиливает восприятие ее манипулятивной натуры.

Противопоставление, также часто относимое к НЛП, основано на принципах когнитивной психологии и нейронауки. Исследования показывают, что контрастные элементы легче воспринимаются и запоминаются, что делает противопоставление мощным инструментом в риторике и манипуляции (Tversky, Kahneman, 1981, 455). В контексте НЛП противопоставление помогает усилить воздействие сообщения, создать сильные ассоциации и направить мышление слушателя в желаемом направлении.

Оно позволяет создавать яркие контрасты, усиливающие эмоциональное воздействие и формирующие определенные убеждения у аудитории. Примеры из повести демонстрируют, как противопоставление может быть использовано для создания глубоких и многослойных характеристик персонажей и их взаимодействий.

Следующий прием, относимый к НЛП, который мы попытались исследовать в тексте, – это *прием ложных выборов*. Он считается одним из наиболее эффективных, его роль заключается в том, чтобы предоставить субъекту иллюзию выбора, когда все предложенные варианты на самом деле ведут к одному желаемому результату. В повести А. Лиханова данный прием демонстрируется в ряде примеров, иллюстрирующих его эффективность в управлении поведением и решениями персонажей.

Бабушка предлагает отцу перейти из конструкторского отдела в цех, аргументируя это большей зарплатой. Однако независимо от того, соглашается отец или нет, бабушка продолжает давить на него, предоставляя иллюзию выбора.

Аньжанер! – Бабушка злится. – Аньжанер, а вся цена-то сто рублей. Без вычетов. – И отца уговаривает, чтоб ушел из конструкторского, чтоб перешел в цех (https://4italka.site/detskoe/detskaya_proza/149017/fulltext.htm, доступ: 28.05.2024).

Здесь манипулятивный прием проявляется в том, что отец должен выбирать между двумя нежелательными для него вариантами, при этом бабушка продолжает настаивать на своем.

Прием ложных выборов основывается на идее, что предоставление человеку ограниченного набора вариантов позволяет создать иллюзию свободы выбора, что снижает сопротивление и повышает вероятность принятия манипулятором желаемого решения. Это происходит потому, что сознание человека фокусируется на выборе между предложенными вариантами, при этом не принимается во внимание то, что все они контролируются манипулятором (Bandler, Grinder, 1975, 34). Поэтому данный прием относят к НЛП.

В *Лабиринте* этот прием используется для управления решениями и действиями персонажей, особенно в вопросах, связанных с финансовым контролем и трудоустройством. Примеры из текста демонстрируют, как ложные выборы могут эффективно использоваться для навязывания определенных решений, сохраняя при этом видимость самостоятельного выбора у субъекта манипуляции. На материале повести показано, как этот прием может использоваться для управления поведением и решениями персонажей. Исследование таких техник в литературных произведениях способствует более глубокому пониманию механизмов манипуляции и может помочь в разработке стратегий для их выявления и противодействия в реальной жизни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование применения приемов, относимых к нейролингвистическому программированию (НЛП), на материале повести А. Лиханова *Лабиринт* выявило несколько ключевых аспектов, которые демонстрируют эффективность и разнообразие манипулятивных техник. В частности, анализ показал, что такие приемы, как трюизмы, ложные выборы, забалтывание и пресуппозиции, играют значительную роль в управлении поведением и восприятием персонажей.

Так, трюизмы служат для создания реалистичного и убедительного повествования, поскольку они основаны на широко распространенных и общепринятых истинах. Анализ показал, что трюизмы в *Лабиринте* выполняют несколько функций: они способствуют укреплению определенных социальных норм и установок, поддерживают существующую иерархию в семейных отношениях и служат инструментом для снижения критического восприятия информации. Примеры из текста демонстрируют, как с помощью простых и очевидных утверждений можно влиять на восприятие и поведение людей, что делает трюизмы мощным инструментом в арсенале манипулятора. Это

исследование подчеркивает необходимость критического анализа подобных приемов в повседневной коммуникации.

Ложные выборы были продемонстрированы через сцены, где персонажи предлагают мнимую свободу выбора, направляя при этом решения к заранее запланированному исходу. Это позволяет манипулятору сохранять контроль над ситуацией, создавая иллюзию самостоятельности у целей манипуляции. Например, бабушка в повести использует этот прием, чтобы контролировать действия и решения Отца, предлагая ему варианты, которые фактически ограничены и направлены на ее выгоду.

Забалтывание проявляется в стремлении персонажей запутать или утомить собеседника чрезмерным количеством информации или эмоциональными наговорами, что приводит к снижению критического восприятия и более легкому принятию манипулятивных установок. Это подчеркивается в сценах, где персонажи, особенно бабушка, используют длинные и эмоционально насыщенные монологи для достижения своих целей.

Пресуппозиции в тексте служат для внедрения скрытых посылов и убеждений, которые не подвергаются критическому анализу, так как воспринимаются как само собой разумеющиеся. Этот прием часто используется для изменения восприятия и убеждений персонажей, что позволяет манипулятору влиять на их поведение более глубоко и устойчиво. В *Лабиринте* этот прием используется для того, чтобы внушить определенные установки и ценности, не вызывая сопротивления у персонажей.

Таким образом, повесть А. Лиханова *Лабиринт* предоставляет богатый материал для изучения методов НЛП в речевой манипуляции. Примеры из текста демонстрируют, как эти техники могут быть эффективно использованы для управления поведением и мыслями людей. Дальнейшие исследования в этой области могут способствовать более глубокому пониманию механизмов манипуляции и разработке стратегий для их выявления и противодействия в реальной жизни. Предлагая такой подход, мы пользуемся устоявшимся пониманием НЛП, при этом отдаем себе отчет в том, что это не анализ НЛП. Однако рассматриваемые приемы отличает психологизм, латентность, влияние на поведение и размышление коммуникантов.

БИБЛИОГРАФИЯ (REFERENCES)

- Заботкина, В.И. (2015). *Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход*. Под общ. ред. В.И. Заботкиной. Москва: Языки славянской культуры.
- Лиханов, А. (2014). *Лабиринт*, https://4italka.site/detskoe/detskaya_proza/149017/fulltext.htm, доступ: 28.05.2024.

- Bandler, R., Grinder, J. (1975). *The Structure of Magic I: A Book about Language and Therapy*. Palo Alto, California: Science and Behavior Books.
- Bandler, R., Grinder, J. (1981). *Trance-Formations: Neuro-Linguistic Programming and the Structure of Hypnosis*. Real People Press.
- Dilts, R. (1999). *Sleight of Mouth: The Magic of Conversational Belief Change*. Capitola, CA: Meta Publications.
- Grinder, J., Bandler, R. (1976). *The Structure of Magic I: A Book about Language and Therapy*. Palo Alto, California: Science and Behavior Books, California: Typography by Penguin Santa Clara.
- Likhanov, A. (2014). *Labirint*, https://4italka.site/detskoe/detskaya_proza/149017/fulltext.htm, accessed: 28.05.2024.
- O'Connor, J., Seymour, J. (1990). *Introducing Neuro-Linguistic Programming*. London, UK: Thorsons.
- Trofimova, V.A. (2019). *On some aspects of speech manipulation through intercultural perspective. Functional aspects of intercultural communication. Translation and interpreting issues*, <https://elibrary.ru/item.asp?id=42541068>, accessed: 01.06.2024.
- Tversky, A., Kahneman, D. (1981). *The Framing of Decisions and the Psychology of Choice*. Science, 211 (4481), 453–458, <https://doi.org/10.1126/science.7455683>
- Zabotkina, V.I. (2015). *Metody kognitivnogo analiza semantiki slova: komp'yuternokorpusnyi podkhod*. Pod obshch. red. V.I. Zabotkinoi. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury.

Andrzej Narloch

 <https://orcid.org/0000-0001-5225-289X>

Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu

Wydział Neofilologii

Instytut Filologii Wschodniosłowiańskich

Zakład Języka Rosyjskiego

61-874 Poznań, Al. Niepodległości 4

andrzej.narloch@amu.edu.pl

Я ТОЖЕ НЕРВНЫЙ! – ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАЦИИ ВОДИТЕЛЕЙ В ЯЗЫКОВОМ ПЕЙЗАЖЕ ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ НАДПИСЕЙ НА АВТОМОБИЛЯХ)

**I'm Nervous Too! – Communication
Among Drivers in the Linguistic Landscape of the City
Based on Messages on Car Stickers**

Резюме

Данная статья посвящена исследованию функционирования языка в городском пространстве. Объектом исследования стал фрагмент лингвистического ландшафта города, а именно коммуникация водителей в городском пространстве. Данная коммуникация реализуется с помощью оставленных на автомобилях надписей с информацией различного содержания. Нами было проанализировано более 500 надписей.

Используя как описательный, так и качественный методы, автор пытается ответить на вопрос, как водитель функционирует в современном городском пространстве, и как он общается с другими водителями. Важной частью исследования было выявление социальных, культурных, экономических, политических факторов, влияющих на специфику коммуникации. Это позволило определить образ современного водителя в России, его отношение к окружающей действительности и другим водителям.

Результаты исследования показали, что надписи на автомобилях не имеют строго определенного языкового оформления. Ориентация на диалогичность является одной из главных особенностей данной коммуникации. Собранные надписи имеют форму различных речевых актов (объявлений в прессе, политических деклараций, военных лозунгов, сообщений

Received: 1.07.2024. Verified: 28.09.2024. Accepted: 20.12.2024.

© by the author, licensee University of Lodz – Lodz University Press, Lodz, Poland. This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution license CC-BY-NC-ND 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/>)

в форме угроз и предупреждений). Для надписей на автомобилях в основном характерна тенденция к сжатой форме и формальная краткость. В собранном материале мы также встречаем сообщения, регулирующие дорожную ситуацию (безопасность, качество дорог, парковка). Авторы надписей на автомобилях не избегают эмоциональных и экспрессивных форм выражения, часто используя разговорную и вульгарную лексику, тем самым пытаясь подчеркнуть свою решительную позицию.

Ключевые слова: коммуникация, языковой пейзаж, речевой акт, диалогичность, надписи на автомобилях.

Summary

This article explores the functioning of language in urban spaces, with a particular focus on the linguistic landscape of cities and the communication among drivers. The primary medium of such communication is car stickers, which often contain verbal messages of various types. A key feature of this form of communication is its dialogic orientation. The research analyzed over 500 linguistic units from car stickers, encompassing a wide range of speech acts, including political declarations, war slogans, threats, warnings, and messages addressing traffic regulation. These messages often relate to safety, road conditions, or parking issues.

The study employed descriptive and qualitative methods to investigate how drivers navigate and communicate in the modern urban environment. A significant aspect of the research involved identifying the social, cultural, economic, and political factors shaping this specific form of communication. This analysis allowed for the construction of a profile of the modern Russian driver, highlighting their attitudes toward the surrounding reality and other drivers.

The findings revealed that driver-to-driver communication does not adhere to a fixed linguistic form. Car inscriptions are characterized by their brevity and tendency to condense thoughts into concise statements. These messages frequently employ emotional and expressive language, often incorporating colloquial or vulgar expressions to emphasize communicative simplicity and decisiveness. This linguistic phenomenon reflects the dynamic and multifaceted nature of urban communication among drivers in Russia.

Keywords: communication, linguistic landscape, speech act, dialogue, car inscriptions.

Настоящая статья посвящена исследованию одного из фрагментов коммуникации водителей, являющейся частью городского языкового пейзажа. Современная городская коммуникация, согласно словам Е.О. Опариной, представляет собой явление сложное и изменчивое, а язык современного города складывается из комплекса социолектов, стилей, речевых жанров (Опарина, 2005, 71–84). Кроме живой устной речи, в языковом пространстве города находятся многие примеры письменных форм языка. Наличие официального языка в пейзаже города представлено в вывесках, фасадных табличках, названиях улиц, бульваров, парков, названиях государственных учреждений и частных фирм, реклам, бильбордов и т. д. Кроме того, в городском пространстве можно найти неофициальные проявления человеческой активности, например, в форме граффити, разного рода частных объявлений, надписей на дверях, воротах или же на автомобилях. В дан-

ном исследовании в центре внимания остаются надписи на автомобилях (далее НА). Имеются в виду готовые наклейки с лозунгами, слоганами, краткими фразами, наклеенными на стеклах, дверях и т.д., а также печатные тексты и надписи, сделанные от руки (на бумажках, пальцем на грязном кузове). В таком спонтанном творчестве проявляется человеческий фактор, человек раскрывается как языковая личность, обладающая языковым сознанием, способная создавать и порождать тексты, окружать себя языковым пространством (Позднякова, 2009, 180–186).

Окружающее общественное пространство наполнено различными лингвистическими знаками, появление которых зависит от социальных, культурных, политических и экономических условий, существующих в том или ином районе (см.: Ben-Rafael, Shohamy, Barni, 2010, 11). На основе этих наблюдений возникла область исследований, названная лингвистическим ландшафтом (анг. *Linguistic Landscape*). Термин лингвистический ландшафт впервые использовали Р. Ландри и Р. Бурхис (Landry, Bourhis, 1997, 23). Канадские исследователи отметили, что язык, представленный в общественном пространстве, свидетельствует о жизнеспособности, сосуществовании и взаимоотношениях между различными социальными группами, населяющими это пространство. Кроме того, следует отметить важную роль, которую язык играет в окружающей среде. Вербальная сторона маркировки пространства помогает создать и передать ощущение места, сообщества, власти, споров и переговоров (Huebner, 2016, 1).

Одной из форм выражения человека как языковой личности в городском пейзаже является коммуникация между водителями. Такой разновидностью общения являются анализируемые нами надписи на автомобилях, которые представляют собой отличительную картину русского городского пейзажа.

Поскольку важной составляющей любого коммуникативного акта является интенциональность и эмоциональность, то в настоящем исследовании будут описаны языковые средства, с помощью которых коммуникатор общается с другими участниками коммуникации. С функциональной стороны, как вытекает из эмпирического материала, надписи на автомобилях выполняют ряд различных функций – коммуникативную, импрессиивную, экспрессиивную, фатическую, игровую. Одними из важнейших являются, на наш взгляд, импрессиивная и игровая функции. В частности, последняя выполняет исключительную роль, так как имеет особое значение в регулировании эмоций на дороге.

Прежде чем перейти к анализу, необходимо кратко остановиться на стилистико-языковых и жанровых особенностях собранных НА. Описание специфического дискурса автомобилистов позволит выявить языковые особенности естественно сложившейся формы общения на основе конкретных эмпирических данных. Письменный дискурс водителей можно отнести к специфическому жанру городской речи (Китайгородская, Розанова,

2003, 103–126). Одной из характерных черт современного языка, в частности его городской разновидности, является массовое речевое творчество, вспыхнувшее в постперестроечное время в связи с отсутствием цензуры, активизацией индивидуального творческого начала, изменения социальных условий. Появляются малые жанры, где, по словам О.С. Иссерс, «есть простор для языковой игры и проявления креативного потенциала народа» (Иссерс, 2009, 150–161). М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова обращают внимание на то, что в основе малого письменного жанра городской коммуникации (реplik-наклеек на автомашинах) лежит игровое начало (Китайгородская, Розанова, 2003, 103–126).

НА нередко получают юмористическую форму, отражая несерьезное, шутливое осмысление дорожных ситуаций. Поэтому их жанровая специфика определяется характером конситуации, нацеленностью не на массового, а на конкретного адресата и бесконтактное общение с ним. Ориентация на шутливый эффект отражает прагматические функции. О.С. Иссерс, анализируя т.н. речевые коллекции (т.е. тосты, веселые истории, прикольные открытки, надписи на значках, майках, кружках, а также надписи на автомобилях) считает, что

Большинство речевых коллекций создается именно в ответ на этот своеобразный социальный заказ – «призыв к веселью» (Иссерс, 2009, 150–161).

Предположительно, что в сфере коммуникации между водителями, такая установка становится исключительно важной и востребованной. Устремленность адресанта на предполагаемый комический эффект обуславливается прагматикой – снизить возможные стрессовые ситуации, а вследствие этого – предотвратить возникновение потенциально опасных ситуаций, в которых оказываются водители – пробки, спешка, встреча с неадекватными водителями и т.д. Этому способствуют также неблагоприятные факторы на дороге – шум, вибрации, напряженность движения, плохие дороги, нарушения ПДД. В результате водители нервничают и рискуют, появляется желание «проскочить» или нетерпимость к другим водителям. Источников раздражения за рулем существует множество, что подталкивает их отреагировать, своеобразным способом продемонстрировать свое отношение к ситуации на дороге. Однако отсутствие условий для непосредственной коммуникации препятствует обычаю входить в непосредственный контакт или оправдываться. Водители чувствуют потребность, вероятнее всего, разрешить спор, не вступая в прямой конфликт. Эту роль принимают на себя готовые надписи, затрагивающие широкий диапазон тематики от презентации или декларации своей позиции, вплоть до сосредоточенности на межличностных отношениях, социальных вопросах и политических убеждениях. Такому бесконтактному общению нередко сопутствует шутка, игра, ирония/

автоирония, ср.: *Я за пенсионную реформу! Помогу родному правительству – сдохну по-раньше!* или: *Запретили тонировку – понизили рождаемость!*

Следует отметить, что одним из факторов, обуславливающих потребность в коммуникации на дороге, является отсутствие взаимопонимания. Этому способствует ограниченный на дороге набор средств общения. В процессе вождения эмоции играют важную роль, так как влияют на отношения между участниками движения, на культуру вождения, безопасность, поэтому с лингвистической (коммуникативной) точки зрения интересны иллокутивные цели, которые реализуют изучаемые надписи. Например, появляются надписи с семантикой требования, ср.: *Пропусти пешехода*, или презентующие эмоциональное состояние адресанта: *Я тоже нервный!*

Учитывая коммуникативный и интенциональный методы, мы рассмотрим анализируемую коммуникацию как результат речевой деятельности двух участников – адресанта и адресата. Однако стоит упомянуть, что большинство коммуникатов не предполагает ответа, становясь односторонним сообщением. Согласно Н.И. Клушиной, в интенциональном методе цепочка усложняется за счет включения понятия *интенция*: адресант – интенция – текст + коммуникативная ситуация – адресат – декодирование – воздействие (перлокутивный эффект коммуникативная неудача) (Клушина, 2012). В современной лингвистике понятие *интенция* связано с теорией речевых актов Дж. Остина (Остин, 1999).

Принципиально значимыми становятся целенаправленность и интенциональность речевого поведения. Согласно И.Н. Борисовой, адресант сталкивается с двумя видами выбора – прагматическим (интенциональное содержание) и стилистическим (адекватное языковое содержание) (Борисова, 2009, 168). Поэтому при анализе материала обращается внимание на интенции и стилистическое оформление их языкового выражения. Каждая надпись на автомобиле становится актом деятельности, функционирующим в определенном коммуникативном окружении. В связи с этим для данного исследования актуален прагматический аспект контекстуально и социально обусловленного коммуникативного действия, а иллокутивная сила НА интерпретируется в конкретном контексте.

Дальнейшая классификация материала, насчитывающего 510 надписей, проводится с учетом четырех главных сфер, которые легли в их основу: 1) сфера «поведение на дороге» связана с безопасностью, состоянием дорог, парковкой; 2) сфера «индивидуально-эмоциональная», эксплицирующая индивидуальное мнение адресанта, выражение эмоционально-эстетического подхода, мировоззрения, 3) сфера «социально-бытовая» и 4) сфера «политико-военная».

I. Сфера «поведение на дороге» включает тематику безопасности на дороге, качество дорог, парковки в городском пространстве.

1.1. Безопасность на дороге. Содержательная сторона многих НА сосредоточивается вокруг вопросов, связанных с безопасностью. Грубые нарушения правил заставляют водителей призывать других участников движения к их соблюдению. Они часто принимают форму директив, речевых клише, призванных воздействовать на адресата, его поведение, установки и эмоции. Их главной иллокутивной целью является вызвать в адресате желаемые изменения его поведения. Приведем примеры:

- (1) Чтоб не плакать потом. ПРИСТЕГНИ ВСЕХ РЕМНЕМ!
- (2) ДЕРЖИ ДИСТАНЦИЮ¹.
- (3) ДРУЗЬЯ ТОВАРИЩИ ДАМЫ И ГОСПОДА БРАТЬЯ И СЁСТРЫ НЕ БУДЬТЕ ПИДАРАСАМИ ВЛЮЧАЙТЕ ПОВОРОТНИКИ.
- (4) ПЕРЕСТАНЬТЕ НАРУШАТЬ ПРАВИЛА!

Причиной появления таких апеллятивов является отсутствие надлежащей культуры вождения. Грамматически такие конструкции содержат глаголы в форме повелительного наклонения (*пристегни, держи, включайте, не будьте, перестаньте*). Интересен пример (1) с функцией предостережения (НА помещена на заднем стекле государственной машины ДПС). Такая неофициальная форма передачи информации допускается ради предотвращения нарушения безопасности и потенциальных последствий. Пример (2) подтверждает, что частым объектом споров оказывается несоблюдение дистанции между автомобилями. Выразительность и экспрессивность коммуниката подчеркивается употреблением эмоционально окрашенной лексики, ср. пример (3): слово *пидарас* здесь в значении ‘человек низких моральных принципов’.

Требование соблюдения дистанции может выражаться также метафорически сквозь призму интимных связей. Такие надписи напоминают диалогические реплики живой речи, ср.:

- (5) НЕ ПРИЖИМАЙСЯ, МЫ НЕ В ПОСТЕЛИ
- (6) Не жмись! Не в постели!

Из данного материала вырисовывается довольно эмоциональная и даже враждебная картина взаимоотношений на дороге. Быстрый темп жизни, спешка провоцируют возникновение агрессии. Ответом являются надписи, выступающие против импульсивных действий. Анализ материала позволил выделить тексты, использующие механизм «подавления действия», который по намерению адресанта должен способствовать «разряжению» потенциально опасных ситуаций, т.е. они выражают призыв к бездействию. Реперту-

¹ В настоящей статье сохраняем оригинальную запись надписей (со строчной или прописной буквы).

ар таких речевых конструкций довольно широк, ср.:

- (7) ЕЩЕ РАЗ ПОСИГНАЛИШЬ ВООБЩЕ НИКУДА НЕ ПОЕДУ!!!
- (8) В ОЧКО СЕБЕ ПОБИБИКАЙ!
- (9) НЕ ГУДИТЕ ПОЖАЛУЙСТА! И ТАК БЛЯ%Ь СТРАШНО!
- (10) Продолжай гудеть приятель. Я перезаряжаю!

Как уже упоминалось, дорожные ситуации провоцируют активизацию негативных эмоций. Материал подтверждает, что автомобилисты злятся на медленно трогającychся с места или едущих в потоке движения. НА становятся ответом на эти ситуации, своего рода панацеей. Для большей языковой выразительности часто используется, кроме официальной, также разговорная лексика – глаголы *бибикать* ‘сигналить’ и *моргать* ‘мигать’. Иллокутивная сила таких надписей высока. Призыв «не действовать определенным образом» сопровождается наличием идентификаторов эмоционального состояния (восклицательными знаками). Напряженность эмоций подчеркивается также вульгарной лексикой, правда иногда в искаженной записи – *бля%ь* (9). Пример (10) функционально несет угрозу (менасив) путем употребления глагола *перезаряжать* с имплицитно выраженной семантикой ‘нанесения физического ущерба адресату’. Независимо от того, что адресант поощряет (глагол *продолжать*) адресата действовать определенным способом, смысл однозначен – открыто эксплицирует угрозу с целью запугать и изменить поведение.

Интересно остановиться на гендерном факторе, в частности на женском взгляде, проявляющемся в ряде надписей. Из анализа следует, что женщины-водители уверены, что им больше дозволено, например, что они даже могут нарушать правила. С этой целью приводится ряд оправданий. Одним из них является то, что женщины сами признают себя не очень умелыми, путают педали, знаки, забывают о поворотниках и т.д. Ниже дается краткий перечень таких оправданий:

1. Оправдание – пол:

- (11) Я ДЕВОЧКА, МНЕ МОЖНО :)
- (12) Девушка за рулем: Осторожно, забываю с какой стороны тормоз!

2. Оправдание – цвет волос:

- (13) ПРОШУ ПОНЯТЬ И ПРОСТИТЬ – Я БЛОНДИНКА!!!
- (14) Я – БЛОНДИНКА! А У ВАС КАКОЕ ОПРАВДАНИЕ?

3. Оправдание – красота:

- (15) ЗАТО Я КРАСИВАЯ...

4. Оправдание – неопытность:

(16) Я не блондинка, но первые дни за РУЛЕМ!!!

(17) ОСТОРОЖНО!!! Только получила права – САМОЙ СТРАШНО :-)

5. Оправдание – несообразительность:

(18) Я ДУРА И МНЕ СТРАШНО!

(19) Я ТУПАЯ ОВЦА! НЕ УМЕЮ ПАРКОВАТЬСЯ!

Примечательно, что у самих женщин отсутствует хорошее мнение относительно своих умений управлять машиной, несмотря на то что согласно официальной статистике женщины водят безопаснее, чем мужчины. Следует отметить, что отсутствие опыта вождения касается в равной степени как водителей-женщин, так и водителей-мужчин. Однако в таком случае они оправдываются лишь неопытностью, ср.:

(20) ВЫ БЫЛИ ТАКИМИ ЖЕ.

(21) 3 дня за рулём.

Оправданиям своей неопытности сопутствует мирная форма выражения. Ретроспективный характер надписи (20) должен склонять адресатов вспомнить свои первые шаги за рулем и тем самым стать более снисходительным.

I.2. Состояние дорог. Тема плохих дорог, напрямую связанная с безопасностью, затрагивается рядом адресантов. Конечными адресатами коммуникатов в таком случае становятся на самом деле не другие водители, а органы, ответственные за содержание дорог. С грамматической стороны надписи этого типа часто выражены вопросительными предложениями и императивными формами. Приведем примеры:

(22) СПАСИБО МЭРУ ЗА ДОРОГИ.

(23) ГДЕ ДОРОГИ? В РОТ ИМ НОГИ!

(24) БУДУТ ДОРОГИ – БУДУТ НОМЕРА И НАЛОГИ.

(25) В КАКОЙ ЯМЕ МОИ НАЛОГИ?

В последних трех примерах адресанты откровенно требуют улучшения качества дорог, ссылаясь на выполняемые ими в отношении государства налоговые обязательства.

I.3. Парковка. Регулирование поведения отмечаем также в сфере парковки, вызванной дефицитом парковочных мест, в частности в больших городах. На машинах оставляются анонимными лицами надписи-директивы, возражающие против плохой парковки, чаще всего мешающей свободному передвижению пешеходов или автомобилей. Такая анонимная инфор-

мация по своей форме воспроизводит живую речь. Все это свидетельствует об интенсификации личностного и диалогического начал в городском дискурсе. Чаще всего НА данной группы реализуют функции требования и угрозы. С этой целью используются эмоциональные выражения императивного характера с бранной лексикой и непосредственно выраженной угрозой, ср.:

- (26) Не ставь машину, козел!
- (27) МУДИЛА, ПАРКУЙ СВОЙ КЛОП ПО-ЛЮДСКИ МУДАК.
- (28) В СЛЕДУЮЩИЙ РАЗ СОЖГУ!

Примеры (26) и (27) открыто выражают негодование и возмущение. Данные тексты написаны пальцем на грязной машине (27) и с помощью спрея (26). Вышеприведенные экзemplификации явно показывают попытку адресанта воздействовать на адресата и побудить к конкретному действию, а ожидаемые изменения позиции предполагают немедленный или отсроченный перлокутивный эффекты.

1.4. Религия. Опасные ситуации на дороге заставляют некоторых водителей размещать православные кресты или так называемые автомобильные иконки, которые крепятся на панель в качестве магического оберега, спасающего от потенциального несчастья. Схожую функцию выполняют надписи религиозного характера на автомобилях, ср.:

- (29) ...веруй в Господа Иисуса Христа, и спасешься ты и весь дом твой. Библия.
- (30) МЫ РУССКИЕ С НАМИ БОГ!

Магическая функция языка проявляется также в других НА, как правило, она сопряжена с контекстом соблюдения правил дорожного движения, вызывая таким образом комический эффект, ср.:

- (31) БОГ ЛЮБИТ ИДИОТОВ... ИНАЧЕ НА ДОРОГАХ ИХ БЫЛО БЫ МЕНЬШЕ!!!
- (32) СПАСИ И СОХРАНИ ОТ ГАИШНИКОВ.

II. Вторая «индивидуально-эмоциональная» сфера охватывает личный подход адресанта к автомобилям, сопровождаемый эмоционально-эстетической оценкой.

II.1. Эстетика. Внешний вид автомобиля для многих является высшей эстетической ценностью. Однако анализ материала показал, что данная сторона автомобилей отнюдь не является приоритетной у водителей. В собранном материале можно отметить надписи, затрагивающие тематику внешнего вида или плохого технического состояния автомобиля. По всей вероятности, такие НА являются своего рода оправданием перед возможными насмешками и комментариями. Поэтому эти фразы имеют цель опередить возможную

отрицательную реакцию со стороны участников движения. Таких надписей в нашем материале оказалось довольно много. Приведем некоторые примеры:

- (33) СДОХНУ, НО НЕ ПОМОЮ.
- (34) Умру, но мыть не буду!
- (35) МЫТЬ НЕ БУДУ. ОН НАКАЗАН.
- (36) Помойте меня, а то так и умру не мытой!
- (37) ХОЧУ В ГЕРМАНИЮ. ТАМ МЕНЯ МЫЛИ. (*написано пальцем на машине*)

Примеры показывают, что авторы данных сообщений решительно отказываются от возможности помыть свой автомобиль. Декларации выражаются в категоричной форме. Решительность своей позиции подчеркивается глаголами *сдохнуть* (33), *умереть* (34). Пример (35) подтверждает специфическое отношение русских к автомобилю – это не только средство передвижения, но и живое существо, ср. фразу *ОН НАКАЗАН*, которая написана пальцем на грязном заднем стекле. Особенно выразительны примеры (36) и (37), в которых адресантом становится не водитель, а выступающий в функции квазиавтора сам автомобиль. Как указывалось, надписи тематически связаны также с техническим состоянием автомобилей. В таком случае авторы считают необходимым оправдать те или иные дефекты в шутливой форме:

- (38) МОТОР В ПОРЯДКЕ, ДЫМИТ ПЕПЕЛЬНИЦА!
- (39) МОЛЬ ПОГРЫЗЛА.
- (40) ПАВАРОТНИКИ НЕ РАБОТАЮТ. СЛЕДИ ЗА ПАЛЫЦАМИ.

П.2. (Не)престижность. Анализ материала показал, что некоторые водители, в отличие от вышеуказанной группы, обращают внимание на внешний вид, марку, престиж автомобиля. Зато непрестижность марки вызывает чувство стыда, которое, в свою очередь, заставляет стремиться к его компенсации. Одной из форм компенсации можно считать надписи, с одной стороны, оправдывающие положение владельца, с другой – выражающие собственное достоинство, наличие самоуважения, несмотря на видимые недостатки своей машины. Таким образом, НА выполняют терапевтическую функцию языка, ср.:

- (41) У папы небогат карман. Едем в отпуск в Магадан.
- (42) Если бы не дети! Я бы ездил на джипе!
- (43) Мы братан из Брянска, зато не в кредит!

Авторы объясняют свое положение чаще всего незажиточностью, содержанием детей. Ко второй группе отнесем примеры, в которых авторы саму возможность водить машину считают повышением по сравнению с теми, кто вынужден ходить пешком. Особое распространение получила фраза *управлять мечтой*, ср.:

(44) ЗАТО НЕ ПЕШКОМ. УПРАВЛЯЙ МЕЧТОЙ.

(45) ГАЗЕЛЬ – УПРАВЛЯЙ МЕЧТОЙ.

В приведенных примерах открыто выражена автоирония, поскольку такие надписи помещаются на старых автомобилях, чаще всего советского или российского производства.

По мнению автолюбителей не менее важны размеры. Престижными считаются большие, мощные автомобили, а недостатки компенсируют их «невзрослостью». Такой метафорический прием порождает комический эффект, ср.:

(46) Я ДЖИП – ПРОСТО НЕ ВЫРОС ЕЩЕ!

(47) ВЫРАСТУ – СТАНУ ДЖИПОМ.

В некоторых случаях наблюдается своеобразная конкуренция между владельцами, с одной стороны, «быстрых» машин, с другой – внедорожников, которые подчеркивают свое превосходство исключительной проходимостью. Преимущество водители отдают последним, ср.:

(48) ТЫ ЕДЕШЬ БЫСТРО. А Я ГДЕ ХОЧУ. 4Х4.

(49) НЕ ЕДЬ ЗА МНОЙ, ТЫ ТАМ НЕ ПРОЕДЕШЬ...

П.3. Межличностные отношения. Эту тематику, не связанную непосредственно с дорожным движением, образует достаточно большое количество надписей, концентрирующихся в сфере межличностных отношений. Среди надписей, имеющих социальную направленность, наблюдается личная тематика отношений финансового, семейного и интимного характеров. Автомобили становятся своего рода доской объявлений. Некоторые из НА напоминают жанр газетных объявлений, так как на самом деле перекликаются с частными объявлениями о знакомстве. Приведем примеры:

(50) ВАРИО БОРЩИ. ГОТОВЛЮ САЛАТЫ. НЕ ЗАМУЖЕМ!

(51) А МЫ НЕ ЗАМУЖЕМ. ПОЗНАКОМИМСЯ.

(52) ХОЛОСТ!

(53) ВДОВА ПОЗНАКОМИТЬСЯ С МУЖЧИНОЙ ТЕЛ...

Адресанты данных, правда иногда и специфических объявлений, учитывая их интимный характер, подчеркивают свой семейный статус (не замужем, холост, вдова) и даже афишируют свои достоинства. Сжатая форма продиктована характером самого сообщения, цель которого – не знакомство, а желание заинтересовать или просто вызвать улыбку. Истинность данных деклараций трудно подтвердить, поскольку на самом деле такой тип намерений редко афишируется на глазах. Однако в материале отмечаются такие примеры, в которых выражается откровенно желание найти близкого человека, что подтверждает употребление глагола *искать*, ср.:

- (54) ИЩУ НОРМАЛЬНУЮ БАБУ. ТЕЛ....
(55) ИЩУ ПРИНЦА.
(56) ИЩУ ЖЕНУ! Любимая, моргни фарами.
(57) ИЩУ ЖЕНУ. ХОЧУ СЕМЬЮ. ТЕЛ.....

Приведенные примеры говорят о широком спектре ожиданий со стороны адресанта относительно искомого человека. Доминантными оказались такие достоинства как «нормальность» (54), «зажиточность» (55). Отметим, что некоторые надписи имплицитно выражают комиссивную интенцию «обещания». Обещание выйти замуж обуславливается исполнением определенного условия со стороны адресата (*догнать, обогнать*), ср.:

- (58) ОБГОНИШЬ ЗАСТАВЛЮ ЖЕНИТЬСЯ!!! ПРОПИСКА ЕСТЬ, ШУБА ЕСТЬ, ГОЛОВА НЕ БОЛИТ!
(59) ДОГОНИШЬ, ВЫЙДУ ЗАМУЖ PS. ПРОПИСКА ЕСТЬ, ШУБА ЕСТЬ, ГОЛОВА НЕ БОЛИТ.

Следует отметить широкое использование интим-сферы. Наличие сексуальной тематики свидетельствует о снятии табуированности данной темы в городском пространстве. Авторы-женщины НА работают «на опережение» потенциальных сексуальных предложений со стороны мужчин и обращаются с просьбами не предлагать им знакомство. Подобные надписи свидетельствуют также о наличии неправомерных поведений, с которыми сталкиваются женщины, и уже на начальном этапе дают свою отрицательную оценку и отпор, не избегая при этом вульгарной формы, ср.:

- (60) СЕКС НЕ ПРЕДЛАГАТЬ. Я ЛЮБЛЮ ВИКУ. НЕОРИГИНАЛЬНО, ЗАТО ПРАВДА.
(61) SEKS не предлагать. Я люблю Женю.

Приведенные выше примеры можно отнести к сфере фатических речевых поступков, которые представляют собой также «признания в любви». С жанровой точки зрения это квазиреплики-сообщения. В роли адресата может выступать обобщенный образ любого водителя.

Иной темой, поднимаемой авторами-женщинами, стали социально-семейные отношения. В их центре стоит вопрос семейных конфликтов. Следует отметить, что чаще всего имеем дело с обвинениями в адрес мужчин со стороны женщин по поводу невыполнения ими своих семейных обязанностей. Таким образом публично обсуждаются довольно интимные вопросы, связанные, например, с воспитанием и содержанием детей. Ср. примеры:

- (62) ТВОЙ СЫН ЛОХ. Я БЕРЕМЕННА ТЕЛ...
(63) СЫНУ ТРИ ГОДА. ГДЕ АЛИМЕНТЫ??? СКОТИНА!!!

Такие НА становятся декларацией, выражающей личную позицию адресанта; причем стоит упомянуть, что мнение выражается в довольно резкой и эмоциональной форме. В заключение остановимся на достаточно стереотипной ситуации, наблюдаемой во многих культурах, т.е. традиционном конфликте между зятем и тещей, что подтверждает также наш материал. В приведенных ниже примерах активны элементы квазидialogа, некоторые из них напоминают фрагменты разговорной речи:

(64) ЛЮБЛЮ – КАК ЖЕНУ! ГОНЯЮ – КАК ТЁЩУ!

(65) Меняю тещу на резину!

(66) Осторожно! В багажнике теща!

III. Третья сфера социально-бытовая, концентрируется на экспликации тематики, связанной с социальной обеспеченностью авторов, включая темы продажи автомобилей, цен на топливо и проблем с кражами.

III.1. Продажа. В собранном материале имеется группа сообщений, которые напоминают объявления продажи автомобилей. Однако от типичных объявлений их отличает игровое отношение к действительности. Это не просто информация, кто и что продает с приведением необходимых данных, а шуточные объявления, главной целью которых является развеселить других водителей (хотя и нельзя исключить истинности замысла продажи). Приведем примеры:

(67) ПРОДАМ ТЕЛ... МЕНЯЮ НА КВАРТИРУ В ПАРИЖЕ.

(68) Продам или поменяю на квартиру в Италии.

(69) БРОСИЛА КОЗЛА ПРОДАЮ МАШИНУ УЕДУ В ИНДИЮ.

Из материала следует, что адресанты не хотят просто продать свой автомобиль, а скорее склонны поменять на материальные блага. Такая явная презентация свидетельствует об отрицательном отношении к действительности, становится измерителем общественных мнений. Все это является своего рода манифестацией социальных установок общества.

Интересны надписи, в которых квазиавтором является сам автомобиль. Такая персонификация не является чем-то исключительным. Сценарий в этом случае такой, что будто сам автомобиль жалуется на своего владельца, потому что он заинтересовался другой машиной. Текст диалогизируется. Наступает открытое обращение, реализуемое в форме призыва. Квазиавтор (автомобиль) подчеркивает одновременно свои достоинства и преимущества, ср.:

(70) Купите меня! Мой хозяин полюбил другую. А я верная и надежная! Не могу терпеть измен.

(71) Купите меня! Меня зовут Mazda Capella. Я хорошая девочка в авариях замечена я не была. Телефон хозяина...

III.2. Воровство. Некоторые НА раскрывают наличие социальных проблем, какими остаются кражи оснащения, оборудования или топлива. В них адресанты пытаются вербально отвести злоумышленников от взлома автомобиля. Функционально надписи предупреждают потенциальных автоворов о нецеленаправленности (неэффективности) принимаемых действий, т.е. побуждают адресата к бездействию. Приведем примеры:

(72) УЖЕ ВСЁ ВЗЯЛИ. НЕ НАПРЯГАЙСЯ.

(73) МАГНИТОЛЫ И КОЛОНОК НЕТ! СПИЗДИЛИ ВЧЕРА!

Побуждение к бездействию опирается на механизмы деградации объекта интереса или его отсутствия, что, по мнению автовладельцев, является главным стимулом, отвлекающим злоумышленников от совершения преступления. При выражении своей позиции нередко используется вульгарная лексика – глагол *спиздить* (73). В данных примерах заметны элементы диалогизации, которая проявляется в установке на контакт водителей с потенциальными ворами.

III.3. Цена топлива. Озабоченность высокими ценами топлива проявляется в немногочисленных надписях. Во всех них отражаются вопросы социального характера, показывающие снижение материального статуса общества, ср.:

(74) Идите на ... с такими ценами на БЕНЗИН.

(75) Я ВИДЕЛА БЕНЗИН ПО 35 КОПЕЕК. Хочу обратно в СССР.

IV. Четвертая сфера «политико-военная», охватывает тематику как политического, так и военного характеров, которые выражают индивидуальный подход адресанта к историческим и текущим вопросам.

IV.1. Военная риторика. Заметной тенденцией в выборе тематики НА стала апелляция к фоновым знаниям. Одним из активнейших концептов в этом отношении остается тема войны и военных времен. Постоянно жива в русском народе память о победе во Второй мировой войне как великом подвиге советского народа. Миф победы поддерживается и сегодня государственными властями. Великая Отечественная война является на внутрисоциальном уровне практически единственным историческим событием, объединяющим всех россиян (Domańska, 2019, 210). Не удивительно появление НА, в которых применяется такая риторика. НА имеют стилизирующую функцию, так как в них используются фразы-маркеры, вызывающие ассоциации с определённой исторической эпохой. Используются, например, известные лозунги-призывы военных времен, ср.:

(76) НА БЕРЛИН!!!

(77) НА БЕРЛИН! УРА!

Мы нашли также одну надпись (в форме бумажки за задним стеклом), относящуюся к нынешней войне в Украине с выражением призыва к прекращению конфликта, ср.:

(78) НЕЛЬЗЯ ВОЕВАТЬ С УКРАИНОЙ.

В коллективной памяти россиян жива также благодарность предкам за их победу в войне. Слова уважения и благодарности появляются в следующих примерах:

(79) СПАСИБО ДЕДУ ЗА ПОБЕДУ! ДАЙ ДЕДУ ПРОЙТИ ПО ТРОТУАРУ.

(80) Спасибо Вам, что мы войну не знали. Извините, что страну просрали.

Имеются примеры, в которых переплетаются и военная, и дорожная тематики. Военный нарратив часто требует наличия образа врага. Естественным образом это место занимают немцы (фашисты), ср.:

(81) Дед не пропустил фашистов. Я не пропущу АМР!

Вышеуказанная надпись в форме наклейки сопровождается также изображением – рисунком горящего танка «тигр». Тема военных времен вплетена в современный контекст, в котором адресант не намерен пропускать правительственные автомобили, имеющие серию автомобильных номеров АМР. Военный нарратив проявляется также в отношении самих автомобилей. Общеизвестно, что русские отдают предпочтение немецким маркам автомобилей, которые ценят за долговечность и качество. Тем не менее это не мешает им считать свои немецкие автомобили пленными или трофеями из Германии. Таким образом, многие надписи культурно мотивированы и построены на концептах «свои» и «чужие» с использованием концепта войны. Приведем примеры:

(82) ПЛЕННЫЙ НЕМЕЦ.

(83) ТРОФЕЙ ИЗ БЕРЛИНА.

(84) Дед сказал немца не мыть.

В данных примерах важную роль играют фоновые знания исторического характера, т.е. знания общие для участников коммуникативного акта, обеспечивающие взаимопонимание. Как видим, даже в анализируемой нишевой сфере коммуникации отражается военный нарратив, что подтверждает живую память о войне, осведомлённость, а победа в ней постоянно является мощной духовной скрепой российского общества.

IV.2. Политика. Политические декларации несут отпечаток авторского видения политической действительности, служат средством создания собственного отношения и оценки, т.е. становятся отражением политических

убеждений. Важно отметить, что представленные политические декларации в НА порицают актуально правящие официальные власти. Политические надписи представляют собой ту сферу, в которой в крайне негативной форме выражается политическая оценка. При этом адресанты прибегают к вульгарной и оскорбительной лексике. Крайние эмоции разгораются в частности, когда речь заходит о президенте и правительстве, ср.:

(85) РОДИНА – МАТЬ, ПРАВИТЕЛЬСТВО – БЛЯ@ТЬ!

(86) СТРАНОЙ ПРАВЯТ 3,14 ДАРАСЫ! Если ты согласен, посигналь.

(87) ЖИТЕЛЕЙ ДО ВЫБОРОВ НЕ БИТЬ!

Однако ненормативная лексика не выражается в прямой форме, а маскируется – замещение буквы «д» значком @ (85) или математической постоянной Пи – 3,14 (86).

Подытоживая сказанное, целесообразно отметить, что автомобильные надписи не имеют строго заданного языкового оформления. Как одна из разновидностей коммуникации в городском пейзаже активно направлена на диалог с другими участниками дорожного движения. Кроме того, заметны тенденция к игровой стихии и рост личностного начала. НА характеризует формальная сжатость. С коммуникативной стороны они напоминают различные речевые акты. Одни из них близки газетным объявлениям (о продаже или знакомствах), другие напоминают политические декларации, третьи содержат элементы угрозы, совета, предостережения, эстетической оценки, собственную оценку происходящего или же представляют собой политические и военные лозунги. Однако тематически надписи в основном затрагивают регулятивные отношения на дороге (безопасность, парковка, качество дорог). Адресанты не избегают эмоциональной, экспрессивно окрашенной и даже вульгарной лексики, придавая своей речи решительность и коммуникативную прозрачность, обогащая языковой ландшафт города.

БИБЛИОГРАФИЯ (REFERENCES)

- Борисова, И.Н. (2009). *Русский разговорный диалог: структура и динамика*. Москва: Изд. КД «ЛИБРОКОМ».
- Domańska, M. (2020). Миф Великой Отечественной войны как инструмент внешней политики России, *Sprawy Międzynarodowe*, 72 (4), 203–220, <https://doi.org/10.35757/SM.2019.72.4.15>
- Иссерс, О.С. (2009). «Речевые коллекции» как объект лингвистического анализа, *Жанры речи*, 6, 150–161.
- Китайгородская, М.В., Розанова, Н.Н. (2003). *Современное городское общение: типы коммуникативных ситуаций и их жанровая реализация (на примере Москвы)*. В: *Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация*. Москва, 103–126.

- Клушина, Н.И. (2012). *Интенциональный метод в современной лингвистической парадигме*, Медиастилистика, 4, <http://mediascope.ru/node/1242>, dostup: 20.06.2024.
- Опарина, Е.О. (2005). *Современная городская коммуникация: тенденции развития*. В: *Русский язык в современном обществе* (71–84), Е.О. Опарина, Е.А. Казак (ред.). Москва: Изд. Институт научной информации по общественным наукам РАН.
- Остин, Дж. (1999). *Избранное*. Москва: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги.
- Позднякова, Е.Ю. (2009). *Языковое пространство города: лингвокультурологическое описание*, Сибирский филологический журнал, 2, 180–186.

- Ben-Rafael, E., Shohamy, E., Barni, M. (2010). *Introduction: An Approach to an "Ordered Disorder"*. In: *Linguistic Landscape in the city*. Publisher Multilingual Matters, XI–XXVIII. <https://doi.org/10.21832/9781847692993-002>
- Borisova, I.N. (2009). *Russkii razgovornyi dialog: struktura i dinamika*. Moscow: Izd. KD «LIBROKOM».
- Domańska, M. (2020). *Mif Velikoi Otechestvennoi voiny kak instrument vneshnei politiki Rossii*, Sprawy Międzynarodowe, 72 (4), 203–220, <https://doi.org/10.35757/SM.2019.72.4.15>, accessed: 19.06.2024.
- Huebner, T. (2016). *Linguistic Landscape: History, Trajectory and Pedagogy*, MANUSYA: Journal of Humanities, Special Issue, 22, 1–11. <https://doi.org/10.1163/26659077-01903001>
- Issers, O.S. (2009). *«Rechevye kollektsii» kak ob"ekt lingvisticheskogo analiza*, Zhanry rechi, 6, 150–161.
- Kitaigorodskaya, M.V., Rozanova, N.N. (2003). *Sovremennoe gorodskoe obshchenie: tipy kommunikativnykh situatsii i ikh zhanrovaya realizatsiya (na primere Moskvy)*. V: *Sovremennyi russkii yazyk: Sotsial'naya i funktsional'naya differentsiatsiya*. Moscow, 103–126.
- Klushina, N.I. (2012). *Intentsional'nyi metod v sovremennoi lingvisticheskoi paradigme*, Mediastilistika, 4, <http://mediascope.ru/node/1242>, accessed: 20.06.2024.
- Landry, R., Bourhis R.Y. (1997). *Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: An empirical study*. Journal of Language and Social Psychology, 16 (1), 23–49. <https://doi.org/10.1177/0261927X970161002>
- Oparina, E.O. (2005). *Sovremennaya gorodskaya kommunikatsiya: tendentsii razvitiya*. V: *Russkii yazyk v sovremenном obshchestve* (71–84), E.O. Oparina, E.A. Kazak (red.). Moscow: Izd. Institut nauchnoi informatsii po obshchestvennym naukam RAN.
- Ostin, Dzh. (1999). *Izbrannoe*. Moscow: Ideya-Press, Dom intellektual'noi knigi.
- Pozdnyakova, E.Yu. (2009). *Yazykovoe prostranstvo goroda: lingvokul'turologicheskoe opisanie*, Sibirskii filologicheskii zhurnal, 2, 180–186.

Natalia Królikiewicz

 <https://orcid.org/0000-0002-3083-8774>

Uniwersytet im. A. Mickiewicza w Poznaniu

Wydział Neofilologii

Instytut Filologii Wschodniosłowiańskich

Zakład Komparatystyki Literacko-Kulturowej

61-474 Poznań, ul. Czeremchowa 28E/30

natasza@amu.edu.pl

ЭКСПЕРИМЕНТ НАД «ЧЕЛОВЕКОМ ОБЫКНОВЕННЫМ» В РОМАНЕ САШИ ФИЛИПЕНКО *КРАСНЫЙ КРЕСТ*

An Experiment on the “Ordinary Man” in Sasha Filipenko’s Novel *The Red Cross*

Резюме

Цель данной статьи – осмысление последствий чудовищного эксперимента, проведенного советским государством над своим собственным народом в годы Второй мировой войны и художественно представленного в романе Саши Филипенко *Красный Крест*.

Для вышеобозначенной цели в статье проводится анализ испытания, которому подвергается главная героиня литературного произведения, описывается специфика взаимоотношений личности и государства, осознается, что может произойти в современном российском обществе, страдающем исторической амнезией. Автор статьи показывает насколько антигуманно и наплевательски относилось государство к своим военнопленным и их родственникам, которые становились врагами народа во время Второй мировой войны. Будучи обреченной на смерть, главная героиня Татьяна Алексеевна Павкова решается на совершение преступления против совести. Чтобы спасти своего мужа, она подделывает документ, дублируя фамилию незнакомого солдата. Осознание ужаса содеянного будет мучить Татьяну всю жизнь до того момента, когда после тридцати лет поисков у нее наконец появится возможность попросить прощения и покаяться.

К сожалению, сегодняшнее отношение российского руководства к своим солдатам и к простым гражданам в условиях агрессивной захватнической войны в Украине свидетельствует, что в России кардинально ничего не изменилось. Исторические документы, широко представленные в анализируемом тексте, приводят неопровержимые доказательства жестоких физических и моральных преступлений советской системы против собственных граждан.

Received: 31.08.2024. Verified: 29.09.2024. Accepted: 20.12.2024.

© by the author, licensee University of Lodz – Lodz University Press, Lodz, Poland. This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution license CC-BY-NC-ND 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/>)

Проведенный в статье анализ показывает, что только память о преступлении и знание, как именно и почему оно произошло и кто виновен в произошедшем, проработка общей боли гарантирует исцеление и невозможность повторения этого сна.

Ключевые слова: Саша Филипенко, Красный Крест, репрессии, трудное прошлое.

Summary

The purpose of this article is to examine the consequences of the “monstrous experiment” conducted by the Soviet state on its own people during the Second World War, as depicted in Sasha Filipenko’s novel *Red Cross*. Through an analysis of the protagonist’s trials, the dynamics between the individual and the state, and the broader implications for contemporary Russian society, the article explores the persistence of historical amnesia in modern Russia.

The study highlights the Soviet state’s inhumane treatment of prisoners of war and their families, often branded as enemies of the people. The protagonist, Tatyana Alekseevna Pavkova, driven by desperation, commits a moral transgression by forging a document that substitutes the surname of an unfamiliar soldier to save her husband. This act haunts her for decades, until she finally has the opportunity to repent and seek forgiveness after 30 years of searching.

The novel’s themes resonate in today’s context, as the Russian government’s treatment of soldiers and citizens during the ongoing war in Ukraine suggests parallels with past practices. Historical documents referenced in the novel provide undeniable evidence of the Soviet regime’s physical and moral crimes against its own people.

The article argues that only by preserving the memory of these crimes – understanding their origins, identifying those responsible, and collectively processing shared pain – can society hope to heal and prevent the recurrence of such atrocities.

Keywords: Sasha Filipenko, Red Cross, repressions, difficult past.

Целью данной статьи является осмысление последствий чудовищного эксперимента, проведенного советским государством над своим собственным народом в годы Второй мировой войны и художественно представленного в романе Саши Филипенко *Красный Крест*. В связи с обозначенной целью важной представляются следующие задачи: проанализировать испытание, которому подвергается главная героиня литературного произведения, описать специфику взаимоотношений личности и государства, попытаться осознать, что может произойти в современном российском обществе, страдающем исторической амнезией.

В связи с тем, что автор анализируемого романа недостаточно знаком польскому читателю, целесообразным будет краткое представление создателя произведения. Саша Филипенко – белорусский писатель и журналист, эмигрировавший по политическим причинам сначала в Россию, а затем в Европу. В его литературном наследии шесть романов на русском языке: *Бывший сын* (2014), *Замыслы* (2015), *Травля* (2016), *Красный крест* (2017),

Возвращение в острог (2019) и *Кремулятор* (2022). Талант писателя был отмечен престижными литературными премиями не только в России (*Русская премия* 2014 г., *Большая книга* 2016 г., *Ясная поляна* 2020 г.), но и в Европе (*Transfuge* 2024 г.¹, *ProLitteris* 2024 г.²).

Учитывая фабульный уровень восприятия произведений, романы Филипенко часто напоминают «фотографии времени, созданные для запечатления современности» (Филипенко, 2017а). Поэтому прочтение каждой такой «фотографии» (в том числе и романа *Красный Крест*) фиксирует время, позволяя разобраться как в настоящем, так и в прошлом России. Возможно, это обеспечивает понимание того как путинская Россия превратилась в классическое тоталитарное государство (с цензурой, с запретом оппозиции и жесткими репрессиями) и к чему это может привести в дальнейшем. Реставрация сталинизма, ностальгия по СССР, о чем часто пишет Филипенко, к сожалению, в большой степени определяет развитие российского (и белорусского) общества³. А голоса реальных людей (в романе это голос отчима-сталиниста), абсолютно уверенных в том, что никаких репрессий в Советском Союзе не было, становятся все более внушительнее:

... Не было никаких репрессий – все это ерунда. Я видел документальный фильм. Сталин пытался удержать страну, а теперь эти дерьмократы специально подделывают документы и подбрасывают их в архивы (Филипенко, 2017b, 190).

Необходимо заметить, что корпус литературно-критических текстов, посвященных произведениям Саши Филипенко, недостаточно широк, основной акцент составляют интервью с писателем, рецензии на романы в медиа и презентации переводов (в Польше, к сожалению, отсутствуют переводы автора). Творчество Филипенко, ссылаясь на исследования ученых (речь идет о работах таких авторов, как Кирилл Ямщиков, Элеонора Шафранская, Дмитрий Клябанов, Михаил Белкин, Сергей Волков и др.) отличается прежде всего остросоциальным наполнением, попыткой исследовать характер эпохи через обращение к прошлому. Часто внимание критики обращено на лаконичность и «журналистскость» повествования Саши Филипенко, что в дополнении с художественной частью позволяет автору исследовать психику героев в процессе поиска (или утраты) их личной идентичности.

Толчком для написания данного романа послужили реальные исторические документы из переписки Красного Креста с СССР в годы Великой Отечественной войны. В художественном пространстве все документы

¹ Французская литературная премия.

² Швейцарская литературная премия.

³ По данным опроса «Левада-центра», в марте 2019 года доля россиян, положительно относящихся к Сталину, достигла 51%, а доля положительно оценивающих его роль в истории страны – 70%.

проходят через женщину-машинистку, работающую в НКВДе (нынешнем МИДе). Именно ее трагическая судьба положена в основу литературного произведения. Муж главной героини, Татьяны Алексеевны Павковой, как и многие другие красноармейцы, оказался во вражеском (румынском) плену в самом начале войны. История женщины, ставшей врагом народа, пересекается с другой ведущей линией, где главным героем является молодой мужчина, которому Татьяна Алексеевна, желая сохранить память, рассказывает о своем прошлом. Следует добавить, что действие-повествование происходит на территории Беларуси и России в 2001 г., а сюжет охватывает весь XX век.

Родившись в Лондоне, Татьяна в возрасте 10 лет с отцом и нянечками (мать умерла при родах) приезжает в СССР. Любимый родитель (Алексей Алексеевич Белый – фамилия которого также немаловажна, приняв во внимание оппозицию *красный – белый*) абсолютно уверен в том, что в этой новой стране их ждет счастливое будущее: «Здесь, в Лондоне, живут старые люди. Новый человек, человек, которым уже не смогу стать я, но которым, безусловно, станешь ты, моя дорогая, живет в России» (Филипенко, 2017b, 19). Однако эта страна *нового человека, человека обыкновенного* не у всех вызывает такой восторг. Нянечки решительно отказываются от переезда:

– Вот же дуры! – с улыбкой произносил отец. – Неужели не понимаете вы, что теперь это ваша страна?! Как не понимаете вы, что в России произошла не смена власти, но революция духа! И Петроград, и Москва теперь есть города простого человека! Все там отныне устремлено исключительно на улучшение жизни такого вида, как вы, – вида человека обыкновенного! (Филипенко, 2017b, 19).

Человек обыкновенный. Главная героиня часто задается этим вопросом:

Кто он? Паразит, совершающий подлость, или безымянный герой, творящий подвиг? Человек обыкновенный... Сколько таких мне довелось повстречать? Судьба предложила несколько сотен вариантов, но вот только правильного ответа так и не дала. Порой мне казалось, что человек обыкновенный есть человек плохой, ибо временами только такие люди меня окружали. Мерзость была нормой их поведения, но стоило мне утвердиться в этом заблуждении, как рядом тотчас появлялись люди совершенно иные люди, особенные и чистые. Наверное, самым точным ответом могло бы стать утверждение, будто человек обыкновенный есть человек всякий, но со временем я отказалась и от него, ибо судьба одарила меня знакомством с несколькими совершенно необыкновенными людьми... (Филипенко, 2017b, 19).

Необходимо заметить, что эксперимент над созданием *нового человека* в новой стране (или наука «человеководства» наряду с растениеводством и животноводством) уже в своей первоначальной фазе можно сказать был обречен на провал, что интуитивно чувствуют и видят нянечки: «Он постоянно говорит о новом человеке, но разве не видит он, что человека этого

рождает мертвая земля!» (Филипенко, 2017b, 23). Отсылка к мертвой земле, возможно, прослеживается и впоследствии, когда от раковой опухоли во время беременности умирает супруга главного героя, девушка по имени Лана (на древнерусском языке обозначает «земля»). Отсутствие газа, электричества и страшный голод, наличие привилегированных слоев общества показывало, что людей невозможно научиться «выращивать как дерево»⁴ (Макаренко, 1937). Танечка, будучи ребенком, видит Россию (страну строящегося инфантилизма) как прекрасный «сказочный сон», с трудом различая где сон и явь. Постепенно благодаря усилиям «гениального садовника, товарища Сталина» (Макаренко, 1937) *новый человек* становится все более послушным и дисциплинированным по отношению к властям.

Татьяна, казалось бы, принадлежит к тому новому миру, о котором мечтал ее отец: знание иностранных языков, хорошее образование, работа переводчиком в Комиссариате иностранных дел и любимая семья. Но жизнь прерывается катастрофой – начинается война. В телеграмме со списками на обмен военнопленных от Международного Красного Креста она увидела фамилию своего мужа. Теперь он считается предателем, а она и ее дочь являются врагами народа и подлежат аресту (или расстрелу). Поэтому вынужденная сделать выбор Татьяна Алексеевна решается на страшное, – подделывает документ, дублируя фамилию предыдущего человека. Однако это не спасает ее семью. Парадоксально, но не война сломала жизнь главной героине, а советская власть, не простившая пленных и их родных.

Советская Россия, отказавшись от сотрудничества с Красным Крестом, бросила тем самым на произвол миллионы своих сограждан, оказавшихся в плену во время войны. Те, кому удалось выжить, были расстреляны на родине как предатели. Это не только проявление наплевательского отношения советского государства по отношению к своим военнопленным, но и образ невероятной антигуманности – становясь врагами народа, люди были обречены на смерть. Более того, «Кремль не только не интересовался судьбой своих граждан, но и препятствовал попыткам иностранных государств облегчить их участь» (Волчек, 2018). Так, в жизни Татьяны сливаются судьбы миллионов советских граждан, обнаруживая все нечеловеческие испытания, которым подвергается главная героиня, а метаморфозы *человека обыкновенного* становятся сюжетными и смыслообразующими элементами романа Филипенко.

Следует отметить, что анализируемый текст – это первый исторический роман писателя. Принцип работы автора основан на тонком переплетении

⁴ Речь идет о публикации А.С. Макаренко *Книга для родителей*, в которой советский педагог обосновывает свою систему воспитания как социального процесса, аргументируя ее словами «гениального садовника, товарища Сталина»: «Людей нужно заботливо и внимательно выращивать, как садовник выращивает облюбованное плодовое дерево».

документального и художественного рядов, которые дополняют и работают друг на друга. Исторический материал (архивные письма и телеграммы, медицинские карты, служебные записки, документы, раскрывающие условия жизни в лагере, записи допросов и мн. др.), составляющий документальную основу романа, с одной стороны, это попытка правдиво отобразить характер эпохи, а с другой стороны, лаконичность и отстраненность документов позволяет представить бесчеловечность и ужас происходящего. Так, вместо сцены изнасилования Татьяны Алексеевны, прилагается реальный документ «История болезни», найденный в архивах:

При осмотре тела обнаружены кровоподтеки на бедрах, ягодицах, пояснице и выше них до нижнего угла обеих лопаток. Кровоподтеки сплошные, темно-фиолетовой окраски. Правая кисть вся отечна. На тыльной стороне поверхности – кровоподтек. Язык чистый, живот мягкий. Общее состояние больной тяжелое. Все время стонет, бредит, зовет мужа и дочь. По словам больной не мочилась и не испражнялась два дня (Филипенко, 2017b, 136).

Когда автор знакомит с инструкцией, что делать с золотыми зубами умерших заключённых, или как заполнять бланк свидетельства о смерти в советском лагере, – читатель осознает, что это не единичные случаи («перегибы на местах»), но так выглядела преступная система, порядок жизни. Так советское государство выстраивало взаимоотношения со своими обывателями:

- 1) Золотые зубные протезы умерших заключенных подлежат снятию.
- 2) Снятие зубных протезов производится в присутствии комиссии в составе представителей: санитарной службы, лагерной администрации и фінотдела.
- 3) Принятое золото сдается в соответствующее ближайшее отделение госбанка, и квитанция о сдаче золота Госбанку приобщается к первоначальному акту ... (Филипенко, 2017b, 147).

Анализируемое произведение композиционно построено в форме бесед-воспоминаний Татьяны Алексеевны и ее молодого соседа Александра, с которым старушка знакомится на лестничной площадке. Такая конструкция обусловлена, с одной стороны, содержанием текста, а с другой, определяет его восприятие. Композиция романа (проговаривание вслух как проработка памяти) отражает усилия главной героини сохранить память, сберечь историю, не забыть о преступлениях прошлого. Ведь и выживает главная героиня вопреки всем пережитым ужасам, «вопреки всему» (Секретов, 2018). Поэтому Татьяна Алексеевна считает своим последним долгом (на пороге смерти) поведать свою историю, опасаясь, что от нее, «как от человеческой судьбы скоро ничего не останется» (Филипенко, 2017b, 11) из-за начавшегося Альцгеймера, которого выдумал ей бог. Но как бы он (бог) не старался, она никогда ничего не забудет.

Место для знакомства с соседом, как кажется, выбрано не случайно. В художественном пространстве дома (дом как единство истории) происходит некий кинематографический стык времен, двух поколений. Поколение отцов, пережившее все ужасы XX века, и поколение детей (поколение тридцатилетних), для которых Великая Отечественная война – это далекая реальность. Сосед Саша – это молодой человек, бывший футбольный арбитр (что также небезынтересно, судья, человек, понимающий как важно соблюдать правила), который переживает свою личную трагедию, оставшись после смерти любимой жены с маленькой дочкой на руках. Вначале разговор поколений не складывается: потерянный, начинающий новую жизнь главный герой совершенно не заинтересован ни в знакомстве с соседкой, ни в ее рассказе о прошлом, потому что он озабочен собственными проблемами. Разумеется, метафора болезни легко расшифровывается читателем, обнаруживая при этом, что хотя у российского общества нет никакого Альцгеймера, но оно страдает некой иной формой болезни (исторической амнезией), забывая важные страницы своей истории, не желая знать, что происходило в СССР совсем недавно. Поэтому Россия отказывается признавать жестокие преступления советского режима, не желая и не осознавая потребности в покаянии, считая его проявлением слабости. О последствиях вытеснения «трудного прошлого», о сложностях признания ответственности за массовый террор собственных граждан и о проработке прошлого пишет, в частности, и исследователь исторической памяти Николай Эпле:

... пока прошлое не перестало быть ресурсом для оправдания преступных практик, оно подобно непохороненному труп, отравляющему живых трупным ядом. Только похоронив труп, можно начать спокойно вспоминать об умершем; покончив с преступными практиками, можно вернуться к прошлому как к тому, без чего невозможно будущее (Эпле, 2020, 126).

Чтобы помнить дорогу домой, женщина оставляет на дверях Саши нарисованный красный крест, с чего, собственно, и начинается знакомство соседей. Но *красный крест* может восприниматься читателем шире, как многозначительный отрезок на пути к дому, к себе, к собственной памяти, к памяти всей страны. Главная героиня, несмотря на поставленный ей диагноз (Альцгеймер), ничего не забывает, стараясь в памяти сохранить все. Парадоксально, но метафора «Альцгеймер, ставящий крест на прошлом» в художественном пространстве романа противостоит названной болезни (Шафранская, 2021). Татьяна Алексеевна прорабатывает память, сохраняет историю, бережно передавая свое знание Александру. Работая в лагере машинисткой, женщина не записывала, не делала дубликаты разоблачительных документов – она все запоминала. И за десять лет набралось достаточно:

Иногда, предварительно напившись, начальник лагеря устраивал один и тот же аттракцион. Он брал лопату и, бросив на нее кусок протухшего мяса, выходил во двор. Каждая заключенная могла покинуть «восьмерку» (барак) и, встав на колени, подползти к лопате, чтобы отгрызть ровно столько, сколько получится (Филипенко, 2017b, 148).

Страшный голод и холод в лагерях приводил к тому, что съедали кошек, собак, а также бывали случаи каннибализма среди заключенных, о чем нельзя было информировать Москву. Но поведение женщин объяснялось вполне рационально – они старались сохранить собственную жизнь. Однако главную героиню больше пугало то, «что эксперимент, который начал великий архитектор человеческих душ, – работа над новым человеком» приведет к тому, что «спустя полвека выкристаллизуется человек, который будет есть с лопаты по собственной воле» (Филипенко, 2017b, 149). Без осознания и покаяния, без проработки прошлого «заключением для такого человека станет не лагерь, но он сам» (Филипенко, 2017b, 149). С этим корреспондируют и слова исследователя Александра Эткинда:

С прошлым, во всяком случае с травматичным XX веком, надо работать, не гордясь, устраивая пафосные шоу, а четко проговаривая вину, преступления прошлого, за которые, казалось бы, уже и некому ответить, однако вина как экзистенциальная парадигма должна быть проговорена и вспахана как вина системы (Эткинд, 2016, 311).

Татьяна Алексеевна не оставляет усилий по защите памяти и после возвращения из лагеря, став, например, участницей белорусского протеста. Бесстрашная героиня и кучка активистов (куда попадает и Саша) решаются отстоять мемориал Куропаты под Минском⁵, не позволив бульдозерам снести кресты, поставленные на могилах жертв репрессий. Таким образом, очередная «встреча» Татьяны с «красной властью» (и ее флагом Батькой) выявляет все то же бесчеловечное отношение государства к обывателю, позволяя ОМОНу избивать мирных людей, в том числе и девяностолетнюю старушку. Так, в художественном тексте «крест» (как место почтения памяти) объединяет главных героев, поставив их плечом к плечу и сближая эмоционально. Саша начинает с интересом вслушиваться в биографию своей собеседницы.

Следует отметить, что многогранный символ креста сопровождает читателя на протяжении всего романа, являясь тем самым неким смыслообразующим стержнем произведения. Это, безусловно, считывается в самом заглавии книги как название международной гуманитарной организации, занимающейся помощью во всем мире. Этот лейтмотив прочитывается и на других уровнях. Например, крест как религиозный символ тяжелых страда-

⁵ Урочище под Минском Куропаты – знаковое и символическое место для белорусского национально-демократического движения. А попытки власти снести кресты (2001–2020 гг.) – то есть ликвидировать, наложить запрет на память способствуют запугиванию общества и попытке заставить замолчать всех тех, кто выражает недовольство властью.

ний, выпавших на долю *человека обыкновенного*: и Татьяны, пережившей все издевательства и мучавшуюся всю жизнь чувством вины (принесла вред невинному человеку), и молодого ее собеседника, переживающего потерю жены, и каждого из нас, несущего свой крест на плечах. Возможно, как замечает один из литературоведов, крест на себе несет целая страна – «правопреемница десятилетиями жившего под красным флагом Советского Союза» (Секретов, 2018). Продолжая эту мысль, *красный крест* как символ коммунистических времен, находясь в земле, будет стоять и отбрасывать свою кроваво-красную тень так долго, пока не случится в российском обществе обсуждение и проговаривание болезненных тем.

Своеобразным контрапунктом выступает красный гранитный крест в финальной части романа, возвышаясь на могиле Татьяны Алексеевны. Превращаясь в символ, он работает с горем и способствует изменению главного героя. Саша осознает, что с прошлым расставаться преступно. Гранитный крест может быть воспринят как одна из метафор того, сколько может вынести человек, его совесть. И возможен ли вообще *новый человек* после всех катастроф прошедшего века.

Резюмируя, следует отметить, что проведенный анализ бесчеловечного эксперимента, которому подвергается главная героиня романа (а через нее и миллионы советских граждан), обнаруживает насколько антигуманно и наплевательски относилось государство к своим военнопленным и их родственникам. К сожалению, сегодняшнее отношение российского руководства к своим солдатам как к пушечному мясу, жестокое обращение с военнопленными, полное равнодушие к погибшим и игнорирование насущных проблем простых граждан в условиях агрессивной захватнической войны в Украине свидетельствует, что ничего не изменилось.

Реальные исторические документы, широко представленные в художественном тексте, приводят неопровержимые доказательства жестоких преступлений советской системы против собственных граждан. Такое обращение автора к «трудному прошлому» России направлено не только для исследования характера прошедшей эпохи, взаимоотношений государства и личности, но и для понимания постсоветской современности и сегодняшней военной катастрофы. Следует признать, что современная российская ментальность не сильно изменилась: «красный человек» Светланы Алексиевич⁶, к сожалению, никуда не ушел, Актуально и понятие врага народа (сегодняшний «иноагент»), массовость и непредсказуемость репрессий не кажутся чем-то архаичным, а «Окрестина» продолжает «лучшие» традиции Лубянки. Более того, становление режимов как в Беларуси, так и в России показывает, что власти этих государств являются прямыми правопреемниками той власти, о которой пишет Саша Филипенко в *Красном кресте*.

⁶ Белорусская писательница, лауреат Нобелевской премии по литературе (2015).

Выразительный монтаж художественной и документальной частей романа способствует выявлению испытания, которое приходится пережить главным героям романа (и Татьяне, и Саше). Это своеобразное исследование человека на его человечность, прочность, попытка проверить: сколько может выдержать человеческая совесть? Поэтому преступление против совести, которое совершила Татьяна Алексеевна, продублировав фамилию незнакомого солдата (чтобы спасти мужа), будет мучить ее всю жизнь до момента испрашивания извинения. Тридцать лет женщина искала человека, чтобы покаяться, попросить прощение за содеянное. Проведенный выше анализ показывает, что память о преступлении (а не историческая амнезия) и знание о том, что именно и почему произошло, кто виновен в произошедшем, проработка общей боли может принести исцеление и невозможность повторения этого сна.

БИБЛИОГРАФИЯ (REFERENCES)

- Волчек, Д. (2018). *Проклятые Сталиным*, <https://www.svoboda.org/a/29208684.html>, доступ: 12.03.2024.
- Секретов, С. (2018). *Жить вопреки. ItBOOK – о книге Саши Филипенко «Красный Крест»*, <http://books.vremya.ru/main/5729-zhit-vopreki-itbook-o-knige-sashi-filipenko-krasnyy-krest.html>, доступ: 20.02.2024.
- Филипенко, С. (2017a). *Исторический роман – все равно о нас и о нашем времени. Интервью писателя с Аленой Георгиевой*, <http://books.vremya.ru/main/5486-sasha-filipenko-istoricheskii-roman-vse-ravno-o-nas-i-nashem-vremeni.html>, доступ: 02.02.2024.
- Филипенко, С. (2017b). *Красный крест*, http://www.belousenko.com/books/filipenko/filipenko_red_cross.pdf, доступ: 17.11.2023.
- Шафранская, Э. (2021). *Система метафор времени в романе Саши Филипенко Красный крест*, <https://tinyurl.com/mpjmbu6d>, доступ: 25.10.2023.
- Эпле, Н. (2020). *Неудобное прошлое. Память о государственных преступлениях в России и других странах*, http://loveread.ec/view_global.php?id=92294, доступ: 01.11.2023.
- Эткинд, А. (2016). *Кривое горе. Память о непогребенных*. Москва: Новое литературное обозрение.

- Eple, N. (2020). *Neudobnoe proshloe. Pamyat' o gosudarstvennykh prestupleniyakh v Rossii i drugikh stranakh*, http://loveread.ec/view_global.php?id=92294, accessed: 01.11.2023.
- Etkind, A. (2016). *Krivoie gore. Pamyat' o nepogrebennykh*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Filipenko, S. (2017a). *Istoricheskii roman – vse ravno o nas i o nashem vremeni. Interv'y u pisatelya s Alenoi Georgievoy*, <http://books.vremya.ru/main/5486-sasha-filipenko-istoricheskii-roman-vse-ravno-o-nas-i-nashem-vremeni.html>, accessed: 02.02.2024.
- Filipenko, S. (2017b). *Krasnyi krest*, http://www.belousenko.com/books/filipenko/filipenko_red_cross.pdf, accessed: 17.11.2023.

- Sekretov, S. (2018). *Zhit' vopreki. ItBOOK – o knige Sashi Filipenko «Krasnyi Krest»*, <http://books.vremya.ru/main/5729-zhit-vopreki-itbook-o-knige-sashi-filipenko-krasnyy-krest.html>, accessed: 20.02.2024.
- Shafranskaya, E. (2021). *Sistema metafor vremeni v romane Sashi Filipenko Krasnyi krest*, <https://tinyurl.com/mpjm6y6d>, accessed: 25.10.2023.
- Volchek, D. (2018). *Proklyatye Stalinym*, <https://www.svoboda.org/a/29208684.html>, accessed: 12.03.2024.

Olga Makarowska <https://orcid.org/0000-0002-3687-7993>*Uniwersytet im. A. Mickiewicza w Poznaniu**Wydział Neofilologii**Instytut Filologii Wschodniosłowiańskich**61-874 Poznań, al. Niepodległości 4**olga.makarowska@amu.edu.pl*

ЗАЩИТНЫЕ ЗАГОВОРЫ КАК КОММУНИКАТ МАГИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЗАЩИТНЫХ ШЕПОТКОВ ЗНАХАРКИ МАРЬИ БЫКОВОЙ)

Protective Incantations as an Element of Magical Communication (Based on the Protective Whispers of the Folk Healer Marya Bykova)

Резюме

Исследование русских заговоров, прежде всего как фольклорного текста, реже – как части обряда, поскольку исследователи первоначально записывали только текст без учета важности невербальных средств, ведется с девятнадцатого века. Тщательно исследованы происхождение заговоров, их структура, композиция, сюжеты, символика, поэтика, стилистические особенности, функции и многое другое. Заговоры изучались также с позиций теории речевых актов, разработанной Дж. Остином и Дж. Серлем, теории перформативов Дж. Остина, а также теории высказывания М. Бахтина.

Однако при этом ранее они не рассматривались как элемент магической коммуникации. Конечно, заговор не является сообщением, поскольку его содержание должно воспроизводиться без изменений, иначе он потеряет свою магическую силу. Тем не менее он является главным элементом магической коммуникации, поэтому основная цель работы связана с выявлением особенностей защитных заговоров именно как (магического) коммуниката. Для достижения главной цели используются такие методы как анализ, описание, моделирование и группировка. В результате исследования защитных заговоров знахарки Марии Быковой были установлены их основные признаки как элемента магической коммуникации, часть из которых говорит о связи с фольклорными и молитвенными текстами.

В связи с тем, что защитные заговоры Быковой автономны и не являются частью обряда, в дальнейших исследованиях необходимо рассмотреть заговоры, которые в процессе магической коммуникации сопровождаются магическими действиями знахаря, в том числе с привлечением различных предметов.

Ключевые слова: защитный заговор, Марья Быкова, магическая коммуникация, коммуникат.

Received: 15.09.2024. Verified: 6.11.2024. Accepted: 20.12.2024.

© by the author, licensee University of Lodz – Lodz University Press, Lodz, Poland. This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution license CC-BY-NC-ND 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/>)

Summary

Russian incantations have been studied since the nineteenth century primarily as folklore texts, and less frequently as components of rituals, as early researchers typically recorded only the verbal text, neglecting the significance of non-verbal elements. Scholars have explored the origins of incantations, their structure, composition, plots, symbolism, poetics, stylistic features, functions, and more in considerable depth.

In addition, incantations have been analyzed through the lens of various theoretical frameworks, including J. Austin and J. Searle's theory of speech acts, J. Austin's theory of performatives, and M. Bakhtin's theory of the utterance.

However, they have not previously been examined as an integral element of magical communication. While an incantation is not a traditional message – its content must remain unchanged to preserve its magical efficacy – it remains the central element of magical communication.

This study aims to uncover the specific characteristics of protective incantations as forms of (magical) communication. Methods such as analysis, description, modeling, and classification were employed to achieve this goal.

The research, based on the protective incantations of the folk healer Maria Bykova, identified their key features as elements of magical communication, some of which reveal connections with folklore and prayer texts. Since Bykova's protective incantations are autonomous and not part of a ritual, future studies should explore incantations that, in the context of magical communication, are accompanied by the healer's actions and the use of various objects.

Keywords: defence conspiracy, Marya Bykova, magical communication, communicant.

Исследования русских заговоров, продолжающиеся с XIX в., не дали однозначных ответов на ряд существенных вопросов. Специалисты расходятся в трактовке заговоров, относя их к обломкам «древних языческих молитв и заклинаний» (Афанасьев, 1865, 43), «отреченным» видам народного творчества (Ветухов, 1907, 2), видам обрядового фольклора (Кравцов, Лазутин, 1977, 68), колдовству (Зуева, Кирдан, 1998, 67), образцам «народного православия» (Никитина, 2002, 44), старинным ритуалам (О. Крючкова, Е. Крючкова, 2017, 10) и пр. Еще четко не разграничены понятия *заговор*, *наговор*, *заклинание* и др., не сформулированы их общепринятые определения и не разработаны типология и единая классификация.

Структура заговорных текстов и ее компоненты описаны в научной литературе довольно подробно, но «не раз и под разными „именами“ ..., что в целом выдвигает как одну из основных проблему структуры, состава и типологии заговора» (Агапкина, 2010, 13). Активно исследуется лексика заговоров, прагматические характеристики, мотивы, сюжетики, языковая картина мира и мн. др. Однако «работы разнятся своим пониманием задач и способов исследования, поскольку определяются разными профессиональными интенциями (лингвистическими, фольклористическими и т. д.)» (Агапкина, 2010, 14–15). Иначе говоря, исследования заговоров отличаются разрозненностью, ввиду ориентированности ученых на разные научные направления, отсутствия терминологического единства и применения различных концептуальных и методологических подходов.

Довольно подробно заговоры, в т. ч. защитные, изучены в свете теории речевых актов и перформативов (Engelking, 2010, 52–54; Левкиевская, 2002, 233–245; Юдин, 2001, 139–148). Однако в качестве коммуникативного акта они исследуются редко, возможно, в силу своей близости «к перформативным высказываниям» (Юдин, 2011), а как компонент магической коммуникации вообще не рассматриваются. И это несмотря на то, что «высказывание (или текст) – категория сугубо коммуникативная» (Толстая, 1994, 92), то есть включенность заговора в коммуникативный процесс неоспорима.

Итак, основная цель работы – выявление особенностей заговора как элемента заговорной коммуникации (коммуниката), для осуществления чего следует: уточнить понятия *магия, магическая и заговорная коммуникация, коммуникативный акт, коммуникат, (защитный) заговор*; представить модель магической коммуникации; установить особенности заговора как (магического) коммуниката. В качестве теоретической базы привлекается теория магии Бронислава Малиновского, идея восприятия магии с позиции носителей культуры Анны Энгелькинг, понимание коммуникативного акта Кириллом Чистовым, трактовка понятия *коммуникат* Михаэля Хоффманна в изложении Анны-Марии Ариас. Основными методами являются анализ, описание, моделирование и тематическая группировка. Исследовательский материал составляют 36 защитных шепотков знахарки Марии Петровны Быковой (2010) из села Горелово, записанные и опубликованные с ее позволения журналисткой Марией Алексеевной Быковой.

ПОНЯТИЕ МАГИИ

Магия¹ – дефиниционно «ускользающее» понятие ввиду наличия множества определений, значительно отличающихся друг от друга (Engelking, 2010, 39–48). Дело в том, что она относится к явлениям, исследуемым на основании внешних проявлений, поскольку наблюдается (не всегда)² лишь ее результат как следствие магических действий: шептун нашептал заговор/ провел обряд → что-то желаемое произошло. Поэтому в научном дискурсе оправданно отнести ее к конструктам, т.е. «понятиям и представлениям о ненаблюдаемых объектах науки», постулируемых «для объяснения фактов, данных в наблюдении» (Ахманова, 2004, 204), полное описание

¹ Имеется в виду третья разновидность магии – «современная, осознаваемая» (Buchowski, 1993, 56).

² Например, по причине неэффективности магических действий или ненаблюдаемости механизмов, вызвавших желаемое состояние, невозможно проследить, что произошло в организме, когда после заговора остановилось кровотечение.

и исчерпывающее исследование которых неосуществимо. Трактовка магии как конструкта обусловлена диссонансом между восприятием ее учеными и носителями народной культуры:

а) само слово встречается не в оригинальных текстах, а в «языке наблюдателей»;

б) с точки зрения носителей культуры, магии не существует, ибо существует только «делание, говорение и знание», а силой и мощью обладают чародеи, шептуны и их «коллеги по профессии» (Engelking, 2010, 38). При этом данная сила уникальна и доступна лишь людям (Малиновский, 2015, 74–75).

Если вслед за Брониславом Малиновским (2015, 25) принять, что магия-явление – это совокупность действий, система верований, социальный феномен и личные переживания, то при рассмотрении магии-конструкта наиболее полно можно раскрыть специфику (не)вербальных действий и магии как (культурно-)социального феномена. Реконструкция системы верований и убеждений (магического мировоззрения) на основании языковых данных, с одной стороны, ими и ограничена, с другой – сопряжена с их интерпретацией. Одно ведет к узкому представлению мировоззрения, другое – к приписыванию ему смыслов, «являющихся производной убеждений, вынесенных исследователем из его культуры»³ (Buchowski, 1993, 65). Воссоздание же аффективного компонента и личного опыта с опорой на заговорные тексты вообще не реально. Поэтому понимание этих компонентов почти полностью зависит от доброй воли носителей магии (НМ).

Несмотря на важность каждого компонента магии-явления, Малиновский (2015, 72–73) подчеркивает, что «самым важным элементом в магии является заклинание»⁴, которое и есть главный элемент заговорной коммуникации.

ЗАГОВОРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ЕЕ СТРУКТУРА

В доступных работах, исследующих магическую коммуникацию (Юдин, 2011), ее определение отсутствует. Полагаем, что это смысловое взаимодействие между НМ и высшими силами, основывающееся на передаче(-приеме) смыслов⁵, усиленное магической силой (энергией) НМ⁶. Магическое

³ Здесь и далее перевод наш – О.М.

⁴ Не всегда, если ядром магического действия является акциональный компонент.

⁵ Знахарка Марья Быкова утверждает: «Да по большому счету сами слова заговора не так важны. (...) Но вот смысл, который через слова идет они [ангелы] слышат и понимают. И через этот смысл, через сам шепоток и звучание слов, они провидят, что тебе на самом деле требуется» (Быкова, 2010, 24).

⁶ Определение дано с опорой на: Makarowska, 2014, 41.

действие НМ есть действие смысловое, т.е. передача смыслов, реализуемая в (не)вербальной, в т. ч. (предметно-)акциональной форме. Смысловое же воздействие – «несиловое оказание влияния» на кого-то/ что-то «или его попытка» (Makarowska, 2014, 41). В роли инициатора магической коммуникации могут выступать и высшие силы, «подавая» НМ некие знаки, которые он должен «прочитать» и в ответ предпринять какие-то действия или, напротив, прервать процесс/ деятельность, от чего-то воздержаться и пр. С перспективы исследователя подобный контакт не вписывается в рамки коммуникации в научном понимании, что диссонирует с утверждениями самих НМ (см.: Быкова, 2010, 28, 56).

Одним из видов магической коммуникации является заговорная, понимаемая нами как передача НМ определенных смыслов потустороннему адресату с целью добиться желаемого для третьего лица с помощью заговора, (не) сопровождающегося действиями, с применением предметов или без них.

Структура заговорной коммуникации состоит из элементов, как то:

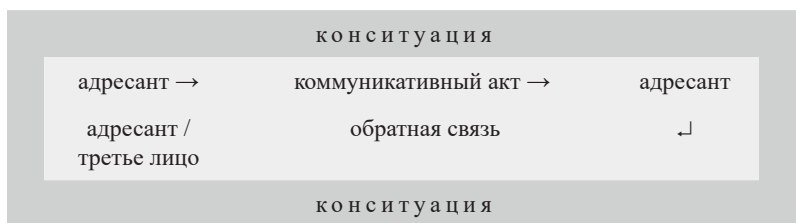

Рис. 1. Модель заговорной коммуникации. Источник: собственная разработка.

Конситуация включает место, время, опосредованный/ непосредственный способ передачи смыслов, а также цель коммуникации и роли участников, т.е. НМ (адресанта) и третьего лица (дополнительного адресата) – нуждающегося (см. ниже). Основным адресатом являются высшие силы – христианские или духи природы и стихий (Быкова, 2010, 7, 18), коммуникативный акт есть акт «передачи и восприятия определенной информации» (Чистов, 1975, 32).

Симультанность передачи-приема смыслов обеспечивает, по словам НМ, техника нашептывания (Быкова, 2012, 14). О «приеме» адресатом переданных НМ смыслов свидетельствует (не)мгновенная обратная связь в виде ожидаемого результата⁷ или ответная реакция в виде (при)знаков, перемен (Юдин, 2011), воспринимающихся НМ как ответ. Его получают:

- а) третье лицо, получившее желаемое, но не сообщившее знахарю;
- б) адресант, если магический адресат подал только ему какой-то знак;
- в) адресант и третье лицо.

⁷ О мгновенной реакции см.: Мадлевская, 2005, 568.

Для успешного осуществления коммуникативного акта важны не только время и место, но и определенные действия:

а) обязательные *профилактические* – поддержание и восстановление магической силы НМ (Быкова, 2010, 28);

б) *докоммуникативные* – подготовка атрибутов типа ткани, заговоренной воды, пищи, размещение пациента в конкретном месте и др.;

в) *предкоммуникативные*, производимые непосредственно перед заговором, скажем, чтение молитвы;

г) *сокоммуникативные*, производимые во время чтения заговора – водить ножницами вокруг головы больного, «отстригая» болезнь, креститься и пр.;

д) *послекоммуникативные*, которые производятся пациентом или НМ после прочтения заговора, т.е. пить заговоренную воду 3 дня, перекрестить или перевязать больное место заговоренной тканью и др. (Быкова, 2012, 70, 96–98). Эти действия применяются избранно, в комплексе или вообще не привлекаются, кроме профилактических, как в защитных шепотках Быковой.

Сам коммуникативный акт весьма специфичен с точки зрения неизменности заговорного текста, устоявшихся (невербально-)вербальных способов передачи смыслов и ненаблюдаемого их «приема». Текст заговора, как и все действия, не создается, а «воспроизводится в готовом виде», предшествует обряду, поэтому не может «служить простым сообщением», ибо не содержит «в себе ничего нового» для адресата, а его «целевая направленность также заранее известна и неизменна» (Толстая, 1992, 33–34). На этом основании заговор рассматриваем как коммуникат.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ ЗАЩИТНЫЙ ЗАГОВОР

Неоднозначное понимание защитного заговора обусловлено задачами его исследования, анализируемой группой текстов, «функционирующих в определенную эпоху в определенной социальной и национальной среде» (Михайлова, 1997, 132–133); терминологическими предпочтениями (оберег – апотропей – защитный заговор – апотропеический текст), наличием пяти типов защитных заговоров (приговор, заговор, молитва, обрядовая песня и обряд) (Левкиевская, 2002, 233).

Наше определение заговора представлено в неопубликованной статье «Исследование текстовой картины мира в рамках этнолингвистического подхода (на материале шепотка Марьи Быковой от нервных болезней)». За основу были взяты дефиниции Андрея Топоркова (1995, 185), Владимира Аникина (2004, 61) и учтены признаки магии (Pajdzińska, 2001, 16) и заговора как вербального ритуала (Engelking, 1991, 77–83; Engelking, 2010, 7–75).

В нашей трактовке: «Заговор – вербальный, считающийся магическим текст, призванный произвести появление чего-то, защитить избранный объект воздействия, вызвать его исчезновение, изменение или восстановление, который произносится определенным образом в соответствующей конситуации и может сопровождаться действием с привлечением предметов или без них». Шепотки – любые заговоры, произносимые нашептыванием, требующим особой техники произношения (ровное монотонное проговаривание слов и на вдохе и на выдохе), иначе духи не услышат знахаря (Быкова, 2010, 7).

Заговоры с явно⁸ выраженной защитной функцией называются оберегами/ апотропеями, что способствует нечеткости понятия: к оберегам относятся еще «предметы, действия, жесты, обряды» (Левкиевская, 2004, 443), разнообразие же форм апотропеев безгранично (Дынин, 2013, 92). Поэтому заговоры, целью которых является сделать именно так, чтобы что-то не произошло (Engelking, 1991, 80), будем называть защитными (33).

ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТНЫХ ЗАГОВОРОВ КАК КОММУНИКАТА

Коммуникат, перефразируя определение Хоффманна (подробнее см.: Ариас, 2015, 10–11), – единое коммуникативное целое в его возможной вербальной и/ или невербальной, в т. ч. (предметно-)акциональной, комплексности. Защитные заговоры Быковой не длинные: в самом коротком – 26 слов, в самом длинном – 61. Структура 33 являет собой комбинацию традиционных элементов. Так, заговор *для защиты от неудач* включает императив «Стань вокруг меня тын железный» и заминивание, а *чтоб никто не повредил в важном деле* – эпическую часть «Есть за чистым полем сине море, а в море том бел-горюч камень», императив «все уроки и призоры (...) прочь подите от (имя)» и закрепку с заминиванием «Никто тот камень не подымет (...). Аминь».

Однако структура 33 как фольклорного текста, композиция, текстовая картина мира, языковая картина текста, сюжетно-образная и персонажная сферы не являются элементами 33 как коммуниката. К ним относятся смысловая организация, смысловое и текстовое содержание, культурный код, (не) вербальный компонент.

Неизменная смысловая организация коммуниката воссоздается в процессе иллокуции, трактуемой в смысловом ракурсе как, образно выражаясь⁹,

⁸ Неявно защитная функция выражена в заговорах на достаток, для счастья, лечебных и др.

⁹ Образно, ибо смысл, существуя лишь в сознании, материально не передается, а «трансмиссия касается элементов материальных» (Baylon, Mignot, 2008, 26–27).

«„вложение” смыслов (...) в избранную, (не)вербальную „упаковку” и презентация согласно конкретной коммуникативной интенции» (Makarowska, 2014, 76). Иначе говоря, смысловая организация конкретного заговора обусловлена его коммуникативной интенцией, обычно совпадающей с главной целью всех ЗЗ, то есть с защитой, обезвреживанием. Например, в заговоре *защиты от тоски-печали* коммуникативная интенция – изгнание горя, тоски, печали. Модель его смысловой организации состоит из трех иллокутивных блоков, т.е. утверждение [1] – приказ [2] – защита от напасти [3]:

Ветер-ветерок, ты дуешь-летаешь, печали мои отгоняешь. Речка-реченька, ты течешь, берега подмываешь, тоску мою забираешь. [1] Прочь, слезы горячие, прочь, горе прилипучее, прочь тоска-печаль злючая-колючая, от меня навек отойди, оставь мне сердце легкое да думы веселые. [2] Аминь¹⁰ [3] (Быкова, 2010, 90–91).

Сочетание иллокутивов в шепотках весьма разнообразно.

Таблица 1. Иллокутивные блоки в шепотках

ИЛЛОКУТИВЫ	Кол-во ЗЗ	НАЗВАНИЕ ЗАГОВОРА
Пожелание – волеизъявление	1	Защита от любых бед, невзгод, порчи и болезни
Утверждение – волеизъявление – просьба	1	Заговор для защиты дома
Просьба – приказ – волеизъявление	1	От всех напастей
Утверждение – волеизъявление – угроза-обещание	1	Чтобы болезни, порчи и сглазы не привязывались
Утверждение – просьба – утверждение	1	Защита от напраслины и злых разговоров
Утверждение – приказ	1	Защита от тоски и печали
Утверждение – просьба – волеизъявление	2	От ран и нападений Заговор от обманщиков и мошенников
Просьба – волеизъявление	2	Защита на жилье от воров и других неприятностей Для защиты от горя и беды
Приказ – волеизъявление	2	Чтоб никто не сглазил Для защиты от неудач
Просьба – утверждение	2	Ангельская защита от любых бед Чтобы злое слово не навредило
Утверждение – приказ – волеизъявление	3	Чтобы никто не повредил в важном деле Для защиты дома и имущества От любого лиха

¹⁰ *Аминь* означает защиту/ ограждение от чего-то/ кого-то, изгнание чего-то (Толстой, 1995а, 105).

ИЛЛОКУТИВЫ	Кол-во ЗЗ	НАЗВАНИЕ ЗАГОВОРА
Просьба	3	Заговор от беды Защита от всех напастей От всех врагов видимых и невидимых
Утверждение – волеизъявление	5	Для защиты от ругани и ссор Защита от болезней, наступающих вследствие действия темных сил Заговор от любых недоброжелателей Чтобы в доме сохранить мир и покой Для защиты от опасностей
Утверждение – просьба	5	Заговор для защиты в пути Для защиты от невезения Чтобы лихо в дом не пришло Защитные слова матери для детей Для защиты во время сна
Просьба – волеизъявление	6	Заговор для защиты от злых людей Заговор, чтоб никто не смог навредить Заговор, чтоб в делах никто не навредил Заговор от нечистых духов Для защиты семейного благополучия Заговор от несчастного случая

Источник: собственная разработка

Все 33 заканчиваются защитой от напасти, выраженной словом *аминь*, поэтому иллокутив *зааминивание* наиболее частотный (36 заговоров). Самые редкие иллокутивы – пожелание (1 заговор) и угроза-обещание (1), более частотные – волеизъявление (24), утверждение (21), просьба (23), приказ (7). Один приказ адресован защитнику – тыну, остальные – носителям опасности: дурному глазу, вражине (недругу), лихам, урокам, призорам, злым козням и др. Просьба традиционно направлена к христианским атрибутам (Божья риза, Крест Святой) и высшим силам:

а) природным, т.е. к полевым, водяным, лесным, ветряным духам, месяцу, силам земным, солнцу, луне, ветру, реке;

б) христианским, таким как Господь Бог, Иисус Христос, Царица Небесная, Петр и Павел, Георгий Победоносец, Ангел-хранитель, (Арх)ангелы, «все войско Божеское» «Божии сподвижники», «все святые», силы небесные.

Смысловое содержание коммуниката базируется на «тематической организации текста» (Новиков, 2000, 16) и раскрывается в общих чертах. К примеру, в заговоре «Защита от тоски и печали» (см. выше) – это обращение к ветру и реке как магическим помощникам, избавляющим от носителей опасности (горе, печаль, тоска), приказ носителю опасности уйти и оставить в покое охраняемого субъекта в желаемом состоянии. Как видим, смысловое

содержание частично созвучно смысловой организации 33. Тематически 33 группируются вокруг центра защиты:

1) чего/ кого – дома, имущества, мира и покоя в доме, семейного благополучия, детей, кого-то спящего (9 заговоров);

2) от кого/ чего – от действий людей (11 заговоров), от нечистых духов (1), от болезней, бед несчастных случаев и пр. (15).

Те же самые иллюкативные блоки в 33 с похожей тематикой встречаются не часто (см. Таблицу 1). Тематический репертуар 33 весьма широк, ибо они призваны оградить от «врагов видимых и невидимых» тело человека (от болезней, ран, нападений), его психику (от печали, горя), окружение (детей, семью), место пребывания (дом), взаимоотношения с другими людьми (от ругани, ссор, преступлений), важные дела (чтоб никто не навредил), перемещения, поездки (защита в пути). Это особенно ценно в контексте угасания заговорной традиции (Курец, 2000, 25–26).

Буквальные смыслы текстового содержания коммуниката могут быть поняты (почти) полностью, культурный же код¹¹ – напротив. Так, в заговоре «Для защиты от неудач» предназначение железного тына, т.е. ограждения «от злых сил и бед» (Аникин, 2004, 76), раскрывается в тексте: «Через тын беда-невезуха не проскочит, враг не проедет, злое лихо не пройдет» (Быкова, 2010, 89). Однако без знания культурного кода начало 33 *от любого лиха* воспринимается буквально: «Стоит в чистом поле дуб высок, корнями в землю врос, а под корнями его сундук, а в сундуке три лиха сидят» (Быкова, 2010, 94). Для его понимания важно, что дуб, стоящий в поле, символизирует «иномирное пространство, где только и возможно разрешение (...) кризисной ситуации» (Агапкина, 1999, 143), поле выступает как место временного пребывания нечистых сил (Агапкина, 2009, 134–135). На этом основании становится ясно, почему именно под дубом, стоящим именно в поле, спрятались лиха.

Невербальный компонент в 33, при отсутствии предметно-акционального, объективируется в манере его произнесения – без пауз, интонирования и выделения «голосом каких-либо слов» (Быкова, 2010, 83).

Лексический уровень вербального компонента 33 вбирает небольшое количество слов, непонятных современному реципиенту¹²:

¹¹ Содержание текста – «ментальное образование, моделирующее тот фрагмент действительности, о котором говорится в тексте» (Новиков, 2000, 16). Добавим действительности – реальной или воображенной. Культурный код – смыслы, несущие дополнительную культурную информацию, которая не входит в значение языковой единицы, подробнее см.: Бувич, 2014; Ефименко, 2012, 191.

¹² Значения слов даны по: Филин, 1970, 177, 188; Сороколетов, 2006, 211; Сороколетов, 2008, 255; Филин, 1974, 164; Филин, 1977а, 173; Филин, 1977б, 301; Сороколетов, 1991, 25; Сороколетов, 2010, 319; Подвысоцкий, 1885, 149; Будур, 2008, 103–108.

родимцы	– судорожные припадки у детей;
сполохи	– столбняк или непрерывный припадок от испуга или болезнь, напущенная сглазом, наговором или зельем;
переполохи	– испуг и болезни от него происходящие;
уроки	– сглаз, возможно, от зависти;
призоры	– болезни от сглаза;
супостат	– нечистая сила, лукавый, дьявол, нехристь;
глазливые (глаза)	– способные сглазить;
закрестить	– перекрестить;
перебивать	– одолеть, осилить;
таять	– растапливать («Звезду по утру в небе тают», т.е. растапливают);
глаголить	– говорить, разглагольствовать;
изурочить	– причинять вред дурным глазом, колдовством;
рудый	– красный, рыжий (руда – кровь).

Не ясно значение слов *переглазливые* (отсутствует в словарях) и *ветродуй*¹³, обозначающего, среди прочего, «плохую, дырявую, легкую одежду» и «ветреного человека» (Филин, 1969, 203). Слово *потрава*, скорее всего, образовано от глагола *потравити*, т.е. уничтожить (Крысько, 2004, 348).

Кроме народных названий болезней, диалектных и древнерусских лексических единиц в ЗЗ используются устаревшие слова – *мя* (меня), *ныне*, *осенить*, *ворог*, просторечные – *подсобить*, разговорные – *напасть* (сущ.), религиозные и церковно-славянские – *риза*, *присно*, *покров* и др. С молитвенными текстами ЗЗ сближает зааминивание и употребление фраз «(ныне и присно и) во веки веков», «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа».

В заговорах встречаются характерные для фольклора¹⁴:

1) сочетания двух (не)однокоренных слов – текет-утекает, горе-беда, злючая-колючая тоска-печаль, помогите-подсобите и др.;

2) эпитеты *горючие* слезы, *сине* море, *зеленые* луга, *чистое* поле, *бел-горюч* камень, сердце *ретивое*, *ясны* звезды и пр.;

3) краткие формы прилагательных, например, ноги *резвы*, *крепки быстры*, порядковых числительных типа *перво* лихо, *второ* лихо и страдательных причастий, выступающих в роли сказуемого – надпись *выбита*, «Богом *благословлен*, ангелами *осенен*, силами земли и неба *подкреплен*»;

¹³ Слово употребляется в заговоре *От всех напастей*: «силы Небесные, выгоняйте прочь родимцев, ветродуев, сполохов, переполохов с моего тела белого, сердца ретивого» (Быкова, 2010, 95).

¹⁴ О традиционных фольклорных эпитетах см.: Лазутин, 1981, 135–138; о связи заговоров с фольклорными жанрами, например с (колыбельными) песнями и песенными заклинаниями см.: Головин, 2000, 90–103; Потебня, 1877, 20–21; Аникин, 2004, 62.

4) наречия в уменьшительно-ласкательной форме *утречком, раненько*, а также диминутивы *солнышко, небушко, пташечка, гнездышко* и пр.

В заговорах редко употребляются¹⁵:

а) имена существительные в звательном падеже «*Архистратиже Михаиле, демонов сокрушителю, Небесных сил грозный воеводе, Иисусе Христе, Боже*»;

б) устаревшие формы глаголов – *убоятися*, повелительного наклонения – *избави, сподоби*;

в) принятые в церковнославянском языке падежные окончания существительных – *глазы*, «на всех путех-дорогах», «в доме моем»;

г) характерные для церковнославянского языка окончания прилагательных в винительном и родительном падежах – *Святаго Духа, Божия гнева* и образование краткой формы относительных прилагательных, например, *тын железен, глаза глазливы*.

К синтаксическим особенностям ЗЗ относится инверсия, встречающаяся почти в каждом заговорном тексте: горе-беду отведите, гости незваны, о спасении помолюсь, путнице святой и др. Как и в других фольклорных текстах в ЗЗ используются повтор, скажем, «Сине *море*, а в *море* том бел-горюч *камень*, на *камне* том надпись», «Господь *со мной*, добро мое *со мной*»; бессоюзие типа «Светом ангельским меня осените, удачей наградите, на всех путех сберегите», многосоюзие – «Никола Угодник, и Петр, и Павел, и святой Георгий Победоносец». Характерной чертой всех заговоров, в т. ч. ЗЗ, является сравнение «Как небушко не испортить, так меня никто не испортит», а также определенный ритм, часто задаваемый инверсией «Так и дом мой как церковь Божия святыми от зла закрыта, ангела крылом укрыта, покровом Богородицы покрыта».

ЗАЩИТНЫЕ ЗАГОВОРЫ КАК МАГИЧЕСКИЙ КОММУНИКАТ

Среди 36 защитных текстов 10 не содержат обращения к высшим силам, а в 5 встречается обращение к защитнику и носителям опасности (см. выше). Последний случай Юдин (2011) не квалифицирует как коммуникативный акт, «поскольку целью такого „сообщения” является (...) прямое магическое воздействие на предмет чарования при помощи слов», с чем сложно согласиться. Дело в том, что заговорный текст есть не сообщение, коммуникативный акт не сводим к его передаче, механизм же воздействия магии на объект не раскрыт (Селивановский, 2010, 24–34). Доподлинно не установлено, кто/ что оказывает магическое влияние (слова заговора, знахарь, силы высшие или совместные

¹⁵ Сведения даны с опорой на: Астахина и др., 2019, 41; Крысько, 2006, 55; Бугаева, Левшенко, 2011, 6–7; Маршева, 2016, 10, 34.

усилия) и действительно ли духи «работают „по заданию“, которое дал им знахарь в заговоре» (Быкова, 2010, 28). Единственно «из текстов заговоров видно, что знахарь выступает в роли посредника между людьми и высшими силами» (Мадлевская, 2005, 564). Все это объясняется тем, что «заговор как действенная сила в качестве объекта научного описания не воспроизводим и не совместим с самой идеей его научного анализа. Анализу доступны лишь отдельные его элементы», прежде всего текст (Михайлова, 2021, 8–9).

Текст же 33 становится коммуникатом и приобретает магическое значение¹⁶ прежде всего в конситуации заговорной коммуникации, которая охватывает происходящее здесь и сейчас (место и время) или определяется НМ. Заговор обычно читается в присутствии заинтересованного, хотя есть и исключения (Левкиевская, 2002, 23). 33 Быковой можно нашептывать когда угодно и повторять до 3 раз подряд, затем сделать перерыв минимум на сутки и опять прочитать (Быкова, 2010, 83).

Цель и роли участников заговорной коммуникации заранее предопределены: для достижения своей цели (защитить себя, заручившись поддержкой НМ) нуждающийся просит о помощи НМ, который непосредственно об этом же просит высшие силы. Реализация основной цели заговорной коммуникации включает задачи со стороны нуждающегося – убедить НМ оказать ему помощь, носителя магии – оценить возможность оказания помощи и попросить потусторонние силы так, «чтобы дано было». Дело в том, что эффективность заговоров зависит не только от техники нашептывания¹⁷, но и от того, чтобы произносить их «от души» и «по крови» (Курец, 2000, 25). В случае последнего, возможно, подразумевается энергетическая совместимость НМ и нуждающегося, без которой «не у всех ладится» (Курец, 2000, 25).

В свете «наложения» содержания заговорного текста на конситуацию заговорной коммуникации категории адресанта и адресата 33 представляются более сложными. Имеем в виду, что 33, произносимый НМ и адресованный высшим силам, проговаривается за нуждающегося и косвенно адресуется также и ему. Поэтому в одних случаях происходит слияние в адресанте Я-НМ и Я-нуждающегося, когда заговаривающий говорит о себе, как о нуждающемся: «Сохраните-оберегите *меня* и в доме *моем*». В других (что бывает редко) Я-НМ и Ты-нуждающийся разделяются: «Как малая пташечка под материнским крылом в гнездышке живет, так и *ты* на свете живи, злой беды не знай». Адресат же в заговорной коммуникации не определен, это просто некие высшие силы, хотя в ряде 33 он конкретизируется/ детализируется: «*Силы земные и небесные, помогите мой дом оградить*», «*Николай Угодник,*

¹⁶ И не только, т. к. записанные заговоры работают как талисман вне магической коммуникации.

¹⁷ Для четкого произнесения НМ должен иметь зубы (Курец, 2000, 25), а читать заговор нужно «слитно» (Быкова, 2010, 83).

спаси сохрани меня ото всякого зла». Однако неизвестно, являются ли лица и силы, указанные в ЗЗ, непосредственным адресатом или это собирательный образ безликих магических сил/ энергий¹⁸.

Иногда текст ЗЗ исключает адресата:

Помолюсь, покрещусь, от недругов оборонюсь, лихо прочь отгоню, где люди не ходят, звери не бродят, чтоб меня не коснулось, не пугали, не вредили, мимо проходили. Аминь (Быкова, 2010, 92).

Это диссонирует с его адресованностью ЗЗ высшим силам в целом и вызывает вопросы, на которые сложно ответить. Что означает отсутствие в ЗЗ адресата? Является ли НМ магическим исполнителем?

Анализ показал, что главные черты ЗЗ как коммуниката – воспроизводимость, неизменность и разнообразие. Последнее касается неодинаковой структуры заговоров-коммуникатов, т.е. наличия в ЗЗ различных, хотя и подчиненных единой интенции иллокутивных моделей и разнообразной, иногда пересекающейся, но не совпадающей тематики заговоров.

Реципиентам, не владеющим культурным кодом, доступно понимание только буквальных смыслов ЗЗ, причем не всех, поскольку они содержат вышедшие из употребления слова. Лексический уровень сближает ЗЗ с молитвенными и фольклорными текстами, особенно в сочетании с некоторыми синтаксическими свойствами. Если к этому добавить структуру ЗЗ как фольклорных текстов, во многом созвучную старинным заговорам, то отнесенность ЗЗ Быковой к современным заговорам условная, но не нулевая. Имеем в виду, что в свете критериев Тамары Курец (2000, 25), шепотки Быковой все же отличаются от старинных заговоров небольшим объемом, скромным набором заговорных формул и стилистических средств.

В качестве магического коммуниката ЗЗ ориентированы на предотвращение нечто негативного, еще не наступившего. Они представляются сильным магическим средством, поскольку автономны и не сопровождаются предметно-акциональным компонентом. Открытым остается вопрос идентификации адресата заговорной коммуникации и исполнителя, а также установления механизма магического воздействия.

Приведенные выше наблюдения и результаты в дальнейшем послужат для продолжения исследований любых заговоров как компонента магической коммуникации и их своеобразия как (магического) коммуниката, особенно заговоров, являющихся частью обряда.

¹⁸ Гипотетически, введение в текст заговора названий/ имен могло служить: а) удобству НМ (конкретное проще представить, чем абстрактное); б) ограждению НМ от подозрений в колдовстве; в) успокоению нуждающегося, который, оставаясь в неведении относительно адресата, мог бы заподозрить НМ в обращении к темным силам. Обосновать/ опровергнуть данное предположение способны только авторы заговоров.

БИБЛИОГРАФИЯ (REFERENCES)

- Агапкина, Т. (1999). *Дуб. В: Славянские древности. Этнолингвистический словарь*, т. 2 (141–146), Н. Толстой (ред.). Москва: Международные отношения.
- Агапкина, Т. (2009). *Поле. В: Славянские древности. Этнолингвистический словарь*, т. 4 (133–137), Н. Толстой (ред.). Москва: Международные отношения.
- Агапкина, Т. (2010). *Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении. Сюжетика и образ мира*. Москва: Индрик.
- Аникин, В. (2004). *Русское устное народное творчество*. Москва: Высшая школа.
- Ариас, А.-М. (2015). *Поликодовый текст: теоретические и прикладные аспекты*. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета управления и экономики.
- Астахина, Л. и др. (2019). *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, вып. 31. Москва: Лексрус.
- Афанасьев, А. (1865). *Поэтический воззрѣнія славянъ на природу*. Москва: Издание К. Солдатенкова.
- Ахманова, О. (2004). *Словарь лингвистических терминов*. Москва: Едиториал УРСС.
- Бугаева, И., Левшенко Т. (2011). *Церковнославянский язык*. Москва: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви.
- Будур, Н. (2008). *Повседневная жизнь колдунов и знахарей*. Москва: Молодая гвардия.
- Бувич, А. (2014). *Код: понятие и его варианты в гуманитарных дисциплинах*, Вестник МДПУ імя І.П. Шамякіна, 2 (43), 90–95.
- Быкова, М. (2010). *Шепот-шепоток. Как просить, чтобы дано было*. Москва: Астрель.
- Быкова, М. (2012). *Шепот-шепоток. На здоровье крепкое всем, от мала до велика*. Москва: Астрель.
- Ветухов, А. (1907). *Заговоры, заклинания, обереги и другие виды народного врачевания, основанные на вѣрѣ въ силу слова*. Варшава: Типографія Варшавскаго учебнаго округа.
- Головин, В. (2000). *Русская колыбельная песня в фольклоре и литературе*. Турку: Åbo Akademi University Press.
- Дынин, В. (2013). *О понятии апомропея, или оберега*, Вестник ВГУ, 1, 90–94.
- Ефименко, Т. (2012). *Взаимодействие лингвокультурных кодов в процессе межкультурной коммуникации*, Известия вузов. Серия «Гуманитарные науки», 3 (3), 188–191.
- Зуева, Т., Кирдан, Б. (1998). *Русский фольклор*. Москва: Флинта, Наука.
- Кравцов, Н., Лазутин, С. (1977). *Русское устное народное творчество*. Москва: Высшая школа.
- Крысько, В. (ред.). (2004). *Словарь древнерусского языка*, 2004, т. VII. Москва: Русский язык.
- Крысько, В. (ред.). (2006). *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, вып. 27. Москва: Наука.
- Крючкова, О., Крючкова, Е. (2017). *Магия исцеляющего слова. Старинные русские заговоры, заклинания, обереги и молитвы*. Москва: ТД Велигор.
- Курец, Т. (2000). *Русские заговоры Карелии*. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского государственного университета.
- Лазутин, С. (1981). *Поэтика русского фольклора*. Москва: Высшая школа.
- Левкиевская, Е. (2002). *Славянский оберег. Семантика и структура*. Москва: Индрик.
- Левкиевская, Е. (2004). *Обереги. В: Славянские древности. Этнолингвистический словарь*, т. 3 (443–446), Н. Толстой (ред.). Москва: Международные отношения.
- Мадлевская, Е. (2005). *Русская мифология*. Санкт-Петербург: Мидгард.
- Малиновский, Б. (2015). *Магия, наука и религия*. Москва: Академический проект.
- Маршева, Л. (2016). *Церковнославянский язык. Имя прилагательное*. Москва: Издательство Сретенского монастыря.
- Михайлова, Т. (1997). *К «грамматике» заговора (о словесной магии в древнеирландской поэтической традиции)*, Вопросы языкознания, 2, 132–141.

- Михайлова, Т. (2021). *Сила Слова в Древней Ирландии. Часть 1: Магия друидов*. Москва: Альма-Матер.
- Никитина, С. (2002). *О конфессиональной специфике в заговорной традиции русских протестантов*. В: *Заговорный текст: генезис и структура. Материалы круглого стола* (44–49), Л. Невская, Т. Свешникова, В. Топоров (ред.). Москва: Институт Славяноведения РАН.
- Новиков, А. (2000). *Текст: содержание и смысл*, Ярославский педагогический вестник, 1 (23), 16–20.
- Подвысоцкий, А. (1885). *Словарь областного архангельского нарѣчія въ его бытовомъ и этнографическомъ примѣненіи*. Санкт-Петербург: Типографія Императорской Академіи наукъ.
- Потебня, А. (1877). *Малорусская народная пѣсня, по списку XVI вѣка. Текстъ и примѣчанія*. Воронежъ: Типографія В.И. Исаева.
- Селивановский, В. (2010). *Позитивное мышление. Симпатическая магия и христианство*. Санкт-Петербург: Издательство Института богословия и философии.
- Сороколетов, Ф. (ред.). (1991). *Словарь русских народных говоров*, вып. 26. Ленинград: Наука.
- Сороколетов, Ф. (ред.). (2006). *Словарь русских народных говоров*, вып. 40. Санкт-Петербург: Наука.
- Сороколетов, Ф. (ред.). (2008). *Словарь русских народных говоров*, вып. 42. Санкт-Петербург: Наука.
- Сороколетов, Ф. (ред.). (2010). *Словарь русских народных говоров*, вып. 43. Санкт-Петербург: Наука.
- Толстая, С. (1992). *К прагматической интерпретации обряда и обрядового фольклора*. В: *Образ мира в слове и ритуале* (33–45), Н. Злыднева, В. Топоров, Т. Цивьян (ред.). Москва: Институт славяноведения и балканистики РАН.
- Толстая, С. (1994). *К понятию функции в языке культуры*, Славяноведение, 5, 91–97.
- Толстой, Н. (1995а). *Аминь*. В: *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*, т. 1 (105), Н. Толстой (ред.). Москва: Международные отношения.
- Топорков, А. (1995). *Заговор*. В: *Славянская мифология. Энциклопедический словарь* (185–186), В. Петрухин, Т. Агапкина, Л. Виноградова, С. Толстая (ред.). Москва: Эллис Лак.
- Филин, Ф. (ред.). (1969). *Словарь русских народных говоров*, вып. 4. Ленинград: Наука.
- Филин, Ф. (ред.). (1970). *Словарь русских народных говоров*, вып. 6. Ленинград: Наука.
- Филин, Ф. (ред.). (1974). *Словарь русских народных говоров*, вып. 10. Ленинград: Наука.
- Филин, Ф. (ред.). (1977а). *Словарь русских народных говоров*, вып. 12. Ленинград: Наука.
- Филин, Ф. (ред.). (1977б). *Словарь русских народных говоров*, вып. 13. Ленинград: Наука.
- Чистов, К. (1975). *Специфика фольклора в свете теории информации*. В: *Типологические исследования по фольклору* (26–43), И. Брагинский и др. (ред.). Москва: Наука.
- Юдин, А. (2001). *Магические перформативы в заговорах и календарных песнях восточных славян*, Etnolingwistyka. Problemy języka i kultury, 13, 139–148.
- Юдин, А. (2011). *Средства магической коммуникации в народной культуре восточных славян*, https://vk.com/doc87081297_579878505?hash=3zNA6X1722mFLEYx4Z7c0q7z6gZ04L7IjmH9sSh8ZgP, доступ: 13.09.2024.

- Afanas'ev, A. (1865). *Poeticheskiia vozrŕnĭya slavyan" na prirodu*. Moscow: Izdanie K. Soldatenkova.
- Agapkina, T. (1999). *Dub*. V: *Slavyanskĭe drevnosti. Etnolingvisticheskiĭ slovar'*, t. 2 (141–146), N. Tolstoi (red.). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

- Agapkina, T. (2009). *Pole. V: Slavyanskije drevnosti. Etnolingvističeskij slovar'*, t. 4 (133–137), N. Tolstoj (red.). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
- Agapkina, T. (2010). *Vostočnoslavyanskije lečebnye zagovory v sravnitel'nom osveščanii. Syuzhetika i obraz mira*. Moscow: Indrik.
- Akhmanova, O. (2004). *Slovar' lingvističeskikh terminov*. Moscow: Editorial URSS.
- Anikin, V. (2004). *Russkoe ustnoe narodnoe tvorčestvo*. Moscow: Vysshaya shkola.
- Arias, A.-M. (2015). *Polikodovyi tekst: teoreticheskie i prikladnye aspekty*. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta upravleniya i ekonomiki.
- Astakhina, L. i dr. (2019). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.*, vyp. 31. Moscow: Leksrus.
- Baylon, C., Mignot, X. (2008). *Komunikacja*. Kraków: Flair.
- Buchowski, M. (1993). *Magia i rytuał*. Warszawa: Instytut Kultury.
- Budur, N. (2008). *Povsednevnyaya zhizn' koldunov i znakharej*. Moscow: Molodaya gvardiya.
- Buevich, A. (2014). *Kod: ponyatie i ego varianty v gumanitarnykh distsiplinakh*, Vesnik MDPU imya I.P. Shamyakina, 2 (43), 90–95.
- Bugaeva, I., Levshenko T. (2011). *Tserkovnoslavyanskij yazyk*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskoi Patriarkhii Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi.
- Bykova, M. (2010). *Shepot-shepotok. Kak prosit', chtoby dano bylo*. Moscow: Astrel'.
- Bykova, M. (2012). *Shepot-shepotok. Na zdorov'e krepkoe vsem, ot mala do velika*. Moscow: Astrel'.
- Chistov, K. (1975). *Spetsifika fol'klora v svete teorii informatsii. V: Tipologicheskie issledovaniya po fol'kloru* (26–43), I. Braginskii i dr. (red.). Moscow: Nauka.
- Dynin, V. (2013). *O ponyatii apotropеya, ili oberega*, Vestnik VGU, 1, 90–94.
- Efimenko, T. (2012). *Vzaimodeistvie lingvokul'turnykh kodov v protsesse mezhkul'turnoi kommunikatsii*, Izvestiya vuzov. Seriya «Gumanitarnye nauki», 3 (3), 188–191.
- Engelking, A. (1991). *Rytuały słowne w kulturze ludowej*, Język a kultura. Funkcje języka i wypowiedzi, 4, 75–85.
- Engelking, A. (2010). *Kłątwa. Rzecz o ludowej magii słowa*. Warszawa: Oficyna Naukowa.
- Filin, F. (red.). (1969). *Slovar' russkikh narodnykh govorov*, vyp. 4. Leningrad: Nauka.
- Filin, F. (red.). (1970). *Slovar' russkikh narodnykh govorov*, vyp. 6. Leningrad: Nauka.
- Filin, F. (red.). (1974). *Slovar' russkikh narodnykh govorov*, vyp. 10. Leningrad: Nauka.
- Filin, F. (red.). (1977a). *Slovar' russkikh narodnykh govorov*, vyp. 12. Leningrad: Nauka.
- Filin, F. (red.). (1977b). *Slovar' russkikh narodnykh govorov*, vyp. 13. Leningrad: Nauka.
- Golovin, V. (2000). *Russkaya kolybel'naya pesnya v fol'klore i literature*. Turku: Åbo Akademi University Press.
- Kravtsov, N., Lazutin, S. (1977). *Russkoe ustnoe narodnoe tvorčestvo*. Moscow: Vysshaya shkola.
- Krys'ko, V. (red.). (2004). *Slovar' drevnerusskogo yazyka*, t. VII. Moscow: Russkij yazyk.
- Krys'ko, V. (red.). (2006). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.*, vyp. 27. Moscow: Nauka.
- Kryuchkova, O., Kryuchkova, E. (2017). *Magiya istislyayushchego slova. Starinnye russkie zagovory, zaklinaniya, oberegi i molitvy*. Moscow: TD Veligor.
- Kurets, T. (2000). *Russkie zagovory Karelii*. Petrozavodsk: Izdatel'stvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Lazutin, S. (1981). *Poetika russkogo fol'klora*. Moscow: Vysshaya shkola.
- Levkievskaya, E. (2002). *Slavyanskij obereg. Semantika i struktura*. Moscow: Indrik.
- Levkievskaya, E. (2004). *Oberegi. V: Slavyanskije drevnosti. Etnolingvističeskij slovar'*, t. 3 (443–446), N. Tolstoj (red.). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
- Madlevskaya, E. (2005). *Russkaya mifologiya*. St. Petersburg: Midgard.
- Malinovskii, B. (2015). *Magiya, nauka i religiya*. Moscow: Akademicheskij proekt.
- Marsheva, L. (2016). *Tserkovnoslavyanskij yazyk. Imya prilagatel'noe*. Moscow: Izdatel'stvo Sretnenskogo monastyria.

- Mikhailova, T. (1997). *K «grammatike» zagovora (o slovesnoi magii v drevneirlandskoi poeticheskoi traditsii)*, *Voprosy yazykoznaniya*, 2, 132–141.
- Mikhailova, T. (2021). *Sila Slova v Drevnei Irlandii*. Chast' 1: *Magiya druidov*. Moscow: Al'ma-Mater.
- Nikitina, S. (2002). *O konfessional'noi spetsifike v zagovornoj traditsii russkikh protestantov*. V: *Zagovornyi tekst: genezis i struktura. Materialy kruglogo stola* (44–49), L. Nevskaya, T. Sveshnikova, V. Toporov (red.). Moscow: Institut Slavyanovedeniya RAN.
- Novikov, A. (2000). *Tekst: sodержanie i smysl*, *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik*, 1 (23), 16–20.
- Podvysotskii, A. (1885). *Slovar' oblastnogo arkhangel'skago narrochiya v "ego bytovom" i etnograficheskom" primenenii*. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk.
- Potebnaya, A. (1877). *Malorusskaya narodnaya prasnaya, po spisku XVI veka. Tekst "i primenchaniya*. Voronezh": Tipografiya V.I. Isaeva.
- Selivanovskii, V. (2010). *Pozitivnoe myshlenie. Simpaticheskaya magiya i khristianstvo*. St. Petersburg: Izdatel'stvo Instituta bogosloviya i filosofii.
- Sorokoletov, F. (red.). (1991). *Slovar' russkikh narodnykh govorov*, vyp. 26. Leningrad: Nauka.
- Sorokoletov, F. (red.). (2006). *Slovar' russkikh narodnykh govorov*, vyp. 40. St. Petersburg: Nauka.
- Sorokoletov, F. (red.). (2008). *Slovar' russkikh narodnykh govorov*, vyp. 42. St. Petersburg: Nauka.
- Sorokoletov, F. (red.). (2010). *Slovar' russkikh narodnykh govorov*, vyp. 43. St. Petersburg: Nauka.
- Tolstaya, S. (1992). *K pragmaticheskoi interpretatsii obryada i obryadovogo fol'klora*. V: *Obraz mira v slove i rituale* (33–45), N. Zlydneva, V. Toporov, T. Tsiv'yan (red.). Moscow: Institut slavyanovedeniya i balkanistiki RAN.
- Tolstaya, S. (1994). *K ponyatiyu funktsii v yazyke kul'tury*, *Slavyanovedenie*, 5, 91–97.
- Tolstoi, N. (1995a). *Amin'.* V: *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'*, t. 1 (105), N. Tolstoi (red.). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
- Toporkov, A. (1995). *Zagovor*. V: *Slavyanskaya mifologiya. Entsiklopedicheskii slovar'* (185–186), V. Petrukhin, T. Agapkina, L. Vinogradova, S. Tolstaya (red.). Moscow: Ellis Lak.
- Vetukhov, A. (1907). *Zagovory, zaklinaniya, oberegi i drugie vidy narodnago vrachevaniya, osnovannye na vrar v "silu slova*. Varshava: Tipografiya Varshavskago uchebnago okruga.
- Yudin, A. (2001). *Magicheskie performativy v zagovorakh i kalendarnykh pesnyakh vostochnykh slavyan*, *Etnolingvistyka. Problemy jazyka i kultury*, 13, 139–148.
- Yudin, A. (2011). *Sredstva magicheskoi kommunikatsii v narodnoi kul'ture vostochnykh slavyan*, https://vk.com/doc87081297_579878505?hash=3zNA6X1722mFLEYx4Z7c0q7z6gZ04L7Ij-mH9sSh8ZgP, accessed: 13.09.2024.
- Zueva, T., Kirdan, B. (1998). *Russkii fol'klor*. Moscow: Flinta, Nauka.

Irina Y. Barclay <https://orcid.org/0000-0002-5511-7025>*Appalachian State University**Department of Languages, Literatures & Cultures**L.S. Dougherty Hall**261 Locust Street**28608-2063 Boone, USA**barclayiy@appstate.edu*

ФОНЕТИЧЕСКАЯ И МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ АНТРОПОНИМОВ АННА, ЕЛИЗАВЕТА И СОЛОМОНИДА В ДЕЛОВЫХ ПАМЯТНИКАХ ПИСЬМЕННОСТИ XVI–XVII вв.

Phonetic and Morphological Adaptation of the Anthroponyms Anna, Elizabeth and Solomonida in Russian Official Documents of the 16th–17th Centuries

Резюме

Цель настоящей статьи – изучение фонетической и морфологической адаптации женских антропонимов *Анна*, *Елизавета* и *Соломонида*, которые в своих исходных формах и дериватах употреблялись в деловых памятниках письменности.

Их письменная фиксация наглядно отобразила лингвистическую ориентацию писцов и переводчиков на фонетические и структурные модели и аналогии древнегреческого, древнееврейского и староанглийского языков. Морфологические основы вышеперечисленных антропонимов продемонстрировали свою гибкость, которая проявилась в их слиянии с исконно русскими суффиксами со значением женского лица, а также с суффиксами притяжательных прилагательных фамильного типа.

Консонантная основа английского женского антропонима *Elizabeth* также подверглась морфологическим изменениям с соблюдением правил официального консервативного этикета.

Метод сплошной выборки из деловых памятников письменности XVI–XVII вв. позволил значительно расширить границы диахронической антропонимики, которая в указанный промежуток времени характеризовалась своими фонетическими и морфологическими особенностями.

Лингвистическая проблематика и результаты исследования можно использовать в дальнейших филологических штудиях, которые будут посвящены анализу исторических антропонимов и их дериватов, а также роли посессивных словосочетаний в синтаксических

конструкциях с учетом тех или иных лингвогеографических ареалов их распространения. Анализ архивных памятников письменности XVI–XVII вв. значительно расширит научную базу исторической женской антропоники.

Ключевые слова: старорусский язык, дериват, антропоним, женские имена, морфологическая адаптация, фонетическая адаптация.

Summary

This article explores the phonetic and morphological adaptations of the anthroponyms *Anna*, *Elizabeth*, and *Solomonida* in Old Russian official documents of the 16th and 17th centuries. These names, often used in their vernacular derivatives, reflect the linguistic practices of scribes and translators, who aligned them with morphological patterns from Old Greek, Hebrew, and English.

The study highlights how these anthroponyms were integrated into Old Russian through the addition of native suffixes, including possessive markers, to loanword stems. For example, the English name *Elizabeth* was Russified with the suffix *-a*, adhering to the conservative norms of official etiquette.

The analysis draws on annotated citations from Old Russian documents, providing valuable insights into the diachronic development and morphological variability of anthroponyms. The findings contribute to our understanding of the interplay between borrowed and native linguistic elements in historical anthroponymy.

This research also opens pathways for further studies on productive and unproductive anthroponyms, their derivatives, possessive forms, and regional variations, particularly in yet-undiscovered archival manuscripts. The proposed linguistic analysis expands the foundation of historical anthroponymy and enhances our understanding of diachronic linguistic processes.

Keywords: old Russian language, derivate, anthroponym, female names, morphological adaptation, phonetic adaptation.

АННА

Акцентный тип антропонима *Анна* характеризовался ударным вокализмом на первом слоге, а с морфологической точки зрения входил в группу одушевленных склоняемых имен существительных единственного числа с окончанием *-а*.

В старорусских памятниках письменности антропоним *Анна* сочетался с семейной терминологией, мужскими именами, с прозвищами и фамилиями на *-ев/ -ов* и *-ин*: вдова, дочь, жена/ жонка, мать, сноха, бабка, сестра, дочь и т.п.:

... пол-лавка Анны Оедоровой жены Охотникова прозвище Осѣрихина ... (ТУАК, 1901, 34); За вдовою Анною за Ивановою женою Оилипова мужа еѣ помѣстье ... (Сторожев, 1904, 621); Дворъ ... вдовы княгини Анны Микиѣровны ... (Урусов, 1913, 588); Сошного письма вопчѣ со вдовою Анною съ Муралѣевою женою Воронова ... (Сторожев, 621)¹.

¹ В этот промежуток времени отмечаются единичные случаи употребления редуцированно-го *-ѣ* в московских и новгородских деловых памятниках письменности: ... вдова Аньна Богдановская (Анкундинов, 2003, 44); ... а продалъ ... вогъчинѣ жены своєї Аньны ... (Котков, 1968, 194).

Эти экстралингвистические и лингвистические факторы способствовали формированию посессивных форм единственного числа на *-ино/ -ыно* с чередованием удвоенного и одиночного *-н-// -н'// -нн'* в мягкой и твердой основе притяжательных имен прилагательных *Анино/ Аннино/ Анин/ Аныно*, в которых наблюдалось отсутствие редуцированного *-ъ-*. Типичным было употребление родительного и творительного падежей с предлогами *изо* и *за* и *со* в значениях 'лицо, за которым числился тот или иной участок земли' или 'совместность действия' (СлРЯ 5, 127–128; СлРЯ 23, 7–8).

... и в тещи | своеи место Аннины Зинов(ь)евы дочери и в бабки своеи ... яз, Иван, руку приложил. | (Алексинская, 1998, 240); ... за Гарасимкомъ за Дмитровымъ сыномъ Тотариновымъ – по памяти ... изо вдовина Аннина помѣстья Юрьевы жены Ржевского (Сторожев, 1898, 277).

Фонетическое смягчение производящей основы *анн-* разрушало устойчивые языковые каноны и теологическую семантику этого антропонима, в словообразовательную структуру которого проникали народно-разговорные суффиксы со значением женского лица *-(н)иц-, -ютк-* и *-юшк-*. Они привели к появлению трехсложных дериватов *Анница, Анютка* и *Анюшка*, которые характеризовались подвижным ударением, свежей эмоциональной окраской, а также набором таких социальных признаков, как 'слуга', 'холопка' и т.п. Вышеперечисленные дериваты чередовались с календарной формой антропонима *Анна*, который в начальной и заключительной части того или иного документа обладал нейтральной стилистической окраской:

... а темъ помѣстьемъ | влодела вдова Анница Микулина жена Проскурнина ... | к челобитной ... вдова Анна Ми|кѣлина жена Проску|рнина дапросныя речи ... дала (Котков, 1977, 162–163); Двор ... вдовы Анны Верещагины. И вдова Анница сошла безвестно ... (Пугач, 2018, 267).

В моделях, образованных от *Анна* и его деривата *Анница*, наблюдалось использование двойных суффиксов *-иц-ын-* и *-ин-ск-* со значением принадлежности-соотнесенности (Демьянов, 2001, 21):

... а прожиточная их помѣстья | ... в томъ в Анницыномъ да в | Овдотицыном Кириановых дочери Ооли|монава ... (Сторожев, 245); Въ Богородицкомъ погостѣ въ Рыбенскомъ волостка Селца Аннинская Савельевы ... (Неволин, 1853, 347).

В отличие от *Анница*, в дериватах *Анютка* и *Анюшка* наблюдалась подвижность ударения и орфографическая утрата удвоенного *-нн-*:

... да дѣвка Анютка ... (Бестужевъ-Рюминъ, 1883, 421); Двор посадкой – вдовы Анны Игнатовские жены Пентюшина ..., а та вдова Анютка и с сыномъ своим жили въ

закладчиках ... (Урусов, 101); ... а нынѣ владѣть тѣмъ мѣстомъ жена ево Анюшка ... (ТУАК, 136; Неволин, 235)².

В указанный промежуток времени дериваты *Анница*, *Анютка* и *Анюшка* входили в словообразовательную парадигму таких женских и мужских антропонимов, как: *Аксютка*, *Васютка*, *Малютка*, *Федютка*; *Артюшка*, *Горюшка*, *Евтюшка*, *Кирюшка*, *Ондрюшка*; *Дарица*, *Евгеница*, *Ириница* и др.

СОЛОМОНИДА

Этот антропоним был заимствован в форме греческого родительного падежа с суффиксом – *idos/ eidos* в значении ‘относящийся к своему близкому родственнику’ и находился в родстве с древнееврейским мужским именем *Sol'omon/ Shelomoh* > *Σαλωμών, Σολομών Σολομών* и женским *Solomonija// Σολομωνίς* (Hübner, 114, 261). В старорусских памятниках письменности отмечаются его немногочисленные многосложные дериваты с суффиксами лица *-ашк-*, *-к* и *-иц-*: *Соломонидица*, *Соломонидка* и *Соломашка*:

... мать ево Соломанида семидесяти трех лет (Матисон, 120); ... а е томъ дворѣ живет сынъ ево Минѣйко с матерю Соломанидкою ... (Урусов, 105); На том месте живала вдова Соломонидица ... (Матисон, 14–15); ... на огородномъ мѣсте живет вдова Соломашка ... (Урусов, 129).

В отличие от дериватов *Соломонидица* и *Соломонидка*, в морфологической структуре деривата *Соломашка* наблюдалось отсутствие греческого суффикса – *idos/ eidos*, что свидетельствовало об усечении исходной производящей основы, которое происходило под влиянием народно-разговорных норм старорусского языка.

Судя по памятникам письменности, пятисложный антропоним *Соломанида* включался в одну словообразовательную парадигму женских имен с суффиксом *-ид-*: *Антонида/ Онтонида* и *Степанида/ Стефанида*, а его шестисложный дериват *Соломонидица* пополнил словообразовательный ряд таких женских имен, как *Мамелорица*, *Мамелфица*, *Марфица*, *Марьица*, *Онтонидица*, *Нелидица* и др. Наконец, четырехсложный дериват *Соломашка* из-за своего суффикса *-ашк* входил в группу женских и мужских антропонимов *Богдашка*, *Ивашка*, *Игнашка*, *Кондрашка*, *Лукашка*, *Малашка*, *Осташка*, *Парашка*, *Ромашка* и т.п.

² Сочетание деривата *Анютка* с этническим термином *татарка* отмечается в ярославских деловых памятниках письменности: Дв. таможенново подьячево Олѣера Спиридона сына Губина – у нево 2 сына Осипко да Гарасимко, да у нево жъ женка куплена татарка Анютка Кирилова доч ... (Урусов, 166).

ЕЛИЗАВЕТА

В деловых памятниках письменности была отражена старорусская устно-разговорная традиция в употреблении этого имени, а в дипломатических – английская.

ОЛИСАВА

В вологодских памятниках письменности XVI–XVII вв. было отображено пять фонетических четырехсложных дериватов: *Алисавья*, *Олисафья*, *Олисава*, *Олисав(ф)ка*, *Олисавица*, которые характеризовались ударением на третьем слоге и чередованием исконного греческого гласного *e* с *o//a* и губно-зубными согласными *в//ф* (Фасмер, 1909, 11).

По мнению Хюбнера (1966, 256), ударность третьего слога в вышеперечисленных дериватах объясняется спецификой ударения в греческом антропониме *Σλισάβετ* с дальнейшим сохранением согласного *с*. Лингвистические примеры продемонстрировали контаминацию греческой основы этого женского антропонима с суффиксами *-иц/-к-* и разговорной финалью с собирательным значением *-ья*:

В келье вдова Олисавка с детми ... бродить по миру (Пугач, 298); Во дв. Оска Микитинъ з женою Алисавьею (Пугач, 2008, 40); Во дв. вдова Олисавица Петровская жена Бубнова (Пугач, 369).

Вышеперечисленные дериваты включались в словообразовательную парадигму таких антропонимов, как: Агафья, Анисья, Дарья, Ксенья, Меланья, Наталья, Устинья и см. выше.

ЕЛИЗАВЕТЬ

В *Памятникахъ Дипломатическихъ Сношений Московскаго Государства съ Англією съ 1584 по 1604 годъ* (Бестужевъ-Рюминъ, 1883) женский английский антропоним *Elizabeth* [i'lizəbɐθ] был зафиксирован в шести орфографических вариантах: *Елизаветъ*, *Елизоветь*, *Елисаветь*, *Елисафеть*, *Елисафеть* и *Елисоветь*.

С одной стороны, писцы и переводчики стремились точно передать неизменяемую консонантную основу антропонима *Elizabeth* на твердый согласный *-т/ть* с соблюдением правил английской транслитерации:

Elizabeth, by the Grace of God, of England, France and Ireland, Queen, Defender of the Faith ... (Knapton, Darry, et al, 1732, 97).

Елизавет-королевна Английская (Бестужевъ-Рюминъ, 1883, 2); Елисаветъ, Божьею милостью Аглинская, Францовская и Хибирска королевна, отборонительница вѣры ... (Он же, 173).

С другой стороны, маскулинный характер основы антропонима *Елисаветъ/ Елисафетъ* заставлял писцов и переводчиков ориентироваться на морфологические основы собственных и нарицательных имен существительных женского рода единственного числа, которые могли бы привести к согласованию естественного пола и женского рода одушевленного женского лица на письме³.

В примерах, приведенных ниже, видно, что твердый согласный *т* на письме подвергался смягчению благодаря использованию *-ь*, окончаний мягкой разновидности женского рода *-и* в родительном и дательном падежах и *-ю* в творительном:

... чтобъ королевна Елисафетъ тое дѣвку ... показала (Он же, 3); ... гдрю нашему ц.і.в. князю быть съ сестрою своею съ королевною съ Елизаветью въ докончанье на всякого недруга за одинъ (Бестужевъ-Рюминъ, 6); ... и нашимъ бы людемъ и королевны Елисавети (Он же, 12).

Окончания твердой разновидности *-а* в именительном падеже и *-ы* в родительном и *-е* в дательном падежах начали употребляться позднее:

Елисавета Королевна ... отписала противъ сее нашіе грамоты вскоре ... (Он же, 168); ... для сестры нашіе Елисаветы королевны ... (Он же, 176); ... что в. гдръ ц. и в. князь Борисъ Ѳедоровичъ послалъ былъ их к сестрѣ своей, Елисаветѣ королевне ... (Он же, 300)⁴.

В зафиксированной устно-разговорной речи писцов и переводчиков было заметно, что слова *королевна* и *сестра* часто заменяли собой антропоним *Елисаветъ/ Елизоветъ* и согласовывались по принципу рода и числа с глаголами прошедшего времени:

... то королевна велѣла меня къ вамъ отпустить ... (Он же, 24); ... и королевна говорила ... (Он же, 31).

Сюда же относятся семантические признаки имен существительных женского рода *королевна* в значении 'полновластная правительница' (СлРЯ

³ Дефисные написания подчеркивали мыслительный пропуск гласной *-а* в универбанте *Елизавет-королевна*.

⁴ Форма на *-а* в имени *Elizabeta* упоминается в письме английской королевы *Elizabeth* королю Генриху (Marcus, Mueller, Rose, 2000, 8).

7, 337), *отборонительница веры* ‘защитница, заступница’ (СлРЯ 13, 185) и *сестра* ‘царствующая женщина’ (СлРЯ 24, 97), которые являлись частью многокомпонентного семантического универбанта *Елизоветъ королевна, отборонительница веры, государыня и сестра наша*.

Все перечисленные лингвистические факторы оказали свое воздействие на формирование женской родовой принадлежности английского антропонима *Elizabeth*.

Итак, фонетическая и морфологическая адаптация женских антропонимов *Анѣна/ Анна, Елизавета/ Елисавета* и *Соломанида* продемонстрировала свою тесную генетическую связь с древнееврейским, греческим и староязычным английским языками. По своим грамматическим признакам дериваты этих антропонимов вошли в словообразовательную парадигму имен существительных женского рода, включая старорусскую письменную адаптацию английского антропонима *Elizabeth* > *Елизаветъ* > *Елизоветъ* > *Елизавета*, на формирование рода которого сильное влияние оказала экспансия существительных женского рода на *-а*.

Использование материального набора старорусских суффиксов *-иц-, -ютк-, -юшк-* и *-ашк-*, а также контаминация греческого суффикса *-ид-* с *-иц-* показало развитие женских дериватов со значением лица в старорусской антропонимике.

Суффиксы притяжательных имен прилагательных фамильного типа на *-ин/ -ын-, -ицыно* и *-ск-* активно употреблялись в названиях тех или иных владельческих участков и пополняли ряды старорусских топонимов.

Сравнение деривационных рядов по их количественному составу продемонстрировало, что наиболее коротким был ряд, образованный от двусложного антропонима *Анна* с его тремя трехсложными образованиями *Анница, Анютка* и *Анюшка*. За ним следуют многосложные антропонимы *Олисавета* и *Соломанида* с их дериватами: *Олисавета, Олисав(ф)ка, Олисавица, Олисав(ф)ья, Соломанидица, Соломанидка* и *Соломашка*.

Все эти дериваты использовались на общерусских территориях и даже среди тюркского населения, которое в исследуемый промежуток времени проживало на ярославских землях.

Лингвистический взгляд, изложенный в настоящей статье, может заставить ученых создать полное лексикографическое описание старорусской женской антропонимики⁵.

⁵ Автор статьи не претендует на полное изложение этого лингвистического вопроса из-за многочисленных неизвестных рукописей, которые до сих пор находятся в российских и зарубежных архивах.

БИБЛИОГРАФИЯ (REFERENCES)

- Алексинская, Т.Н., Баранов, В.К., Маштафаров, А.В. (1998). *Акты московских монастырей и соборов XV – начала XVII вв.* (240). Москва: Ладомир.
- Анкундинов, И.Ю., Войскобойникова Н.П., Соловьева, Т.Б. (2003). *Писцовые и переписные книги Новгорода Великого XVII – начала XVIII вв.* (44). Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
- Бестужев-Рюминъ, К.Н. (ред.). (1883). *Сборникъ Русскаго историческаго общества*, томъ тридцать восьмой (1–6, 13, 176, 315, 387, 419, 421). Санкт-Петербург: Тип. А. Траншеля.
- Демьянов, В.Г. (2001). *Иноязычная лексика в истории русского языка XI–XVII веков: проблемы морфологической адаптации* (21). Москва: Наука.
- Котков, С.И. (1968). *Московская деловая и бытовая письменность XVII вв.* (194). Москва: Наука.
- Котков, С.И., Коткова, Н.С. (1977). *Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги* (162–163). Москва: Наука.
- Матисон, А.В. (2018). *Писцовая и переписные книги Ржева XVII – начала XVIII веков* (14–15, 120). Москва: Старая Басманная.
- Неволин, К.А. (1853). *О пятинахъ и погостахъ новгородскихъ въ XVI вѣкѣ, съ приложениемъ карты* (235, 347). С. Петербургъ. Въ Типографіи Императорской Академіи Наукъ.
- Пугач, И.В. (2008). *Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII века в 2-х томах* (40, 135–136, 369). Москва: Издательство «Кругъ».
- Пугач, И.В. (2018). *Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII века*, т. 3 (267). Вологда: Древности Севера.
- Сторожев, В.Н. (1898). *Писцовые книги Рязанскаго края. XVI в., т. 1, вып. 1* (277). Рязань: Типографія Н.В. Любомудрова.
- Сторожев, В.Н. (1904). *Писцовые книги Рязанскаго края. XVI в., т. 1, вып. 2* (245, 621). Рязань: Типографія Н.В. Любомудрова.
- ТУАК. (1901). *Выпись изъ Тверскихъ писцовыхъ книгъ Потапа Нарбекова и подъячаго Богдана Одаеева 1626 года* (34, 136). Тверская ученая архивная комиссия. Городъ Тверь.
- Урусов, П. (1913). *Ярославские писцовые, дозорные, межевые и переписные книги XVII в.* Книга 6. вып. 3 и 4 (101, 105, 129, 166, 588). Москва.
- Фасмеръ, М.Р. (1909). *Греко-славянскіе этюды. III. Греческія заимствованія въ русскомъ языкѣ* (11). Санкт-Петербургъ: Типографія Императорской Академіи Наукъ.

- Aleksinskaya, T.N., Baranov, V.K., Mashtafarov, A.V. (1998). *Akty moskovskikh monastyrei i soborov XV – nachala XVII vv.* (240). Moscow: Ladomir.
- Ankundinov, I.Yu., Voiskoboinikova, N.P., Solov'eva, T.B. (2003). *Pistsovye i perepisnye knigi Novgoroda Velikogo XVII – nachala XVIII vv.* (44). St. Petersburg: Dmitrii Bulanin.
- Bestuzhev"-Ryumin", K.N. (red.). (1883). *Sbornik" Russkago istoricheskago obshchestva*, tom" tridsat' vos'moi (1–6, 13, 176, 315, 387, 419, 421). St. Petersburg: Tip. A. Transhelya.
- Dem'yanov, V.G. (2001). *Inoyazychnaya leksika v istorii russkogo yazyka XI–XVII vekov: problemy morfologicheskoi adaptatsii* (21). Moscow: Nauka.
- Fasmer", M.R. (1909). *Greko-slavyanskіe etyudy. III. Grecheskiya zaimstvovaniya v" russkom" yazyke* (11). St. Petersburg": Tipografiya Imperatorskoi Akademii Nauk".

- Hübner, P. (1966). *Zur Lautgestalt Griechischer Heilegenamen im Russischen Seit dem 11. Jahrhundert* (114, 126, 256). Bonn.
- Knapton, J.J. and P., Darry, J., Midwinter, D., Ward, A., Bettesworth, A., Hitch, C., Pemberton, J. [and 7 others in London] (1732). *A General Collection of treatys, manifesto's, contracts of marriage, renunciations, and other public papers, from the year 1495, to the year 1712*. Volume II. Containing (97). The second edition. London.
- Kotkov, S.I. (1968). *Moskovskaya delovaya i bytovaya pis'mennost' XVII vv.* (194). Moscow: Nauka.
- Kotkov, S.I., Kotkova, N.S. (1977). *Pamyatniki yuzhnovelikorusskogo narechiya. Otkaznye knigi* (162–163). Moscow: Nauka.
- Leah, S.M., Mueller, J., Mary Beth Rose (2000). *ELIZABETH I. Collected Works* (8). Chicago & London: The University of Chicago Press.
- Matison, A.V. (2018). *Pistsovaya i perepisnye knigi Rzheva XVII – nachala XVIII vekov* (14–15, 120). Moscow: Staraya Basmannaya.
- Nevolin, K.A. (1853). *O pyatinakh" i pogostakh" novgorodskikh" v" XVI vñkrñ, s" prilozheniem" karty* (235, 347). St. Petersburg". V" Tipografii Imperatorskoi Akademii Nauk".
- Pugach, I.V. (2008). *Pistsovye i perepisnye knigi Vologdy XVII – nachala XVIII veka v 2-kh tomakh* (40, 135–136, 369). Moscow: Izdatel'stvo «Krug».
- Pugach, I.V. (2018). *Pistsovye i perepisnye knigi Vologdy XVII – nachala XVIII veka*, t. 3 (267). Vologda: Drevnosti Severa.
- Storozhev, V.N. (1898). *Pistsovye knigi Ryazanskago kraya. XVI v., t. 1, vyp. 1* (277). Ryazan: Tipografiya N.V. Lyubomudrova.
- Storozhev, V.N. (1904). *Pistsovye knigi Ryazanskago kraya. XVI v., t. 1, vyp. 2* (245, 621). Ryazan: Tipografiya N.V. Lyubomudrova.
- TUAK. (1901). *Iypis' iz" Tverskikh" pistsovykh" knig" Potapa Narbekova i pod'yachago Bogdana Øadeeva 1626 goda* (34, 136). Tverskaya uchenaya arkhivnaya komissiya. Gorod" Tver.
- Urusov, P. (1913). *Yaroslavskie pistsovye, dozornye, mezhevye i perepisnye knigi XVII v.* Kniga 6. vyp. 3 i 4 (101, 105, 129, 166, 588). Moscow.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Словарь русского языка XI–XVII вв. (2000). СЛРЯ, вып. 5, 1978; вып. 7, 1980; вып. 13, 185; вып. 23, 1996; вып. 24. Москва: Наука.

Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. (2000). SLYa, вып. 5, 1978; вып. 7, 1980; вып. 13, 185; вып. 23, 1996; вып. 24. Moscow: Nauka.

Иштван Пожгаи (Ishtvan Pozhgai)

 <https://orcid.org/0000-0003-2475-9401>

Печский университет

Факультет гуманитарных и социальных наук

H-7624 Pécs, Ifjúság útja 6

Католический университет

им. Петера Пазманя

Факультет гуманитарных и социальных наук

H-1088 Budapest, Mikszáth Kálmán tér 1

pozsgaiistvan330@gmail.com

СОЧЕТАНИЯ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ С ОТНОСЯЩИМИСЯ К НИМ ИМЕНАМИ В СИНОДАЛЬНОМ I СПИСКЕ ПРОСТРАННОЙ РЕДАКЦИИ РУССКОЙ ПРАВДЫ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ТРОИЦКИМ I СПИСКОМ

**Constructions of Cardinal Numerals with Their Associated Nouns
in the Synodal First Copy of the Extended Edition of "Russkaya Pravda"
Compared to the Troitsky First Copy**

Резюме

В настоящей статье проанализирована система сочетаний количественных числительных с относящимися к ним именами в Синодальном I списке Пространной редакции Русской Правды в сопоставлении с Троицким I списком. Числительные являются наименее исследованной частью речи русского языка в диахроническом аспекте, в становлении числительных как самостоятельной части речи до сих пор остались еще не выясненные до конца моменты.

Общезвестно, что слова, обозначающие число в древнерусском языке, обычно не принимаются за имена числительные как грамматически самостоятельные части речи, так как обозначающие число слова были связаны лишь общностью семантического значения. Исследование имеет сплошной характер: в исследуемом памятнике были учтены все сочетания количественных числительных с относящимися к ним именами, рассмотрены и сгруппированы типы сочетаний количественных числительных с сопровождающими их именами.

Наше внимание было сосредоточено на отклонениях от норм в количественных оборотах, поэтому были подробно рассмотрены явления в области сочетаний количественных

числительных, не соответствующих нормам старославянского языка русской редакции и древнерусского языка, а также русского церковнославянского языка старшего периода.

На основании проанализированного материала мы пришли к выводу, что в рассматриваемом памятнике можно обнаружить явления, отличные от наиболее характерных процессов приобретения количественными числительными общих морфологических и синтаксических свойств.

Ключевые слова: древнерусские числительные, история русского языка, исторический синтаксис.

Summary

This article examines the system of combinations of cardinal numerals with their associated nouns in the Synodal First Copy of the Extended Edition of *Russkaya Pravda*, in comparison with the Troitsky First Copy. Numerals remain one of the least studied parts of speech in the Russian language, especially from a diachronic perspective. There are still aspects of their development as an independent part of speech that are insufficiently clarified and require further investigation.

In Old Russian, words denoting numbers were not typically regarded as numerals in the grammatical sense of an independent part of speech. Instead, they were primarily linked by their shared semantic meaning. This study provides a comprehensive analysis of all combinations of cardinal numerals with associated nouns in the examined document. These combinations were grouped, categorized, and systematically analyzed.

The research focuses on deviations from established norms in quantitative constructions. Particular attention is given to numeral-noun combinations that diverge from the grammatical standards of Old Church Slavonic (Russian recension), Old Russian, and early Russian Church Slavonic. These deviations shed light on the processes influencing numeral syntax and morphology during this period.

The findings suggest that the text under study exhibits distinctive features that differ from the typical processes through which cardinal numerals acquired their general morphological and syntactic properties.

Keywords: Old Russian numerals, history of the Russian language, historical syntax.

1. ВВЕДЕНИЕ

Синодальный I список является древнейшим списком Пространной редакции Русской Правды. Он помещен в составе Новгородской (или Климентовской) кормчей 1282 г. (на лл. 615об.–627об.), хранящейся в Государственном Историческом музее в Москве (Жуковская, Тихомиров, Шеламанова, 1984, 205–206; Тихомиров, 1953, 17; Греков, 1940, 121–122). Троицкий I список Русской Правды Пространной редакции расположен в Мериле Праведном второй половины XIV в., находящемся в Российской государственной библиотеке (бывшей ГБЛ), в Москве (Юшков, 2010, 15; Тихомиров, 1953, 17). Наше исследование осуществлено по изданию Русской Правды 1940 г. под редакцией Б.Д. Грекова (Греков, 1940), по необходимости были учтены

издание Е.Ф. Карского 1930 г. по Синодальному I списку (Карский, 1930) и электронный текст М.Б. Свердлова по Троицкому I списку (Свердлов).

Общепринято мнение, что слова, обозначающие числа в древнерусском и в других древних славянских языках, не считаются именами числительными как грамматически самостоятельные части речи. Обозначающие числа слова в древних славянских языках объединялись только по общности семантического значения, но не были объединены общими грамматическими категориями, и поэтому они не могут быть рассмотрены как обособленные части речи (Супрун, 1969, 4).

Отметим, что существует и другой подход к древнеславянским числительным, согласно которому слова, обозначающие число, можно считать самостоятельной частью речи, учитывая их парадигматические и синтагматические свойства (Жолобов, 2003, 84). Системный (т.е. частеречный) характер числительных подтверждается и тем, что в праславянском языке они могли быть противопоставлены всем другим частям речи по типу отношений, унаследованных от индоевропейского праязыка (Жолобов, 2001, 96). По мнению О.Ф. Жолобова, сущность истории числительных не в их движении «от небытия к бытию», а в особенностях их морфосинтаксической динамики, и даже на основе синтаксической функции, лексического значения и окончаний числовые слова могли бы образовать частеречный класс (Жолобов, 2006, 10).

Целью настоящей статьи является детальное исследование системы сочетаний количественных числительных с относящимися к ним именами в Синодальном I списке Пространной редакции Русской Правды (в дальнейшем Син. I сп. Р. П.) в сопоставлении с Троицким I списком. Исследование ведется сплошным образом: учитываются все сочетания количественных числительных с относящимися к ним именами в изучаемом памятнике, рассматриваются и группируются типы сочетаний количественных числительных с сопровождающими их именами. Количественные обороты сгруппированы по падежам и числам количественных числительных. Наше внимание главным образом фокусируется на отклонениях от норм в количественных оборотах, где числительные неправильно (с точки зрения норм старославянского языка русской редакции и древнерусского языка, а также русского церковнославянского языка старшего периода) сочетаются с именами, т.е. имена в изучаемых сочетаниях стоят не в той форме, которая общепринято считается правильной. Под нормой понимается сложившееся на основе статистических сопоставлений данных множества памятников представление о том, как вообще следует оформлять количественные обороты. Проанализировав именно вышеупомянутые отклонения от норм, мы можем получить более полную картину о процессе приобретения количественными числительными общих морфологических и синтаксических свойств.

В современном русском языке числительные объединяются в самостоятельную часть речи тем, что они (за исключением „один“, „тысяча“, „милли-

он” и др.) в им. падеже (при неодушевленных существительных и в вин. п.) управляют существительными в форме род. п. ед. или мн. числа, а в косвенных падежах они согласуются с существительными во мн. числе (Горшкова, Хабургаев, 1981, 267). По мнению А.А. Шахматова числительные, управляющие существительными, можно принимать за «определенно-количественные наречия», а числительные, согласующиеся с существительными, – за «определенно-количественные местоимения» (Шахматов, 1952, 126–127). На основании вышеизложенного, управление и согласование представляют собой ключевые понятия для обособления числительных как самостоятельного частеречного класса, поэтому в данной работе оформление этих синтаксических связей в количественных оборотах имеет важное значение.

Сочетания числительного *один(ъ)* с определяемыми им именами (за исключением тех случаев, когда оно является компонентом составных числительных) не рассматриваются в силу того, что такие сочетания в древнерусском языке оформлялись точно так же, как в современном русском, т. е. числительное согласуется с именем в роде, числе и падеже. Также не анализируются сочетания, содержащие дробные и собирательные числительные, ввиду их незначительного количества в исследуемом памятнике.

В использованном нами издании текста в подавляющем большинстве числа передаются арабскими цифрами, так как и в рукописи они были представлены не написанием самих числительных, а буквой или буквами в значении числа под титулом, как это видно в фотомеханическом воспроизведении Е.Ф. Карского (Карский, 1930). В таких случаях мы не восстанавливаем звуковой облик числительных на письме, а сохраняем арабские цифры издания. Отметим также, что написание самих количественных числительных при анализе синтаксических связей количественных оборотов не имеет решающего значения, поскольку формы количественных числительных с помощью контекста в большинстве случаев легко определяются. В некоторых случаях трудно определить, в каком именно падеже, в именительном или винительном находится числительное, но это не влияет на определение типа синтаксических связей и форм имен существительных в количественных оборотах.

2. СОЧЕТАНИЯ ПРОСТЫХ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ С ОТНОСЯЩИМИСЯ К НИМ ИМЕНАМИ

2.1. Количественные числительные от 2 до 4 включительно

Древнерусские количественные числительные от 2 до 4 включительно сочетались с именами, как имена прилагательные с существительными (Стеценко, 1972, 112), значит, они согласовались с относящимися к ним именами

в качестве счетных прилагательных, в роде, числе и падеже (Колесов, 2009, 236), т.е. они сочетались с именами как определения. А.Е. Супрун называет их числительными-прилагательными (Супрун, 1969, 142). Однако синтаксическая связь между этими числительными и определяемыми ими именами является не совсем односторонней, так как эти числительные определяли грамматическое число относящихся к ним имен. Следует отметить, что эти числительные, исходя из строгой частеречности, нельзя свести к прилагательным в силу того, что они склоняются не так, как имена прилагательные и обладают неадъективной семантикой (Жолобов, 2006, 14).

2.1.1. Числительное *два, двѣ*

Числительное *два, двѣ* обладали формами только в двойственном числе, поэтому и относящееся к нему имя стояло также в форме дв. ч. Оно склонялось по твердой разновидности склонения неличных местоимений по образцу, напр. указательного местоимения *тъ, та, то*, за исключением вторичной формы *дѣву (дву)* (род.-мест. пп. дв. ч.), образовавшейся по именному склонению (Соколова, 1962, 177). В Син. I сп. Р. П. обнаружены следующие примеры употребления числительного *два, двѣ* с относящимися к ним именами:

В им. п. дв. ч.:

В женском роде: *а за мѣхъ двѣ ногатѣ*: 621об., *втрокоу двѣ гривнѣ*: 621об., *а за набоиною 2 гривне*: 624об.

В вин. п. дв. ч.:

В мужском роде: *а видока два выведоуть*: 617об., *то выведетъ свободу на мужа два*: 618об., *взмѣтъ два рѣза*: 620об.

В женском роде: *взати ...|| ... 2 ногатѣ*: 616–616об., *то платити ...*, *а за инѣхъ по двѣ гривнѣ*: 619об., *то платити за нь 2 гривнѣ*: 624, *то имати ѣмоу по 2 ногатѣ за возъ*: 625.

В род. п. дв. ч.: *до двою гривноу*: 617, *Аже боудоуть двою мужю дѣти*: 622об. Форма *двою* является старославянской формой, так как исконной русской формой считается форма *дѣву* (Дурново, 2000, 244).

В мест. п. дв. ч.: *ѣхати ... на двою коню*: 621об. Форма *двоу* могла появиться и под влиянием окончаний имён существительных (Колесов, 2009, 239).

В Троицком I списке Русской Правды второй половины XIV в. согласование в двойственном числе часто нарушается, помимо 8 правильных согласований обнаружены 5 случаев нарушения согласования: *до дву гри(вень)*: 333об., *по 2 грив(ны)*: 336, *платити за нь 2 гри(вны)*: 337, *отроку 2 гри(вны)*: 339, *а за набѣвину лѣдью 2 гри(вны)*: 339об. В последних четырёх примерах существительное, относящееся к числительному, стоит скорее в род. п. ед. ч., или, может быть, в им. и вин. пп. мн. ч.

2.1.2. Числительные *триє, три* и *четыре, четыре*

Оба числительных, как правило, употреблялись только в формах множественного числа, и определяемые ими имена также ставились в формах мн. ч. (Арполенко, Городенська, Щербатюк, 1980, 7). Числительное *триє*, *три* склонялось по существительным с реконструированной основой на *-ї-, а числительное *четыре*, *четыри* изменялось по существительным с бывшей основой на *-r- (Кузнецов, 1953, 172). В Син. I сп. Р. П. найдены следующие примеры употребления этих числительных с определяемыми ими именами существительными:

В им. п. мн. ч:

В мужском роде: *то вирникоу съ втрокомъ; а кони 4: 616об., 7 луконь ввса на 4 кони: 625об.* Словоформа *кони* вместо вин. п. мн. ч. находится в им. п. мн. ч., так же, как и в соответствующем месте Троицкого I списка Р.П. Смещение им. и вин. падежей является характерной чертой древненовгородского диалекта (Карский, 1930, 15).

В женском роде: *а за голову 3 гривны: 616об., Аже пьрьсть оутьнеть кьи любо, то 3 гривны продаже, а самомоу || гривна коунъ: 617–617об., Аже оударить мечемъ ... то 3 гривны продаже: 617об., а за морьскоую лодью 3 гривны: 624об., то прадаже 3 гривны продаже: 625.*

В вин. п. мн. ч.: *платиті ємоу продажю 3 грив(ны): 617об. платити 3 гривны продаже: 617об., за три дни: 617об., платити ємоу 3 гривны: 618, 619, то 3 гривны платити ємоу: 618, по 3 гривны ... платити: 619, то платиті за нь 3 гривны: 619об., то платиті ємоу за вбидоу 3 гривны: 620, възьметь три рѣзы: 620об., по 4 куны: 622об., взати 4 лоукна ввса: 626, то платити ємоу 4 гривны: 626об.*

В род. п. мн. ч.: *бес треи коунъ: 622об.*

В отличие от обыкновенных сочетаний числительного *триє*, *три* с существительными в Син. I сп. Р. П. встречаются и такие примеры, в которых существительное женского рода с основой на *-ā-, склонявшееся по твердой разновидности склонения, имеет не окончание -ы, а окончание -е/-ѣ:

В им. п. дв. ч.: *Аже бчелы выдереть, то 3 гривне продаже: 624об.* (здесь и в других местах вместо буквы «ѣ» употребляется буква «е»), *Оже смердъ моучить смерда ..., то 3 гривн(е) прадаже, а за моукоу гривна коунъ: 624об., Аже перетнеть вьрвь въ перевесъ, то 3 гривне продаже: 625.*

В вин. п. дв. ч.: *а за обидоу платити ємоу 3 гривнѣ продаже: 623об.*

Поскольку смешение букв «ѣ» и «е» в изучаемом памятнике встречается часто (Карский, 1930, 13), мы имеем дело с одним окончанием -е/-ѣ. Это окончание в вышеуказанных примерах формально можно считать окончанием им. и вин. пп. мн. ч. или род. п. ед. ч. существительных с основой на *-jā-, склонявшихся по мягкой разновидности склонения, а также флекси-

ей им. и вин. пп. дв. ч. существительных с основой на *-ā-. Отметим, что уже в ранне-древненовгородском диалекте в сочетаниях с числительными *три*, *четыре* у существительных женского рода (с основой на *-ā-) регулярно встречалось окончание -ѣ в значении им. и вин. пп. мн. ч., напр.: *три кунѣ*, *четыре кунѣ* (Зализняк, 2004, 167). Это же окончание обнаруживается и в форме -е в Берестяной грамоте № 22 1 половины XII в. из Старой Русы: *търи коуне*, *цетыри коуне* (Жолобов, 2006, 103).

Определяя форму существительных, относящихся в примерах Син. I сп. Р. П. к числительным *триє*, *три* и *четыре*, *четыре* нельзя полностью исключить, что форму этих существительных следует принимать за род. п. ед. ч., учитывая предполагаемое влияние мягкой морфонологической разновидности склонения на твердую. Это предположение может быть подтверждено и следующим примером: *Аже борть подѣтнеть, то 3 продаже, а за дерево полъ гривнѣ*: 624об. Тут словоформа *гривнѣ* может сочетаться и с числом 3, но с числительным *полъ* оно безусловно составляет непосредственное словосочетание, в котором форму *гривнѣ* может считать только род. падежом ед. ч., значит окончание -е или -ѣ может быть и флексией род. п. ед. ч. Значения им. и вин. пп. дв. ч. можно встретить с меньшей долей вероятности ввиду того, что категория двойственного числа исчезает из разговорного языка восточных славян именно в XIII в. (Живов, 2017, 749). Можно отметить, что числительные *триє* и *четыре* сочетались также и с формами дв. ч., но скорее у существительных мужского рода (Соколова, 1962, 114).

В этих же местах (в параграфах 61 76, 78, 80) в Троицком I списке Р. П. встречаются с виду правильные формы им. или вин. п. мн. ч., но по существу скорее формы род. п. ед. ч.: *то 3 гри(вны) продажи*: 337, *Аже пчелы выдереть, то 3 гри(вны) прадажи*: 339, *аже обиду платити ѣму 3 гри(вны) продажи*: 339об., *Аже кто пѣдотнеть вервь в перевѣсъ, то 3 гри(вны) продажи*: 339об. В пользу родительного п. ед. ч. в вышеуказанных примерах можно привести сочетания числа 2 с формой род. п. ед. ч. существительных: *по 2 грив(ны)*: 335об., *платити за нь 2 гри(вны)*: 337, *отроку 2 гри(вны)*: 339, *а за набѣину лѣдью 2 гри(вны)*: 339об. см. и в конце предыдущего пункта, но: *по 2 ногатѣ*: 340. Отметим, что в одном примере Троицкого I сп. Р. П. употребляется более-менее однозначная форма вин. п. мн. ч. существительного мужского рода: *за 3 дни*: 334.

2.2. Количественные числительные от 5 до 10 включительно

Древнерусские количественные числительные от 5 до 10 включительно считались существительными (Лукинова, 2000, 253), особенно синтаксически, так как они не согласовывались с относящимися к ним словами,

находящимися неизменно в род. падеже мн. ч. во всей парадигме (Ломтев, 1956, 442–443) (в случае собирательного существительного – в род. п. ед. ч.). Такой тип синтаксической связи можно считать оборотом родительного части (родительного партитивного, *genitivus partitivus*), являющимся особым видом управления. По мнению А.Е. Супруна эти числительные-существительные «выступали в роли управляющих слов», и количественный родительный падеж – как он называет род. п. мн. ч. рядом с вышеуказанными числительными – сформировался на базе родительного части (Супрун, 1969, 142). Для различения управления при современных русских числительных и управления при древнерусских числительных мы вместо термина «управление» употребляем термин «*genitivus partitivus*/ родительный части», учитывая тот факт, что вышеназванные числительные довольно долго сохраняют свойства имен существительных, напр. категорию рода. Числительные от 5 до 9 по существу были существительными женского рода с основой на *-ĭ- (Kiparsky, 1967, 174), а числительное *десять* в основном склонялось как существительные с основой на *-t-, но в определенных случаях его формы образовывались по образцу существительных женского рода с основой на *-ĭ-, в форме тв. п. ед. ч. всегда употреблялось окончание существительных женского рода с основой на *-ĭ- (*десятью*) (Шахматов, 1957, 144). Числительные от 5 до 10 включительно с относящимися к ним словами обнаружены в следующих примерах:

В им. п. ед. ч.: *а въ сред(оу) коуна ... а хлѣбовъ 7 на нед(ѣ)лю, а пишена 7 оубороковъ, а горохоу 7 оубороковъ, а соли 7 голважень; врникоу 8 гривень, а 10 коунъ перекладная: 616об. (всего 6 количественных оборотов), то вирникоу ... и 10 коунъ: 616об. А за рждовича 5 грив(ень): 16 об., а за робоу 6 гривень: 16об. а въ виры помеченаго 9 коунъ: 617, а тамоу за въкъ 10 гривень: 617, а за пороса ногата, а за овъцю 5 коунъ, а за боранъ ногата, ... а за жереба 6 ногатъ, а за коровиѣ молоко бногатъ: 619об. (3 кол. оборота), писчу 10 кунъ, перекладного 5 кунъ: 621об. (2 кол. оборота), А се оурочи соудебниш: въ виры 9 кунъ а мателнику 9 въкошь, ..., а метелнику 6 въкошь: 622об. (3 кол. оборота), въ свободы 9 кунъ: 622об., Аже бчелы выдереть, ..., а за медъ, ..., то 10 кунъ; боудеть ли влекъ, то 5 кунъ: 624об. (2 кол. оборота), Аже лодью оукрадеть, то 7¹ кунъ продаже: 624об., а за челнь 8 кунъ: 624об., а за голоубъ 9 кунъ, а за коура 9 кунъ: 625, А в сенъ 9 кунъ: 625, и за рыбы 7 кунъ на недѣлю, 7 хлѣбовъ, 7 оубороковъ пишена, 7 лоуконъ ввса: 625об. (4 кол. оборота), оже боудеть роба, тъ 5 гривень, а шестая на пережѣмъ втхходить: 626об.*

В вин. п. ед. ч.: *взати 7 || въдѣрь солодоу: 616, а за вошь гривноу, ... а за тела 5 кунъ, а за свинью 5 коунъ: 619об. (2 кол. оборота), [О]же ѣмлетъ по 10 кунъ: 620об., А железнаго платити ..., а мечникоу 5 кунъ: 625об., а солодоу*

¹ Так в рукописи, следовало бы писать 60 (Греков, 1940, 131).

дадать ѹмоу идиноу 10 лоуконъ: 625об., то платити ѹмоу за холопъ 5 гривень, а за робу 6 гривень: 626об. (2 кол. оборота), и дати ѹмоу вазебноу 10 кунъ: 627.

В род. п. ед. ч.: *взати ит 10 локотъ по ногатъ: 625об.*

3. СОЧЕТАНИЯ СОСТАВНЫХ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ С ОТНОСЯЩИМИСЯ К НИМ ИМЕНАМИ

3.1. Составные числительные от 11 до 14 включительно, а также составные числительные, оканчивающиеся на 1, 2, 3, 4

Единицы этих составных числительных согласовались с относящимися к ним существительными (Супрун, 1969, 146). Из этих составных числительных в Син. I сп. Р. П. встречается только числительное *двенадцать* (в древнерусской форме *д(ъ)ва на десяте* или *д(ъ)въ на десяте*), которое в издании всегда обозначается арабской цифрой. При определении падежа и числа составного числительного учитывается лишь первый его компонент, т.е. единица. Поскольку данное числительное в исследуемом памятнике не написано буквами, у нас нет возможности определить, на какой стадии на пути превращения в простое числительное оно находится. Данное числительное с относящимися к нему существительными встречается в следующих примерах:

В им. п. дв. ч.: *а метелникоу 12 векии: 616об., то вирнику ... и 12 въкъше, а переди съсадная гривна: 616об. (Окончание -е (из первоначального -тъ) в словоформе въкъше или отражает влияние твердой разновидности склонения, или может оказаться не окончанием им. п. дв. ч., а флексией им. п. мн. ч.), А въ сельскомъ тиоунъ въ княжи или в ратаингъмъ, то 12 гривнъ: 616об., [А] за ремьствьника и ремьствьницу, то 12 гривне: 616об. (В словоформе гривне е вместо тъ.), А за кормица 12 грив(не) (е вместо тъ): 616об., то 12 гривне (е вместо тъ) продаже за обиду: 617, Аже кто кого ударить батогомъ, ..., то 12 гривнъ: 617, а кня||зю продаже 12 гривне (е вместо тъ): 618об.–619, А кто порьвътъ бороду, ..., то 12 гривнъ продаже: 621, Оже выбьютъ зюбъ, ..., то 12 гривнъ продаже: 621, Аже оукрадеть кто борть, то 12 гривнъ продаже: 621, Аже разнаменають бърть, то 12 гривнъ: 621, Аже межую перетнетъ бортьноюу, ..., то 12 гривнъ продаже: 621, Оже дубъ перетнетъ ..., то 12 гривнъ продаже: 621.*

В вин. п. дв. ч.: *то платити в томъ 12 гривне (е вместо тъ): 619, платити за вби||доу 12 гривнъ продаже: 623об.–624, то платити за нь господиноу 12 гривнъ: 624б., А кто пакощами порежеть конь или скотиноу, то продаже 12 гривне (е вместо тъ), а за пагубу гривноу оурокъ платити: 625.*

В род. п. дв. ч.: *А се наклади: 12 гривноу, втрокоу двѣ гривнѣ и 20 кунѣ*: 521об. Хотя из структуры предложения невозможно определить род. ли это падеж, но если словоформа *гривноу* в род. п. дв. ч., то и числительное должно быть в род. п. дв. ч.

В Троицком I списке Р. П. существительные, относящиеся к числительному *двенадцать*, за одним исключением (*12 вѣкии*: 333), стоят в род. п. мн. ч., напр.: *12 гри(вень)*: 333 (2х), 333об. (2х), 335об. (2х), 337 (2х), всего 17 примеров.

3.2. Составные числительные от 15 до 19 и составные числительные, оканчивающиеся на 5, 6, 7, 8, 9 и десятки

При определении падежа и числа составных числительных учитываются падеж и число единиц или множителей. Относительно числительного 40 отметим, что вероятнее всего оно уже не является составным числительным в силу того, что форма *сорокъ* встречается один раз и она появляется уже в памятниках XIII в. (Иванов, 1990, 308). Вышеупомянутые числительные с относящимися к ним существительными встречаются в следующих примерах:

В им. п. ед. ч.: *то вирникоу 16 гривенъ*: 616об., *Аже в княжи втроцѣ, ..., то 40 гривенъ*: 616 об., *А за тиюнѣ за вгнищныи и за конюшии, то 80 гривенъ*: 616об., *Аже крадеть скотѣ на поли, ..., 60 кунѣ*: 619.

В вин. п. ед. ч.: *то положити за голову 80 гривенъ*: 615 об., *то 40 гривенъ положити за нь*: 615об., *то вирьвноую платити, ..., то 80 гривенъ; || паки людинѣ, то сорокъ гривенъ*: 615об.–616 (2 кол. оборота), *Аже боудеть вира въ 80 гривенъ*: 616об., *тому платити 60 кунѣ*: 617об., *по 60 кунѣ*: 619, *Оже за кобылоу 60 кунѣ, а за волѣ гривноу, а за коровоу 40 кунѣ*: 619об. (два кол. оборота), *платити 40 кунѣ*: 625об.

В им. п. мн. ч.: *А се оурочи соудебнии: ..., а вт бортьнои земли 30 кунѣ*: 622об., *А се оурочи ротнии: ..., вт головы 30 кунѣ, а вт бортьнои земли 30 кунѣ*: 622об. (2 кол. оборота), *Аже кто оукрадеть ... соколъ ..., то ..., а за оутовъ 30 кунѣ, а за гусь 30 кунѣ, а за лебедь 30 кунѣ, а за жеравь 30 кунѣ*: 625 (4 кол. оборота).

В вин. п. мн. ч.: *по 30 коунѣ* (2х): 619, *по 30 коунѣ*: 619об., *а за волѣ гривноу, ..., а за третьякоу 30 кунѣ*: 619об.

В им. п. дв. ч.: *Аще ли оутнеть роукоу, ..., тѣ полѣ виры 20 гривенъ*: 617, *А се наклади: ... втрокоу ... и 20 кунѣ*: 621об., *вже боудеть виноватѣ, то полѣ виры, 20 гривенъ*: 621об.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сочетания количественных числительных с относящимися к ним именами в Син. I сп. Р. П. не полностью отражают норму древнейших памятников. Среди простых числительных от 5 до 10 и среди составных числительных от 15 до 19, а также составных числительных, оканчивающихся на 5, 6, 7, 8, 9 и десятки, отклонений от нормы не нашлось, значит количественные обороты, содержащие эти числительные, не дают нам сведений о процессе приобретения ими общих морфологических и синтаксических свойств. Отметим, что указанные выше числительные во всех примерах находятся в им. или вин. падеже. Однозначное согласование существительных с этими числительными могло бы появиться только в дат., твор. и местн. падежах. (Учитывая тот факт, что в памятнике нет примеров на дат. твор. и местн. падежи, невозможно точно определить вид синтаксической связи в род. падеже).

Все сочетания числительного *два, двѣ* с сопровождающими их именами, с формальной точки зрения пишутся правильно, имена стоят в подходящем падеже дв. ч. Однако не исключено, что значение дв. ч. уже находится на пути исчезновения, особенно в им. и вин. пп. дв. ч. женского рода. Это предположение можно обосновать, с одной стороны, исчезновением категории двойственного числа из разговорного языка восточных славян в XIII в. (Живов, 2017, 749), а с другой стороны тем, что в четырех примерах существительное *грина* в сочетании с числительным *три* имеет не окончание *-ы*, а окончание *-e/-ѣ*. Это окончание может иметь значения разных форм – значения им. и вин. пп. мн. ч. или род. п. ед. ч., как у существительных с основой на **-jā-*, склонявшихся по мягкой разновидности склонения, и значения им. и вин. пп. дв. ч., как и в случае существительных с основой на **-ā-*. Окончание *-e/-ѣ*, совпадающее по форме с им. и вин. пп. дв. ч. существительных с основой на **-ā-* (и существительных среднего рода с основой на **-ō-*, хотя примеров в сочетаниях с числительными нет), в найденных примерах независимо от выражаемого им реляционного значения может указывать на ослабление двойственного числа.

В сочетаниях числительного *триє три* с существительными помимо 15 правильных согласований найдены 4 примера, в которых существительное женского рода с основой на **-ā-* обладает не окончанием *-ы*, а флексией *-e/-ѣ*. Как было отмечено выше, точно установить падеж и число этих существительных трудно, см. в пункте 2.1.2. Уже для ранне-древненовгородского диалекта являлось характерной грамматической чертой употребление окончания *-ѣ* в значении им. и вин. пп. мн. ч. в сочетаниях с числительными *три, четыре* (Зализняк, 2004, 167). Поскольку Син. I сп. Р. П. явно обнаруживает особенности древненовгородского диалекта как, напр.: цоканье, т. е. смешение букв «ц» «ч», следовательно, языком писца был древненовгородский

диалект (Карский, 1930, 15, 21). В таком освещении окончание *-e/-rъ* в наших примерах с большой долей вероятности имеет значения им. и вин. пп. мн. ч. как типично древненовгородское явление в сочетаниях с числительными. Появление этого окончания и таким образом совпадение форм двойственного и множественного чисел, может быть объяснено генерализующим влиянием мягкого типа склонения (Жолобов, Крысько, 2001, 72).

В сочетаниях числительного *двенадцать* согласования с существительными в дв. числе кажутся правильными во всех 19 примерах. В 17 примерах рядом с числительным найдено существительное женского рода с основой на **-ā-* в им. и вин. пп. дв. ч. с окончанием *-e/-rъ*. В связи с этим окончанием может возникнуть вопрос о том, действительно ли в данном памятнике оно имеет значения им. и вин. пп. дв. ч., или возможно, что в период исчезновения категории двойственного числа уже приобретает значения им. вин. пп. мн. ч. Одно можно отметить с полной уверенностью, что в рассматриваемом памятнике не было найдено сближения этого числительного с числительными от 15 до 19. В Троицком I списке Р. П. этот процесс можно считать завершенным, так как существительные рядом с 12 регулярно стоят в род. п. мн. ч.

Если окончание *-e/-rъ* существительных в количественных оборотах исследуемого памятника обладает значениями им. и вин. пп. мн. ч., или сближается с этими значениями, то в Син. I сп. Р. П. в приобретении числительными общих грамматических свойств вырисовывается своеобразный путь, иной, чем в общей истории русского языка, что особенно ощутимо в сопоставлении с количественными оборотами Троицкого I списка Р. П. Само значение множественного числа окончания *-e/-rъ* при существительных в данных количественных оборотах могло бы сблизить родной язык писца – древненовгородский диалект – с теми древнерусскими/ восточнославянскими говорами, из которых сложились украинский и белорусский языки, так как в обоих языках существительные с числительным *два, две* сочетаются во множественном числе (Супрун, 1969, 144; Жовтобрюх, Кулик, 1965, 299).

БИБЛИОГРАФИЯ (REFERENCES)

- Арполенко, Г.П., Городенська, К.Г., Щербатюк, Г.Х. (1980). *Числівник української мови*. Київ: Наукова Думка.
- Горшкова, К.В., Хабургаев, Г.А. (1981). *Историческая грамматика русского языка*. Москва: Высшая школа.
- Греков, Б.Д. (ред.). (1940). *Правда Русская*, т. I.: *Тексты*. Москва–Ленинград: Издательство АН СССР.
- Дурново, Н.Н. (2000). *Очерк истории русского языка*. В: Н.Н. Дурново. *Избранные работы по истории русского языка* (1–337). Москва: Языки славянской культуры.

- Живов, В.М. (2017). *История языка русской письменности*, т. 1. Москва: Русский фонд содействия образованию и науке.
- Жовтобрюх, М.А., Кулик, Б.М. (1965). *Курс сучасної української літературної мови. Частина I*. Київ: Видавництво «Радянська школа».
- Жолобов, О.Ф. (2001). *Древнеславянские числительные как часть речи*, Вопросы языкознания, 2001, 2, 94–109.
- Жолобов, О.Ф. (2003). *Древнеславянские числительные в этимологическом и сопоставительном аспектах*. В: *Сопоставительная филология и полилингвизм. Сборник научных трудов* (82–90), А.А. Аминова, Н.А. Андромонова (ред.). Казань: Казанский государственный университет.
- Жолобов, О.Ф. (2006). *Числительные*. В: *Историческая грамматика древнерусского языка*, т. IV. В.Б. Крысько (ред.). Москва: «Азбуковник».
- Жолобов, О.Ф., Крысько, В.Б. (2001). *Двойственное число*. В: *Историческая грамматика древнерусского языка*, т. II. В.Б. Крысько (ред.). Москва: «Азбуковник».
- Жуковская, Л.П. (отв. ред.), Тихомиров, Н.Б., Шеламанова, Н.Б. (1984). *Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР XI–XIII вв.* Москва: Издательство «Наука».
- Зализняк, А.А. (2004). *Древненовгородский диалект*. Москва: Языки славянской культуры.
- Иванов, В.В. (1990). *Историческая грамматика русского языка*. Москва: Просвещение.
- Карский, Е.Ф. (1930). *Русская Правда по древнейшему списку*. Ленинград: Издательство Академии наук.
- Колесов, В.В. (2009). *Историческая грамматика русского языка*. Санкт-Петербург: Факультет филологии и искусств СПбГУ.
- Кузнецов, П.С. (1953). *Историческая грамматика русского языка. Морфология*. Москва: Издательство Московского университета.
- Ломтев, Т.П. (1956). *Очерки по историческому синтаксису русского языка*. Москва: Издательство Московского университета.
- Лукінова, Т.Б. (2000). *Числівники в слов'янських мовах*. Київ: Наукова думка.
- Свердлов, М.Б. (без года). *Русская Правда (пространная редакция)*, <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4947>, доступ: 11.06.2024.
- Соколова, М.А. (1962). *Очерки по исторической грамматике русского языка*. Ленинград: Издательство Ленинградского университета.
- Стеценко, А.Н. (1972). *Исторический синтаксис русского языка*. Москва: Издательство «Высшая школа».
- Супрун, А.Е. (1969). *Славянские числительные. Становление числительных, как особой части речи*. Минск: Издательство БГУ.
- Тихомиров, М.Н. (1953). *Пособие для изучения Русской Правды*. Москва: Издательство Московского университета.
- Шахматов, А.А. (1952). *Из трудов А.А. Шахматова по современному русскому языку. (Учение о частях речи)*. Москва: Гос. учебно-педагог. изд-во.
- Шахматов, А.А. (1957). *Историческая морфология русского языка*. Москва: Учпедгиз.
- Юшков, С.В. (2010). *Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение*. Москва: Издательство «Зерцало».

- Durnovo, N.N. (2000). *Ocherk istorii russkogo yazyka*. V: N.N. Durnovo. *Izbrannye raboty po istorii russkogo yazyka* (1–337). Moscow: Yazyki slavyanskoï kul'tury.
- Gorshkova, K.V., Khaburgaev, G.A. (1981). *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka*. Moscow: Vysshaya shkola.
- Grekov, B.D. (red.). (1940). *Pravda Russkaya*, t. I.: *Teksty*. Moscow–Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Ivanov, V.V. (1990). *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka*. Moscow: Prosveshchenie.
- Karskii, E.F. (1930). *Russkaya Pravda po drevneishemu spisku*. Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk.
- Kiparsky, V. (1967). *Russische historische Grammatik*, Band II.: *Die Entwicklung des Formensystems*. Heidelberg: Carl Winter – Universitätsverlag.
- Kolesov, V.V. (2009). *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka*. St. Petersburg: Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU.
- Kuznetsov, P.S. (1953). *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Morfologiya*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
- Lomtev, T.P. (1956). *Ocherki po istoricheskomu sintaksisu russkogo yazyka*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
- Lukina, T.B. (2000). *Chislivniki v slov'yans'kikh movakh*. Kiïv: Naukova dumka.
- Shakhmatov, A.A. (1952). *Iz trudov A.A. Shakhmatova po sovremennomu russkomu yazyku. (Uchenie o chastyakh rechi)*. Moscow: Gos. uchebno-pedagog. izd-vo.
- Shakhmatov, A.A. (1957). *Istoricheskaya morfologiya russkogo yazyka*. Moscow: Uchpedgiz.
- Sokolova, M.A. (1962). *Ocherki po istoricheskoi grammatike russkogo yazyka*. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta.
- Stetsenko, A.N. (1972). *Istoricheskii sintaksis russkogo yazyka*. Moscow: Izdatel'stvo «Vysshaya shkola».
- Suprun, A.E. (1969). *Slavyanskije chislitel'nye. Stanovlenie chislitel'nykh, kak osoboi chasti rechi*. Minsk: Izdatel'stvo BGU.
- Sverdlov, M.B. (bez goda). *Russkaya Pravda (prostrannaya redaktsiya)*, <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4947>, accessed: 11.06.2024.
- Tikhomirov, M.N. (1953). *Posobie dlya izucheniya Russkoi Pravdy*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
- Yushkov, S.V. (2010). *Russkaya Pravda. Proiskhozhdenie, istochniki, ee znachenie*. Moscow: Izdatel'stvo «Zertsalo».
- Zaliznyak, A.A. (2004). *Drevnenovgorodskii dialekt*. Moscow: Yazyki slavyanskoï kul'tury.
- Zhivov, V.M. (2017). *Istoriya yazyka russkoi pis'mennosti*, t. 1. Moscow: Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke.
- Zholobov, O.F. (2001). *Drevneslavyanskije chislitel'nye kak chast' rechi*, *Voprosy yazykoznanija*, 2, 94–109.
- Zholobov, O.F. (2003). *Drevneslavyanskije chislitel'nye v etimologicheskom i sopostavitel'nom aspektakh*. V: *Sopostavitel'naya filologiya i polilingvizm. Sbornik nauchnykh trudov* (82–90), A.A. Aminova, N.A. Andramonova (ed.). Kazan: Kazanskii gosudarstvennyi universitet.
- Zholobov, O.F. (2006). *Chislitel'nye*. V: *Istoricheskaya grammatika drevnerusskogo yazyka*, t. IV. V.B. Krys'ko (ed.). Moscow: «Azbukovnik».
- Zholobov, O.F., Krys'ko, V.B. (2001). *Dvoistvennoe chislo*. V: *Istoricheskaya grammatika drevnerusskogo yazyka*, t. II. V.B. Krys'ko (ed.). Moscow: «Azbukovnik».
- Zhovtobryukh, M.A., Kulik, B.M. (1965). *Kurs suchasnoi ukrains'koï literaturnoi movi. Chastina I*. Kiïv: Vidavnistvo «Radyans'ka shkola».
- Zhukovskaya, L.P. (otv. red.), Tikhomirov, N.B., Shelamanova, N.B. (1984). *Svodnyi katalog slavyano-russkikh rukopisnykh knig, khranyashchikh v SSSR XI–XIII vv*. Moscow: Izdatel'stvo «Nauka».

Maria Tomiak

<https://orcid.org/0009-0006-7696-8191>

*Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu
Instytut Filologii Wschodniosłowiańskich UAM
61-874 Poznań, al. Niepodległości 4
martom40@st.amu.edu.pl*

Yury Fedorushkov

<https://orcid.org/0000-0001-9433-0956>

*Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu
Instytut Filologii Wschodniosłowiańskich UAM
61-874 Poznań, al. Niepodległości 4
jerfed@amu.edu.pl*

PROLEGOMENA DO ANALIZY RELACJI SYSTEMOWYCH POLA ASOCJACYJNEGO OCZY W OBSZARZE JĘZYKÓW WSCHODNIOŚLAWIAŃSKICH

**Prolegomena to the Analysis of the Systemic Relations of the Associative Field
EYES in the Area of East Slavonic Languages**

Streszczenie

Tekst artykułu poświęcony jest praktycznemu opisowi badań w zakresie podstawowych różnic między konceptualizacją pola asocjacyjnego pojęcia *oczy* w trzech językach wschodniosłowiańskich (rosyjskim, białoruskim i ukraińskim) na podstawie danych, których źródłem jest Słowiański Asocjacyjny Słownik: rosyjskiego, białoruskiego, bułgarskiego, ukraińskiego (*Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский*), tzw. SAS.

W artykule zademonstrowane są wstępne wyniki badań nad systemem relacji semantycznych (np. synonimia, hiperonimia, fuzzynimia i in.) oraz typów akomodacji (np. reakcji czy kongruencji), w obrębie pary bodziec–reakcja zarejestrowanej w słowniku asocjacyjnym. Opisana została analiza porównawcza relacji semantycznych na linii bodziec–reakcja we wschodniosłowiańskich polach asocjacyjnych, a same relacje podzielono na paradygmatyczne i syntagmatyczne.

Received: 17.06.2024. Verified: 28.09.2024. Accepted: 20.12.2024.

© by the author, licensee University of Lodz – Lodz University Press, Lodz, Poland. This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution license CC-BY-NC-ND 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/>)

Biorąc pod uwagę ilościowe i jakościowe analizy danych zebranych w SAS, a także wyniki tej analizy, w artykule podjęta jest próba przybliżenia głębszego kontekstu kulturowo-semantycznego, w jakim koncept językowy *OCZY* funkcjonuje w tych trzech językach. Jako osobny rezultat, artykuł przedstawia grafikę ilustrującą różnice między trzema polami asocjacyjnymi badanego pojęcia.

Słowa kluczowe: eksperyment asocjacyjny, relacje systemowe, pole asocjacyjne, języki wschodniosłowiańskie.

Summary

The article explores the conceptualization of the associative field *eyes* in Russian, Belarusian, and Ukrainian, focusing on linguistic and cultural differences in its representation. Drawing on data from the *Slavic Associative Dictionary* (*Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский*, or SAD), the study examines stimulus-response pairs to uncover unique associative networks within these East Slavic languages.

The analysis identifies key semantic relationships, including synonymy, hyperonymy, and fuzzynymy, alongside syntactic accommodation patterns such as rection and congruence. These elements are categorized into paradigmatic and syntagmatic relations, providing a framework for comparative analysis. By examining these associations, the study reveals how the concept of *eyes* reflects broader cultural and semantic frameworks inherent to each language.

Through a combination of quantitative and qualitative methods, the article highlights differences in the conceptualization of *EYES*, shaped by diverse linguistic traditions and cultural contexts. A visual representation of the findings further illustrates contrasts between the associative fields across the three languages, offering valuable insights into the interplay between language, thought, and culture in the East Slavic region.

Keywords: free association experiment, relations in lexical system, associative field, East Slavic languages.

1. WPROWADZENIE

Niniejszy tekst poświęcony jest opisowi metody badawczej pozwalającej analizować wyniki eksperymentu asocjacyjnego (por. niżej – rozdział 4. pt. *Analiza obiektów badawczych*) umieszczonych w słowniku asocjacyjnym. Podstawowym celem artykułu jest opis badania różnic w konceptualizacji pola asocjacyjnego *OCZY* w trzech językach wschodniosłowiańskich (rosyjskim, białoruskim i ukraińskim) na podstawie danych zebranych ze „Słowiańskiego Asocjacyjnego Słownika: rosyjskiego, białoruskiego, bułgarskiego, ukraińskiego” (SAS) pod redakcją Natalii Ufimcewej (Уфимцева, 2004). Analizie poddajemy relacje między bodźcem a reakcjami na taki bodziec. Relacje, o których tu mowa, mają ewidentny podział na syntagmatyczne (akomodacyjne, składniowe) i paradygmatyczne (systemowe, np. synonimia, hiperonimia etc.). Porównujemy potencjał relacji w poszczególnych językowych polach asocjacyjnych pod względem kwantytatywnym (np. na podstawie liczby reakcji, danych statystycznych w obrębie kierunku bo-

dziec–reakcja), jak i kwalitatywnym – na podstawie danych uzyskanych dzięki przynależności reakcji do poszczególnych kategorii tematycznych. Innymi słowy, najpierw kategoryzujemy reakcje pod względem leksykalno-tematycznym.

Jak już wspomnieliśmy, relacje zachodzące pomiędzy bodźcem a reakcją ograniczono na relacje syntagmatyczne (por. rozdział 4.1. pt. *Relacje syntagmatyczne*) i paradygmatyczne (por. rozdział 4.2. pt. *Relacje paradygmatyczne*). Poprzez analizę danych zebranych z SAS będziemy dążyć do zrozumienia głębszego kontekstu kulturowego i semantycznego, w którym funkcjonuje pole asocjacyjne OCZY jako wyznacznik konceptu językowego (opis terminu – por. niżej, rozdział 3.) – w danych asocjacyjno-werbalnych trzech języków. Pokażemy, że pole OCZY jest jednocześnie zarówno częścią konceptu PERCEPCJA, jak i konceptu ORGANY ANATOMICZNE. Jako osobny wynik przedstawimy infografikę obrazującą różnice między trzema polami asocjacyjnymi.

W pierwszym rozdziale przedstawimy obecny etap badania nad polami asocjacyjnymi, w rozdziale drugim omówimy pojęcie konceptu, w trzecim – analizę obiektów badawczych z podziałem na trzy podrozdziały ze szczegółowym wglądem w dane kwantytatywne (zwłaszcza w rozdziałach 4.1. *Relacje syntagmatyczne* oraz 4.2. *Relacje paradygmatyczne*). W rozdziale czwartym przedstawimy kwantytatywny wymiar wyników. Wyniki ogólne oraz perspektywy badawcze omówimy w rozdziale końcowym pt. *Podsumowanie*.

2. STATUS QUO BADAŃ

Problematyka odczytu danych lingwoasocjacyjnych jest traktowana jako jeden z warsztatów badawczych bazujących na idei odtwarzania relacji wewnętrznych systemu leksykalnego (por. prace: Блох, 2004 lub Клименко, 2018). Według badaczki Anny Klimenko pole asocjacyjne „może być obiektywnym wskaźnikiem relacji słowa w stosunku do innych słów w systemie” (Клименко, 2018, 105). Aktualność badań wynika z rosnącego zainteresowania językowym obrazem świata. Jest to szczególnie ważne w kontekście badania językowego obrazu świata, w którym istotną rolę gra konceptualizacja ciała człowieka, ale też jego naturalnych narzędzi – przede wszystkim organów percepcyjnych – służących do obcowania z rzeczywistością pozajęzykową. Oczy są jednym z najważniejszych, jeśli nie głównych, narzędzi percepcji, dzięki którym człowiek poznaje świat. Odnajduje to swoje odzwierciedlenie w płaszczyźnie języka. Oczy w rzeczywistości językowej są nie tylko organem percepcji wizualnej, ale też odbiciem wewnętrznej ludzkiej egzystencji, charakteru, nastroju, uczuć, myślenia. Wobec tego rozpatrujemy OCZY nie tylko jako pole semantyczne, lecz jako osobny wielowymiarowy koncept językowy, który warto zbadać z pozycji porównawczej, np. w obrębie zbliżonej genetycznie grupy językowej, jaką jest grupa języków

wschodniosłowiańskich. Pole OCZY jest jednocześnie częścią nadrzędnych struktur – superkonceptów CIAŁO, PERCEPCJA, ORGANY ANATOMICZNE, MYŚLENIE, UCZUCIA.

Problematyka językowego obrazu świata w granicach poszczególnych kultur językowych jest wciąż aktualnym gruntem dla prowadzenia badań naukowych. Bogaty zestaw danych gotowych (bez dodatkowej obróbki, uzupełnień etc.) do analizy kwantytatywnej i jakościowej oferują słowniki asocjacyjne powstające w celu unaocznienia językowego obrazu świata określonej grupy etnicznej. Niniejszy materiał leksykalny do badań został zaczerpnięty z SAS i posegregowany w następujący sposób: sporządzona została tabela analityczna uzupełniona reakcjami na bodźce w trzech analizowanych językach – rosyjskim, ukraińskim oraz białoruskim, tj. ГЛАЗА/ ОЧИ/ ВОЧЫ. Identyczne pod względem leksykalnym reakcje zostały zrównoleglone. Należy też stwierdzić, że zestawienie reakcji (potraktowanych jako odpowiedniki przekładowe) z artykułów hasłowych w trzech językach umożliwiło dotarcie również do reakcji unikatowych w każdym z tych artykułów. W tabeli badawczej dobrane zostały ekwiwalentne reakcje na bodziec OCZY, np. ROS: *красивые*, UKR: *гарні*, BIAŁ: *прыгожыя*. Nie wszystkie reakcje były identyczne w danych językach; w tabeli znajduje się także wiele okazjonalnych kombinacji, wykazujących unikatowość asocjatu – np. ROS: Ø¹, UKR: Ø, BIAŁ: *шчырасць*. Dane w tabeli zostały poddane analizie według parametrów, które zostaną przybliżone w dalszej części niniejszego tekstu. Ze względu na zbliżoną pisownię oraz alfabet decydujemy się na zapis bodźca i reakcji w następujący sposób: „BODZIEC(JĘZYK): *reakcja*”, np. ОЧИ (UKR): *зеркало*.

3. KONCEPT A RELACJE SYSTEMOWE

W naszych badaniach kluczową rolę odgrywa pojęcie konceptu językowego oraz pola leksykalne w zasięgu tej jednostki leksykalnej. Pojęcie konceptu rozpatrujemy opierając się o prace Walentyny Masłowej (Маслова, 2004) oraz Ludmiły Babenko (Бабенко, 2007). W danych pracach koncept językowy rozpatrywany jest jako jednostka świadomości kulturowej i jest jednostką dynamiczną, a więc modyfikującą swoją strukturę i zawartość. W słowniku pt. *Краткий словарь когнитивных терминов* koncept rozpatrywany jest jako strukturalna jednostka świadomości, leksykonu mentalnego (Кубрякова et al., 1997, 90). Wobec tego warto przybliżyć pojęcie konceptu w ujęciu strukturalnym, zbliżonym do bytów konkretnych – jednostek leksykalnych (w uproszczeniu – słów i frazemów), które będzie niezbędne w dalszych badaniach:

¹ Za pomocą znaku „Ø” oddajemy znaczenie ‘brak czegoś’.

(...) koncept rozpatrywany [jest] jako kolektywna, aktualnie funkcjonująca, unikatowa, a zarazem uniwersalna wiedza językowa skoncentrowana wokół jednego obrazu dźwiękowego o poszerzonej polisemii (...). Koncept składa się z bytów materialnych. Dlatego sformułowanie: jeden wyraz gromadzi wokół siebie inne wyrazy należy uzupełnić następująco: jedno znaczenie może gromadzić „wokół siebie” setki bytów (wyrazów, kolokacji) na podstawie przynajmniej jednej relacji synonimii (Fedorushkov, Narloch, 2014, 187).

Mając na uwadze powyższy komentarz, zdecydowaliśmy się zbadać właśnie relacje systemowe, takie jak np. relacja synonimii (np. *глаза – очи, зенки, буркалы* i inne) lub hiperonimii. Okazało się, że typów relacji systemowych w zebranym materiale jest o wiele więcej (por. rozdział 4.2. pt. *Relacje paradygmatyczne*). Dostrzegliśmy także holonię (ГЛАЗА(ROS): *часть лица*), komeronimie (ГЛАЗА(ROS): *затылок*) i przede wszystkim fuzzynimie (ГЛАЗА(ROS): *душа, зеркало*). Zbiór tych relacji systemowych określiliśmy jako *potencjał relacji paradygmatycznych*. Potencjał taki jest prezentowany liczbowo (por. niżej – rozdział 5. pt. *Wyniki analizy oraz wnioski*). Spośród reakcji na bodziec OCZY w trzech analizowanych językach (wynikach eksperymentu asocjacyjnego) około połowę stanowiły jednak relacje nieparadygmatyczne. Są to relacje bodziec-reakcja oparte o strukturalne konwencje składniowe, np. *глаза горят, зеленые глаза*, które w istocie są relacjami syntagmatycznymi. Jeśli w słowotwórstwie, morfologii i składni są to relacje uwydatnione na zasadzie *per analogiam*, to w obrębie „odtworzonego” systemu leksykalnego w modelu asocjacyjnym są one wysoce implicytne. Badacz Mark Bloch uznaje, że w różnych wariantach systemowo-asocjacyjnych powiązań semantycznych słów o wiele trudniej dostrzec podobieństwo takich relacji (por.: Блох, 2004, 49). Nie mniej jednak uznajemy, że próby takiego dostrzegania warto podejmować zwłaszcza w obrębie kultur i języków zbliżonych.

4. ANALIZA OBIEKTÓW BADAWCZYCH

Obiekty badawcze pochodzą ze słownika SAS, dlatego należy wyjaśnić, jak funkcjonuje dany słownik asocjacyjny i jaką wartość wnosi do badań językoznawczych. SAS jest narzędziem leksykograficznym, zawierającym zestawienie 112 słów-bodźców wraz z ich najczęstszymi skojarzeniami. Został napisany na podstawie wyników eksperymentu asocjacyjnego, przeprowadzonego w latach 1998–1999 z rodzimymi użytkownikami języków białoruskiego, bułgarskiego, rosyjskiego i ukraińskiego (około 500 osób dla każdego z języków). Nasze badania skupiają się na językach wschodniosłowiańskich, dlatego materiał w języku bułgarskim został pominięty. Eksperyment polegał na przedstawieniu uczestnikom ankiety ze słowami-bodźcami w ich ojczystym języku. Respondenci byli

poproszeni o podanie pierwszych skojarzeń słownych, które przychodzą im do głowy po prezentacji każdego bodźca. Artykuł hasłowy w danym słowniku wygląda następująco: dla każdego z języków podane jest słowo-bodziec (ГЛАЗА dla j. rosyjskiego, ОЧІ dla ukraińskiego i БОЧЫ dla białoruskiego), następnie wymienione są reakcje wraz z liczbą oznaczającą liczbę powtórzeń; reakcje w słowniku są ułożone według frekwencji – od najczęstszych do najrzadszych, tj. okazjonalnych. Autorzy słownika zwracają uwagę na podstawę teoretyczną swoich badań, którą jest

(...) uzasadnione w psychologii przekonanie, że zjawiska rzeczywistości, postrzegane przez człowieka w strukturze działalności i komunikacji, odzwierciedlają się w jego świadomości w taki sposób, że to odzwierciedlenie uwidacznia związki przyczynowe i przestrzenne między zjawiskami i emocjami wywołanymi postrzeganiem tych zjawisk, a obraz świata zmienia się od jednej kultury do drugiej (Уфимцева, 2004, 6; tłumaczenie – M.T.).

Badanie różnic i podobieństw językowych z pomocą słownika SAS ma jednak pewne ograniczenia. Po pierwsze, respondentami byli studenci uniwersytetów, więc wyniki eksperymentu nie są reprezentatywne dla ogółu społeczeństwa, a tylko dla tej wybranej grupy społecznej. Po drugie, badanie było przeprowadzane ponad 20 lat temu. Nowsze słowniki asocjacyjne nie powstają, niemniej jednak te starsze zawierają równie interesujący materiał. Wyniki analiz tych danych są również ciekawe i warto przyrzeć się im z bliska, zagłębiając się w istotne tendencje w obrębie wybranych parametrów. Wobec tego, możliwym uzupełnieniem niniejszych badań mogą posłużyć treści innych słowników asocjacyjnych. Należy wymienić tu następujące pozycje: *Русский ассоциативный словарь* pod red. Jurija Karaułowa (Караулов, 2002a, 2002b), *Словарь ассоциативных норм русского языка* (Леонтьев, 1977), *Український асоціативний словник* pod red. Switłany Martinek (Мартінек, 2002), *Асацыятыўны слоўнік беларускай мовы* (Цітова, 1981) i in. Badane wschodniosłowiańskie pola asocjacyjne można także porównać z polskim OCZY na podstawie *Polskiego słownika asocjacyjnego* pod red. Romana Gawarkiewicza (Gawarkiewicz, 2008).

Opisy parametrów (por. niżej) będą zilustrowane przykładami językowymi, co pozwoli lepiej zrozumieć zastosowane kryteria analizy oraz ich praktyczne zastosowanie. Skomentowane będą następujące parametry: frekwencja reakcji, typ relacji (syntagmatyczna lub paradygmatyczna), przynależność do określonej kategorii leksykalno-tematycznej oraz interesujący parametr, który określamy jako przynależność reakcji do języka obcego w stosunku do bodźca.

W statystyce językoznawczej frekwencja to „liczba wystąpień badanego elementu językowego w danej próbie. Częstotliwość nazywa się też synonimicznie cz. absolutną i przeciwstawia się tzw. cz. względnej, która odpowiada stosunkowi cz. do wielkości próby” (Polański, 1999, 99). Na obecnym etapie pracy braliśmy

pod uwagę jedynie typy reakcji, czyli umniejsziliśmy absolutny typ frekwencji występowania odpowiedzi ankietowanych do $\text{freq}=1$. Liczba typów reakcji dla bodźca OCZY wyniosła 162 dla języka rosyjskiego, 132 dla ukraińskiego i 185 dla białoruskiego. Natomiast liczba okazów reakcji na bodziec OCZY dla danych języków to 552, 468 i 578. Różnica w liczbach okazów wynika z ilości ankietowanych osób w danych językach. Najwięcej respondentów wzięło udział w badaniu dla języka białoruskiego, najmniej – ukraińskiego. Należy tu stwierdzić, że opisane dane liczbowe są względnie proporcjonalne w porównaniu z innymi artykułami hasłowymi SAS.

Opisane wyżej dane statystyczne i frekwencyjne odnoszą się do relacji systemowych przede wszystkim pomiędzy bodźcem a reakcją. Istnieją oczywiście inne możliwości wglądu w wyniki eksperymentu. Należy tu zaznaczyć, że analiza relacji na linii reakcja-reakcja (np. w obrębie jednego bodźca) nie jest możliwa ze względu na charakter eksperymentu asocjacyjnego mającego na celu wykrycie norm skojarzeniowych, a więc linii bodziec-reakcja. Teoretycznie można jednak zbadać relacje paradygmatyczne i syntagmatyczne w parze na linii reakcja-reakcja na zasadzie *per analogiam*, np. ГЛАЗА(ROS): *синие, зелёные, карие* jako reakcje o naturze syntagmatycznej (związek zgody), obliczając w ten sposób potencjał paradygmatyczny samych reakcji: każda reakcja w powyższym przykładzie to kohiponim w stosunku do hiperonimu kolor/ barwa. Nie jest to jednak przedmiotem naszych badań.

4.1. Relacje syntagmatyczne

Relacja syntagmatyczna między elementami systemu mieści się w układzie zwanym akomodacją lub akomodacją syntaktyczną (por.: Saloni, Świdziński, 1998, 111). Akomodacja to zależność składniowa jednego wyrazu od drugiego (por.: Nagórko, 2007, 262). W literaturze przedmiotu dana relacja nazywana jest także kookurencją. Kookurencja stanowi stosunek współwystępowania i znajduje się w opozycji do komutacji – stosunku występowania wymiennego, tj. paradygmatycznego (por.: Sroka, 2022, 205). Badacz Kajetan Wobszal specjalizujący się w zakresie wizualizacji graficznej (grafowej) relacji systemowych uważa, że akomodacja jest to „związek wyrazów, którego elementy (wśród których można wyróżnić elementy główne i podrzędne) dostosowują do siebie swoje właściwości paradygmatyczne i możliwości fleksyjne (formy wyrazów) w odpowiedni – głęboko syntagmatyczny – sposób” (Wobszal, 2022, 7; tłumaczenie – Y.F.). Stosunki syntagmatyczne są to „relacje między elementami w wyrażeniach językowych (Lachur, 2004, 201). Według badacza Blokha są to relacje liniowe w czasie (segmenty dźwiękowe) i piśmie i realizują się jako „bezpośrednie relacje elementów w sekwencji segmentalnej (łańcuchu)

(por.: Блох, 2004, 43; tłumaczenie – Y.F.). W praktyce oznacza to, że relacje syntagmatyczne są typem schematu heurystyczno-syntaktycznego, utartej konstrukcji morfoskładniowej z konwencjonalną łączliwością semantemów dwóch (i więcej) różnych leksemów. Badanie tych relacji umożliwia identyfikację konkretnych powiązań między elementami językowymi, co jest istotne dla analizy struktury i funkcjonowania języka w kontekście rzeczywistych wyrażen językowych. Wykryte typy relacji syntagmatycznej dotyczą klasycznego podziału na związki rzędu (zależność jednego członu połączenia od drugiego – w tym podrzędność wyrazu nieodmiennego wobec głównego) oraz związków zgody (tzw. kongruencja – tożsamość kategorii gramatycznych członów) z niewielkim wyjątkiem: do zbioru relacji syntagmatycznej dodaliśmy reakcje, które potencjalnie tworzą z bodźcem relację syntagmatyczną, np. ГЛАЗА(ROS): *смотримь*. Wyróżniliśmy trzy podgrupy (1. związek przynależności, 2. związek rzędu, 3. związek zgody) dla trzech obszarów językowych:

Tabela 1. Typy reakcji w obrębie relacji syntagmatycznych na linii BODZIEC-reakcja w SAS

PGR	Relacja syntagmatyczna	Przykład ROS	Przykład UKR	Przykład BIAL
1	akomodacja: związek przynależności imienny	<i>глаза как у клоуна</i>	<i>очі з великими віями</i>	<i>вочы як люстэрка</i>
	akomodacja: związek przynależności właściwy	<i>глаза навывкат</i>	∅	<i>вочы навывкате</i>
2	akomodacja: związek zgody	<i>зеленые глаза</i>	<i>зелені очі</i>	<i>зялёныя вочы</i>
	akomodacja: związek zgody (koordynacja)	<i>глаза видят</i>	<i>очі бачуть</i>	<i>вочы бачаць</i>
	proakomodacja: związek zgody	<i>твой глаза</i>	∅	∅
3	akomodacja: związek rzędu	<i>открыть глаза</i>	<i>повиколою очі</i>	<i>хаваць вочы</i>
	proakomodacja: związek rzędu	<i>два глаза</i>	<i>очі мамі</i>	<i>вочы дзяўчыны</i>

Źródło: opracowanie własne autorów.

W rozdziale 5. pt. *Wyniki analizy oraz wnioski* przedstawimy dane statystyczne uzyskane po podliczeniu trzech typów oraz podtypów związków. Należy w tym miejscu wyjaśnić sformułowania *proakomodacja: związek zgody* oraz *proakomodacja: związek rzędu*. Są to relacje niepełne, nie osiągające swojej pełnej realizacji, tj. elementy przewidywane według konwencji akomodacji, występują właściwie jako części integralne związków składniowych. Przykładem relacji „proakomodacja: związek rzędu” dla języka rosyjskiego jest ГЛАЗА: *видеть* (akomodacja to *видеть глазамі*); dla ukraińskiego: ОЧІ: *бачити*; dla białoruskiego: ВОЧЫ: *бачыць*. W języku rosyjskim ГЛАЗА: *твой* może posłużyć jako przykład relacji „proakomodacja: związek zgody”, w którym przewidywana akomodacja może zostać zrealizowana w połączeniu *твои глаза*.

4.2. Relacje paradygmatyczne

Stosunki paradygmatyczne są to relacje typu „in absentia”, które nie są obserwowalne w składzie linearnego ciągu mowy (por.: Блох, 2004, 47). Stosunki występują pomiędzy elementami w systemie języka tej samej klasy (por.: Lachur, 2004, 198). W praktyce oznacza to, że stosunki paradygmatyczne obejmują zestawienie elementów językowych, które mogą występować w tym samym kontekście lub pełnić tę samą funkcję w zdaniu lub frazie. Przykładami takich relacji może być synonimia, holonimia czy hiperonimia. Dla ułatwienia technicznego obliczenia danych dodaliśmy fuzzynimie do grupy relacji systemowych, choć zdajemy sobie sprawę, że systemowość fuzzynimii często jest kwestią sporną ze względu na idiosynkratyczność symbolu językowego jako takiego: dla jednych brzoza to np. symbol ojczyzny, dla innych – symbol wiosny (Kulewicz, 2003, 23). W tabeli ukazane zostały wykryte typy relacji wraz z przykładami.

Tabela 2. Typy reakcji w obrębie relacji paradygmatycznych na linii BODZIEC-reakcja w SAS

Lp.	Typ relacji	ROS: ГЛАЗА	UKR: ОЧІ	BIAL: ВОЧЫ
1	Fuzzynimia	глобус	дірочки	праўда
2	Holonimia	лицо	обличчя	твар
3	Kohiponimia	затылок	вуха	вушы
4	Meronimia	зрачки	зрачки	зрэнкі
5	Quasisynonimia	око	∅	вочы душы
6	Synonimia	буркалы	∅	∅

Źródło: opracowanie własne autorów.

Omówienie wyników opartych o proponowaną klasyfikację przedstawimy w rozdziale 5.

4.3. Znaczenie oraz kategoryzacja leksykalno-tematyczna

Znaczenie leksykalne bodźca OCZY na poziomie asocjacji wymknęło się spod konwencji definicji słownikowych, znacząco przekroczyło granice takiej definicji z jego prymarnymi i sekundarnymi znaczeniami (np.: Кузнецов, 1998; Евгеньева, 1999; Ефремова, 2000 – dla rosyjskiego, dla ukraińskiego – np.: Білодід, 1970, dla białoruskiego – np.: Крапива, 1977). Wobec tego zdecydowaliśmy się na własną klasyfikację leksykalno-tematyczną wyrazu *oczy* w obrębie reakcji. Leksykalne pole konceptu OCZY można więc podzielić na następujące obszary, które zostały przedstawione w poniższej tabeli wraz z przykładami reakcji:

Tabela 3. Kategorie leksykalno-tematyczne reakcji w stosunku do bodźca OCZY wraz z przykładami

Lp.	Znaczenie	ROS: ГЛАЗА	UKR: ОЧІ	BIAL: ВОЧЫ
1	Organ	зрачок	ніс	твар
2	Przynależność	матери	коханого	дзяўчыны
3	Kolor	голубой цвет	чорний	блакітны колер
4	Charakter	добрые	щирі	шчырасць
5	Emocje	сияют	радісні	заплаканыя
6	Wygląd	симпатичные	чисті	туш
7	Piękno	красивые	гарні	прыгожыя
8	Uczucia	любви	кохання	улюбёнасць
9	Rozmiar	широкие	великі	вялікія
10	Intelekt lub jego brak	умные	розумні	тупыя
11	Kształt	глобус	круглі	як яблыкi
12	Jakość/sposób widzenia	очки	окуляри	акуляры
13	Nastawienie na inną osobę	б тебя не видели	∅	∅

Źródło: opracowanie własne autorów.

Na obecnym etapie badań kategoryzacja leksykalno-tematyczna jest rozprawowywana, więc dane liczbowe mogą ulec zmianom. Wstępne wyniki kategoryzacji wykazują, że statystycznie dla języka rosyjskiego dominują następujące kategorie: Kolor (19 typów reakcji), Część ciała (15), Charakter (13). Dla ukraińskiego: Kolor (15), Wygląd (13), Charakter (11). Dla białoruskiego: Kolor (23), Wygląd (20), Część ciała (15).

4.4. Obecny język reakcji

Mimo, że respondenci wypełniali ankiety w swoich językach ojczystych, część z nich udzieliła odpowiedzi w języku rosyjskim: Białorusini – 22 reakcje w j. ros., Ukraińcy – 2 reakcje w j. ros. Poniżej zostały wypisane rosyjskojęzyczne reakcje na bodźce w języku białoruskim i ukraińskim:

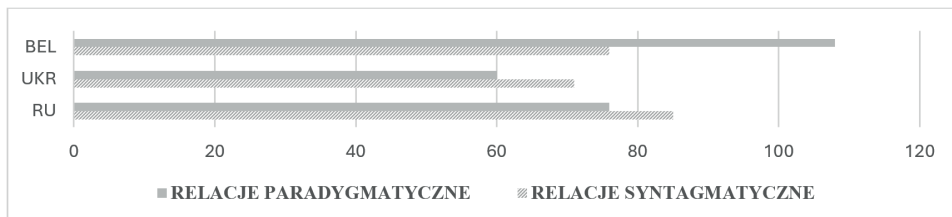
ВОЧЫ(BIAL): *серые, видеть, лицо, очки, смотреть, ресницы, взгляд, веки, большие, глубокие, тушь, чистота, голубизна, блеск, глубина, линзы, окна, серо-голубые, вилка, глаза, глазницы, уверенность*

ОЧІ(UKR): *зрачки, зеркало*

Jest to ciekawe zjawisko, w którym badani ‘mylą’ języki podczas udzielania odpowiedzi. Może to wskazywać na efekty polityki językowej w danych krajach, które przez długi czas były pod wpływem ZSRR, a następnie Rosji.

5. WYNIKI ANALIZY ORAZ WNIOSKI

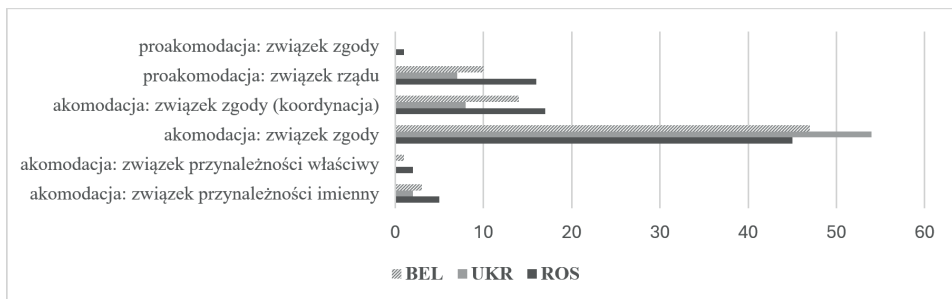
Na podstawie analizy zebranych danych przeprowadzono obliczenia, których wyniki zostały przedstawione w postaci różnorodnych wykresów, ilustrujących istotne zależności i tendencje w badanych zjawiskach.

Rysunek 1. Stosunek liczby relacji syntagmatycznych do paradygmatycznych przy frekwencji reakcji zawężonej do 1 występowania (freq=1)

Źródło: opracowanie Maria Tomiak

Pierwszy wykres przedstawia stosunek liczby wykrytych relacji syntagmatycznych do relacji paradygmatycznych przy freq=1. Na pierwszy rzut oka widać, że w języku ukraińskim i rosyjskim relacje syntagmatyczne dominują nad relacjami paradygmatycznymi, jednak jest to nieznaczna różnica. Respondenci w tych językach częściej opierali swoje odpowiedzi na relacjach składniowych. Natomiast w języku białoruskim zdecydowanie przeważają reakcje motywowane relacjami paradygmatycznymi – było aż 108 takich typów reakcji.

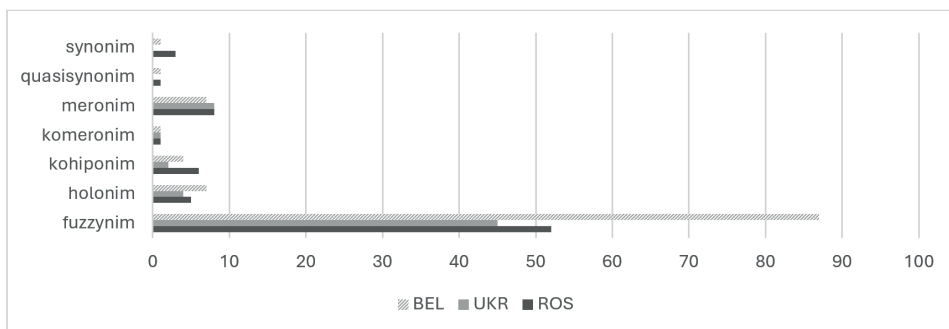

Rysunek 2. Typ relacji syntagmatycznej przy freq dla reakcji zawężonej do 1 występowania (freq=1)

Źródło: opracowanie Maria Tomiak

Najwięcej można dostrzec relacji typu „akomodacja: związek zgody”, co potwierdza tezę badaczki Klimenko, która zauważyła, że najczęściej w relacjach

syntagmatycznych pojawiają się „reakcje związku zgody typu atrybutywnego” (Клименко, 2018, 106), tj. reakcje, które określają cechy danej osoby, przedmiotu lub zjawiska. W przypadku bodźca OCZY są to najczęściej przymiotniki nazywające ich kolor, rozmiar i kształt (np. ГЛАЗА(ROS): *голубые, карие, большие, узкие* itd.). Część określeń wyrażało subiektywną ocenę (np. ГЛАЗА(ROS): *красивые*), wskazywało na uczucia, cechy charakteru lub intelekt (np. ГЛАЗА(ROS): *печальные, добрые, умные*).

Rysunek 3. Typ relacji paradygmatycznej przy frekwencji reakcji zawężonej do 1 występowania

Źródło: opracowanie Maria Tomiak

Tylko niewielką część relacji paradygmatycznych stanowi relacja synonimii i quasisynonimii – w języku ukraińskim nie pojawiła się ona wcale. Tak samo marginalna okazała się komeronimia. Zdecydowanie częściej badani udzielali odpowiedzi, które były związane ze słowem-bodźcem na podstawie relacji kohiponimii, meronimii i holonimii, tj. na zasadzie równorzędności pojęć oraz na relacji część-całość. Najczęstszym typem relacji okazała się fuzzynimia, w której bodziec i reakcja związane są ze sobą nie bezpośrednio, lecz czysto na zasadzie skojarzenia. Niektóre z takich fuzzynimów były nieoczywiste, szczególnie w języku białoruskim (np. ВОЧЫ(BIAŁ): *ноч, Японія, нож, акія*), w którym ta relacja zdecydowanie przeważała w porównaniu z reakcjami w innych badanych językach. Należy tu wskazać na jednostronne spojrzenie na relację rozmytą – fuzzynimię. Na obecnym etapie nie bierzemy pod uwagę podtypów owej relacji opracowanych przez mgr Karolinę Piotrowską w pracy magisterskiej pt. *Сравнение потенциала системных отношений: польское и русское ассоциативные измерения концепта ЛЮБОВЬ*. K. Piotrowska wyróżnia następujące podtypy relacji fuzzynimii:

- fuzzynimia właściwa: ЛЮБОВЬ: *гармония*; МІЛОŚĆ: *przyjemność*;
- fuzzynimia z obecnością desygnatu (osoba): ЛЮБОВЬ: *Лена*, МІЛОŚĆ: *Tomek*;
- fuzzynimia w obecności hiperonimii: ЛЮБОВЬ: *чувство*; МІЛОŚĆ: *сладкое чувство*;

– fuzzynimia w obecności quasiantonimów: ЛЮБОВЬ: зло; MIŁOŚĆ: gniew;

– fuzzynimia w obecności quasisynonimów: ЛЮБОВЬ: верность; MIŁOŚĆ: wieczność (por.: Piotrowska, 2002, 6, 31–32).

Należy stwierdzić, że wskazana klasyfikacja w dużej mierze umożliwia badanie właśnie typowych skojarzeń paradygmatycznie głębszych. Jednak każde pole asocjacyjne może wymagać modyfikacji powyższej klasyfikacji fuzzynimii.

6. UWAGI KOŃCOWE

Typ reakcji w eksperymencie asocjacyjnym – syntagmatyczny czy paradygmatyczny – pozostaje zjawiskiem intrygującym na tle eksperymentów przeprowadzonych na przykładzie innych języków. W następnych dwóch etapach badawczych zamierzamy zbadać, po pierwsze, wymiar okazów (tj. reakcji powtarzających się), uwzględniając rzeczywistą frekwencję ich występowania. Ponadto, do omówionych wcześniej parametrów dodany będzie parametr ‘frazematyczność’, w którego kluczu przeanalizowany zostanie zebrany materiał. Szczegółnemu przyjrzeniu się poddane będą przede wszystkim relacje syntagmatyczne. Wykorzystamy w tym celu klasyfikację frazemów (por. rozdział I.2.11. pt. *Klucz frazematyczny: kwalifikatory decyzyjne* w monografii Fedorushkov, 2019, 96–98) opartego o podział frazemów na typy kolokacji oraz idiomów. Jest to szczególnie ważne, gdyż część skojarzeń może być oparta na różnego rodzaju frazematyzmach, tj. przede wszystkim kolokacjach, idiomach, ale także paremiach – zwłaszcza wspólnych dla badanych języków, jak zapożyczonych. Po drugie, oprócz reakcji na bodziec OCZY, przeanalizowane zostaną również reakcje zwrotne, w których słowo *oczy* figuruje jako reakcja na różnorodne bodźce, jak na przykład ДЕБОЧКА(ROS): *с глазами волчицы*, ХВОРИЙ(UKR): *на очі*, ЧАЛІАБЕК(BIAŁ): *вочы*. Dane zabiegi (analiza pełnej frekwencji oraz analiza reakcji zwrotnych) umożliwią wyeksponowanie pełniej reprezentacji badanego pola pojęciowego w obrębie SAS. Czynności te, przy dołączeniu badań innych zbliżonych pól asocjacyjnych, mogą przyczynić się w przyszłości do stworzenia mapy leksykalno-semantycznej, którą umownie można określić jako „Ciało człowieka/ Percepcja”.

BIBLIOGRAFIA (REFERENCES)

- Babenko, L.G. (2004). *Filologicheskii analiz teksta. Osnovy teorii, printsipy i aspekty analiza: Uchebnik dlya vuzov*. Moskva–Ekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet.

- Bilodid, I.K. (1970). *Slovník ukráins'koï movi*: V 11 tomakh. Kiïv: Naukova dumka.
- Blokh, M.Ya. (2004). *Teoreticheskie osnovy grammatiki*. Moskva: Vysshaya shkola.
- Efremova, T.F. (2000). *Novyi slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi*. Moskva, Russkii yazyk.
- Evgen'eva, A.P. (1999). *Slovar' russkogo yazyka*: V 4-kh t. Moskva: Russkii yazyk, Poligrafresursy.
- Fedorushkov, Y. (2019). *Adaptacja warsztatu leksykograficznego do automatyzacji rozpoznawania frazemów w systemie uczącym się. Na przykładzie konstrukcji werbo-nominalnych języka rosyjskiego*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM.
- Fedorushkov, Y., Narloch, A. (2014). *Prolegomena do dydaktycznej prezentacji konceptu językowego w wizualizacji grafowej: na przykładzie rosyjskiego konceptu 'белый'*, *Studia Rossica Gedanensia*, 1, 179–208.
- Gawarkiewicz, R., Pietrzyk, I., Rodziewicz, B. (2008). *Polski słownik asocjacyjny: z suplementem*. Szczecin: PRINT GROUP.
- Karaulov, Yu.N., Cherkasova, G.A., Ufimtseva, N.V., Sorokin, Yu.A., Tarasov, E.F. (2002a). *Russkii assotsiativnyi slovar'*. V 2 t. T. I.: *Ot stimula k reaktsii*. Moskva: AST-Astrel'.
- Karaulov, Yu.N., Cherkasova, G.A., Ufimtseva, N.V., Sorokin, Yu.A., Tarasov, E.F. (2002b). *Russkii assotsiativnyi slovar'*. V 2 t. T. 2.: *Ot reaktsii k stimulu*. Moskva: AST-Astrel'.
- Klimenko, A.P. (2018). *Tipy semanticheskikh otnoshenii mezhdu stimulom i reaktsiei v svobodnom assotsiativnom eksperimencie* (104–110). V: *In Honorem: sbornik statei k 90-letiyu A.E. Supruny, V.N. Rudenko* (red.). Minsk: RIVSh.
- Krapiva, K. (1977). *Thumachal'ny sloŭnik belaruskai movy*. Minsk: Gal. red. Belaruskai Savetskai Entsyklapedyi.
- Kubryakova, E.S., Dem'yankov, V.Z., Luzina, L.G., Pankrats, Yu.G. (1997). *Kratkii slovar' kognitivnykh terminov*. Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Kuznetsov, S.A. (1998). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka*. Sankt-Peterburg: Norint.
- Lachur, Cz. (2004). *Zarys językoznawstwa ogólnego*. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego.
- Leont'ev, A.A. (1977). *Slovar' assotsiativnykh norm russkogo yazyka*. Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
- Martinek, S. (2007). *Ukráins'kii asotsiativnii slovník*. L'viv: Vidavnychii tsentr LNU imeni Ivana Franka.
- Maslova, V.A. (2007). *Kognitivnaya lingvistika*. Moskva: Flinta, Nauka.
- Nagórko, A. (2007). *Zarys gramatyki polskiej*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Piotrowska, K. (2022). *Сравнение потенциала системных отношений: польское и русское ассоциативные измерения концепта ЛЮБОВЬ*. Praca magisterska na kierunku filologia wschodniosłowiańska, specjalność filologia rosyjska na programie S2-FWSr w Instytucie Filologii Wschodniosłowiańskich UAM. Promotor: dr Yury Fedorushkov. Poznań. Zasób APD (<https://apd.amu.edu.pl>).
- Polański, K. (red.). (1999). *Encyklopedia językoznawstwa ogólnego*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Rudenko, V.N. (red.). (2018). *In Honorem: sbornik statei k 90-letiyu A.E. Supruny*. Minsk: RIVSh.
- Saloni, Z., Świdziński, M. (2007). *Składnia współczesnego języka polskiego*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Sroka, K.A. (2022). *Komutacja (stosunek paradygmatyczny) i kookurencja (stosunek syntagmatyczny) w świetle algebry Boole'a*, *Biuletyn PTJ, LXXVIII* (78), 205–220. <https://doi.org/10.5604/01.3001.0016.2020>
- Tsitova, A.I. (1981). *Asatsyyatynny sloŭnik belaruskai movy*. Minsk: vyd. BDU im. U.I. Lenina.
- Ufimtseva, N.V. (red.). (2004). *Slavyanskii assotsiativnyi slovar': russkii, belorusskii, bolgarskii, ukrainskii*. Moskva: Institut yazykoznanii RAN.

Wobszal, K. (2022). *Восточнославянский концепт ДОМ/ДОМ/ДИМ по данным ассоциативного словаря: сравнение и визуализация (на примере по ГЕРНІ и NEO4J)*. Praca magisterska na kierunku filologia wschodniosłowiańska, specjalność filologia rosyjska na programie S2-FWSr w Instytucie Filologii Wschodniosłowiańskich UAM. Promotor: dr Yury Fedorushkov. Poznań. Zasób APD (<https://apd.amu.edu.pl>).

- Бабенко, Л.Г. (2004). *Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: Учебник для вузов*. Москва–Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет.
- Білодід, І.К. (1970). *Словник української мови*. В 11 томах. Київ: Наукова думка.
- Блох, М.Я. (2004). *Теоретические основы грамматики*. Москва: Высшая школа.
- Евгеньева, А.П. (1999). *Словарь русского языка*: В 4-х т. Москва: Русский язык, Полиграфресурсы.
- Ефремова, Т.Ф. (2000). *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный*. Москва, Русский язык.
- Караулов, Ю.Н., Черкасова, Г.А., Уфимцева, Н.В., Сорокин, Ю.А., Тарасов, Е.Ф. (2002а). *Русский ассоциативный словарь*. В 2 т. Т. 1.: *От стимула к реакции*. Москва: АСТ-Астрель.
- Караулов, Ю.Н., Черкасова, Г.А., Уфимцева, Н.В., Сорокин, Ю.А., Тарасов, Е.Ф. (2002б). *Русский ассоциативный словарь*. В 2 т. Т. 2.: *От реакции к стимулу*. Москва: АСТ-Астрель.
- Клименко, А.П. (2018). *Типы семантических отношений между стимулом и реакцией в свободном ассоциативном эксперименте (104–110)*. В: *In Нопорет: сборник статей к 90-летию А.Е. Супруна*, В.Н. Руденко (ред.). Минск: РИВШ.
- Крапива, К. (1977). *Тлумачальны слоўнік беларускай мовы*. Мінск: Гал. рэд. Беларускай Савецкай Энцыклапедыі.
- Кубрякова, Е.С., Демьянков, В.З., Лузина, Л.Г., Панкрац, Ю.Г. (1997). *Краткий словарь когнитивных терминов*. Москва: Издательство Московского государственного университета.
- Кузнецов, С.А. (1998). *Большой толковый словарь русского языка*. Санкт-Петербург: Норинт.
- Леонтьев, А.А. (1977). *Словарь ассоциативных норм русского языка*. Москва: Издательство Московского университета.
- Мартінек, С. (2007). *Український асоціативний словник*. Львів: Видавничий центр ЛНУ імені Івана Франка.
- Маслова, В.А. (2007). *Когнитивная лингвистика*. Москва: Флинта, Наука.
- Руденко, В.Н. (ред.). (2018). *In Нопорет: сборник статей к 90-летию А.Е. Супруна*. Минск: РИВШ.
- Уфимцева, Н.В. (ред.) (2004). *Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский*. Москва: Институт языкознания РАН.
- Цітова, А.І. (1981). *Асацыятыўны слоўнік беларускай мовы*. Мінск: выд. БДУ ім. У.І. Леніна.

Anna Ginter

 <https://orcid.org/0000-0001-6735-6149>

Uniwersytet Łódzki

Wydział Filologiczny

Instytut Rusycystyki

Zakład Przekładu i Dydaktyki

90-236 Łódź, ul. Pomorska 171/173

anna.ginter@uni.lodz.pl

VLADIMIR NABOKOV JAKO TŁUMACZ: AUTORSKI PRZEKŁAD WYBRANYCH GIER SŁOWNYCH W POWIEŚCI *LOLITA*

**Vladimir Nabokov as a Translator: the Author's Translation
of Selected Wordplays in the Novel *Lolita***

Streszczenie

Głównym celem artykułu jest przedstawienie rezultatów obserwacji dotyczących strategii i metod translatorskich zastosowanych przez Vladimira Nabokova w procesie przekładu z języka angielskiego na rosyjski jego najbardziej znanej powieści zatytułowanej *Lolita*.

Rozważania prowadzone są w odniesieniu do przekładu gier słownych, które w tekście Nabokova stanowią element gry między autorem i czytelnikiem. Zadaniem dobrego czytelnika jest zdaniem pisarza podążanie za tokiem myślenia autora, odnajdywanie łamigłówek słownych i odszyfrowywanie ukrytych w nich informacji – nie zawsze istotnych dla fabuły. Jak dowodzą tego ukazane w artykule przykłady, w swoich kombinacjach słownych i brzmieniowych Nabokov wykorzystywał elementy związane z kręgiem kulturowym swojego odbiorcy. Przekład angielskich gier słownych na język rosyjski często wymagał więc od niego utworzenia nowych zestawień wyrazowych, by czytelnik rosyjskojęzyczny mógł doświadczyć tych samych wrażeń, których podczas czytania doświadcza odbiorca oryginału.

Rezultaty przeprowadzonej analizy pokazują decydującą rolę różnic kulturowych w mniej lub bardziej udanych próbach przekładu gier słownych w przypadku tłumacza, który podjął trud przetłumaczenia tekstu własnej powieści z języka dla siebie obcego, choć doskonale znanego, na język rodzimy, choć już nieco zapomniany.

Słowa kluczowe: Vladimir Nabokov, gra słów, przekład, *Lolita*.

Received: 21.10.2024. Verified: 18.11.2024. Accepted: 20.12.2024.

© by the author, licensee University of Lodz – Lodz University Press, Lodz, Poland. This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution license CC-BY-NC-ND 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/>)

Summary

The main aim of this article is to present the results of observations concerning the translation strategies and methods employed by Vladimir Nabokov in the process of translating his most famous novel, *Lolita*, from English into Russian.

The discussion focuses on the translation of wordplay, which in Nabokov's text serves as an element of play between the author and the reader. According to the writer, a good reader's task is to follow the author's train of thought, uncover word puzzles, and decode the hidden information within them – information that is not always essential to the plot. As illustrated by the examples presented in the article, Nabokov uses elements characteristic of the cultural circle of his audience in his verbal and phonetic combinations. Therefore, translating English wordplay into Russian often required him to create new combinations of words so that the Russian-speaking reader could experience the same effects as the original audience.

The results of the analysis demonstrate the decisive role of cultural differences in the more or less successful attempts to translate wordplay in the case of a translator who took on the challenge of translating the text of his own novel from a language that was foreign to him, though well-known, into his native language, which was somewhat forgotten.

Keywords: Vladimir Nabokov, wordplay, translation, *Lolita*.

W słownikach terminów literackich gra słów definiowana jest najczęściej jako wykorzystanie brzmieniowego podobieństwa między słowami do uwydatnienia ich wartości lub wielowartościowości semantycznej, wzajemnej obcości bądź spajających je więzów pokrewieństwa, analogii czy kontrastu (Cuddon, 1986; Morner, Rausch, 1994; Sławiński i in., 1994). Manipulacje głoskami, literami, sylabami i wyrazami prowadzą do powstawania nowych, często niejednoznacznych, kompozycji brzmieniowych. Zwykle jednak ukryte w ten sposób informacje i znaczenia mogą zostać odnalezione, odczytane i właściwie (tzn. zgodnie z zamysłem autora) zrozumiane tylko wtedy, gdy zostanie uwzględnione określone tło kulturowe. Jest to zresztą zgodne z koncepcją holistycznego traktowania znaczenia, według której stanowi ono rezultat interakcji zachodzących między realnym światem, ujmującym go umysłem, przestrzenią społeczną, w której przebiegają owe procesy oraz medium interpretacji, czyli językiem uwikłanym w różnorodne kulturowo zmienne systemy wartości (por.: Maciaszek, 2013).

Trudno jest zatem rozszyfrować grę słów, a jeszcze trudniej ponownie ją zakodować w tekście przekładu dzieła literackiego. Należy bowiem wziąć pod uwagę odmienne uwarunkowania, w których powstawało i w których jest ono odczytywane, tzn. relacje społeczne, rozwój i historię oraz indywidualne doświadczenie nadawcy i odbiorcy, a jednocześnie zachować wartość artystyczną tekstu i zamysł twórczy jego autora. Widać to doskonale na przykładzie translatorskich decyzji Vladimira Nabokova podejmowanych w procesie autorskiego przekładu jednej z najbardziej znanych jego powieści. Warto zatem w tym zakresie prześledzić problemy związane z różnicami kulturowymi i realioznawczymi dzielącymi Wschód i Zachód, z jakimi zetknął się pisarz, tłumacząc *Lolitę* z języka angielskiego na rosyjski.

FUNKCJA GIER SŁOWNYCH W TEKSTACH LITERACKICH NABOKOVA

Instrumentacja dźwiękowa i gra słów w powieściach Nabokova pełnią funkcję równorzędną, a niekiedy nawet nadrzędną wobec warstwy semantycznej (por.: Ginter, 2003, 33–70). Pisarz wykorzystuje wiele różnych odmian gier słownych w celu uzyskania efektów komicznych lub satyrycznych. Należą do nich między innymi metagram, kontaminacja, gry zbudowane na podstawie niejednoznaczności. Ulegając emocjom, bohaterowie powieści w sposób przez nich niezamierzony zestawiają wyrazy i tworzą gry półsłówki bądź wydobywają nowe znaczenia i ukryte lub nieoczywiste relacje z otaczającą rzeczywistością. Uzyskane w efekcie kombinacje brzmień i znaczeń dają humorystyczne rezultaty w odniesieniu do imion i nazwisk bohaterów. Tak powstały między innymi nazwiska nauczycielek w szkole dla dziewcząt w Beardsley (Nabokov, 1995, 195). Poddanie ich transformacji ma służyć przedstawieniu ironicznego opisu ich sylwetek, zachowania i stylu życia (patrz: Ginter, 2003, 203). Również sami bohaterowie Nabokova wykorzystują grę słów jako swoiste narzędzie walki. Wskazują na to na przykład kalambury ukryte w zapisach ksiąg gościnnych w hotelach, za pośrednictwem których Quilty w zaczepny sposób komunikował się z Humbertem, kpiąc z nieefektywności jego poszukiwań i starań.

Inne przykłady komicznych połączeń wyrazowych można znaleźć wśród gier słownych wykorzystujących wieloznaczność. Za ich pomocą Nabokov tworzy dwa równoległe poziomy semantyczne. Jeden z nich odnosi się do przedstawionego świata, drugi zaś ukazuje zwykle stan psychiczny bohaterów. Dwuznaczność przyczynia się do ujawnienia różnic między wiedzą autora i kreowanych przez niego postaci. Dzięki subtelnie zasugerowanym znaczeniom wyrazy ukazują czytelnikowi inny świat, ukryty pod warstwą słów danych bezpośrednio.

Warto też podkreślić, że zjawiska fonostylistyczne ułatwiają pisarzowi wciągnięcie do gry czytelnika. Rzeczywista akcja powieści rozgrywa się najczęściej między autorem i odbiorcą jego tekstu. Zadanie postawione przez Nabokova nie jest łatwe. Wymaga on od czytelnika swoich dzieł nieustannego podążania za swym tokiem myśli, co ma prowadzić do odnalezienia ukrytych informacji, kreowania nowych znaczeń i stopniowego odkrywania elementów rzeczywistego świata powieści. Zgodnie z założeniami autora, aktywny czytelnik ma czerpać radość z uczestniczenia w procesie odszyfrowywania kodu autora (patrz: Nabokov, 2016, 53).

Co więcej, bohaterowie powieści wykorzystują poszczególne odmiany instrumentacji głoskowej (aliteracje, konsonanse, onomatopeję sugestywną i in.) i gry słów, by złagodzić stan napięcia emocjonalnego lub ukryć zdziwienie. Wciąż powracające wspomnienia dawnych wydarzeń i dręczące myśli wywierają degenerujący wpływ na ich życie. Aby nie poddać się całkowitemu zniechęceniu i przygnę-

bieniu, swoją uwagę zajmują słowami. Zestawiają je w najróżniejsze kombinacje i uzyskują nadzwyczajne rezultaty brzmieniowe, a za ich pośrednictwem – również semantyczne. Te operacje wprawdzie dają niekiedy komiczne efekty, ale zawsze są środkiem do osiągnięcia dystansu do przeszłości i zaznania chwilowej ulgi.

Gra słów pełni zatem istotną i niezwykle złożoną funkcję nie tylko na płaszczyźnie struktury tekstu powieści. Stanowi ona również ważny element fabuły, odkrywając rzeczywisty przebieg wydarzeń, często nieznany nawet samym bohaterom, a także inicjuje nawiązanie relacji i swoistego współzawodnictwa między autorem i czytelnikiem. Wszystko to staje się jednak możliwe tylko wtedy, gdy i nadawca, i odbiorca pochodzą z tego samego kręgu kulturowego lub przynajmniej dysponują umiejętnością sprawnego poruszania się w danej rzeczywistości i istniejących w niej uwarunkowaniach.

NABOKOVOWSKIE KONCEPCJE PRZEKŁADU

W *Sztuce przekładu* (Nabokov, 2002), artykule obejmującym spostrzeżenia na temat tłumaczy i dokonywanych przez nich wyborów translatorskich, Nabokov wymienił trzy rodzaje „grzechów” (*mpy euda zpexoe*) popełnianych podczas przekładu (389–390):

1) błędy spowodowane brakiem wiedzy, umiejętności lub wynikające z niezrozumienia tekstu oryginału. Jak twierdził Nabokov, niewystarczająca znajomość języka obcego może przekształcić zwykłą frazę w tyradę, o jakiej autor nawet nie pomyślał. Do takich rezultatów dochodzi, gdy tłumacz upodoba sobie rzadsze znaczenie słowa i użyje go zamiast oczywistego i najbardziej znanego, lub gdy wykorzysta niewłaściwe znaczenie, które utrwaliło się w jego pamięci. W ten sposób tłumacz nadaje nieoczekiwane lub wysublimowane znaczenie najbardziej niewinnemu wyrażeniu bądź prostej metaforze. Pojawienie się w przekładzie „grzechów” tej kategorii jest zdaniem Nabokova wybaczone, gdyż wynika ze zwykłych ludzkich słabości.

2) świadome pomijanie słów i wyrażeń, które mogłyby, w ocenie tłumacza, okazać się niezrozumiałe lub nieprzyzwoite dla czytelnika, bądź też nie zostały zrozumiane przez samego tłumacza, ponieważ nie zadał sobie trudu, by wniknąć w ich sens i zadowolili się ich powierzchownym znaczeniem.

3) „wypolerowanie” i „wygładzenie” arcydzieła przez jego upiększenie i dostosowanie w ten sposób do gustu czytelnika. Jest to według Nabokova najpoważniejsze przestępstwo, za które należy poddawać tłumaczy najokrutniejszym torturom, jakimi w średniowieczu karano za plagiat.

W związku z metodą dokonywania przekładu Nabokov wyróżnił trzy typy tłumaczy (Nabokov, 2002, 394–395). Są nimi: uczony mąż, pragnący zarazić

cały świat swoją miłością do zapomnianego lub nieznanego arcydzieła, rzetelny wyrobnik literacki i profesjonalny pisarz. Pierwszy z nich jest bardzo dokładny i pedantyczny. Przypisy podaje na tych samych stronach, co autor w oryginale, nie przenosi ich na koniec książki i nigdy nie uważa ich za wyczerpujące czy zbyt drobiazgowe. Jest jednak pozbawiony kreatywności i wyobraźni, których nie zastąpi ani wiedza, ani gorliwość.

Gdy za pióro chwyta utalentowany poeta, obdarzony inwencją twórczą, często nie zna on języka oryginału i beztrząsowo ufa przekładowi dosłownemu, dokonanemu przez kogoś lepiej wykształconego; bądź też niekiedy zna on język, ale obcy jest mu perfekcjonizm uczonego i brak mu doświadczenia profesjonalnego tłumacza. W takim wypadku im większy jest jego talent poetycki, tym silniej oddziałuje on na pierwotny tekst dzieła, co skutkuje licznymi zmianami i przekształceniami w tekście przekładu. Jak pisze Nabokov, zamiast przyoblec utwór w ubranie autora, tłumacz ubiera go we własną odzież (Nabokov, 2002, 395).

Aby odtworzyć oryginał, tłumacz powinien być tak utalentowany, jak wybrany przez niego autor, a ich talenty powinny być jednakowej natury. Ponadto oczywiście obowiązuje go doskonała znajomość obydwu języków (oryginału i przekładu), obydwu narodów i kultur, szczegółów stylu autorskiego, etymologii słów i zasad słowotwórstwa oraz umiejętność dostrzegania w tekście aluzji historycznych, społecznych, kulturowych i literackich. A co najważniejsze, powinien wykazywać zdolności mimetyczne i działać tak, jakby to on był prawdziwym autorem, oddając w tekście przekładu z możliwie największym prawdopodobieństwem jego manierę mówienia i zachowania, charakter i sposób myślenia.

AUTORSKI PRZEKŁAD GIER SŁOWNYCH

Nabokov jako tłumacz własnych utworów próbował sprostać wymaganiom, które stawiał autorom przekładów. Mimo jeszcze nieosiągniętej lub już utraconej (w jego opinii) nadzwyczajnej biegłości w posługiwaniu się jednym z języków (patrz: Nabokov, 2016, 28) obydwa znał doskonale. W procesie tłumaczenia dążył do odtworzenia aluzji, realizując swoje autorskie zamierzenia. Był tą osobą, która ze znaczeń proponowanych przez słowniki umiała wybrać to, które było najbardziej odpowiednie nie tylko pod względem semantycznym, ale i fonetycznym. Nie starał się nic „wygładzać”, pamiętając o celach, jakie kierowały jego procesem pisarskim.

Jak jednak postępował, gdy gra słów obejmowała elementy typowe dla określonego kręgu kulturowego, a w przypadku przekładu „Lolity” – do całkowicie obcej czytelnikowi rosyjskiemu kultury amerykańskiej? Metody translatorskie stosowane przez Nabokova w takich sytuacjach rozważymy na podstawie kilku przykładów.

Pewnym rozwiązaniem dość często wykorzystywanym przez tłumaczy podczas przekładu gry słów jest dosłowne przeniesienie zestawienia obecnego w oryginale, często kosztem utraty dodatkowych efektów semantycznych. Tak też niekiedy czynił Nabokov: przenosił do tekstu rosyjskiego efekty brzmieniowo-znaczeniowe w ich angielskiej postaci, tracąc tym samym aluzje mające swe źródło w wieloznaczności. W ocenie pisarza (z którą trudno się nie zgodzić) było to jedynym możliwym rozwiązaniem zwłaszcza wtedy, gdy w centrum gry słów znajdowała się nazwa własna związana z wydarzeniami historycznymi i rozwojem społeczno-kulturowym, jak ma to miejsce w następującym przykładzie:

I deplore the Mann Act as lending itself to a dreadful pun, the revenge that the Gods of Semantics take against tight-zipped Philistines (L¹ 150).

O ile czytelnik angielskojęzyczny bez trudu rozszyfruje podwójne znaczenie nazwy dokumentu wynikające z wieloznaczności tworzących go elementów słownych oraz zbliżenia brzmieniowego:

Mann Act – 1) ustawa z 1910 r. o tzw. handlu białymi niewolnikami, od nazwiska inicjatora – senatora Jamesa Roberta Manna; według niej przewożenie kobiet przez granicę Stanów w celach niemoralnych jest traktowane jako ciężkie przestępstwo (patrz: LP 371); 2) z ang. ‘akt męski’, ‘czyn męski’;

o tyle dla odbiorcy rosyjskiego kalambur ten, mimo iż jego obecność w tekście została przez autora ujawniona, pozostałby niejasny (zakładając oczywiście, że nie zna on w dostatecznym stopniu języka angielskiego i amerykańskich realiów historyczno-społecznych). Uświadamiając sobie te rozbieżności w odbiorze powieści przez czytelnika tekstu źródłowego i docelowego, związane z konotacją wykorzystanej nazwy, Nabokov wyjaśnił za pomocą informacji dodanej do przekładu mechanizm powstania gry słownej:

Я не хочу одобрить этот самый Mann Act, хотя бы потому, что он поддается скверному каламбуру, если принять имя почтенного члена конгресса за эпитет «мужской»: так мстят боги семантики мещанам с туго застегнутыми гильфиками (Л 173).

Przekładu gry słów zbudowanej wokół nazwy własnej dotyczy również kolejny przykład. Odczytanie angielskiego zestawienia słów: „a black Caddy Lack” (L 246) i jego ponowne zakodowanie w rosyjskiej wersji powieści tylko z pozoru nie wydaje się trudne. Można sądzić, że gra słów polega tu jedynie na połączeniu ciągu głosek i rozpoznaniu nazwy samochodu – „Cadillac” («Кадиллак»). Czytelnik od początku zdaje sobie sprawę z tego, że ma do czynienia z kalamburem prowadzącym go do znanej mu nazwy i nie bierze pod uwagę znaczeń poszczególnych jego elementów. Dopiero później zaczyna dostrzegać trzecią warstwę se-

¹ Skróty zostały wyjaśnione na końcu artykułu.

mantyczną zaszyfowaną w tym zestawieniu, dotyczącą sytuacji społeczno-ekonomicznej i uwarunkowań kulturowych w ówczesnym świecie, a przynajmniej w ówczesnej Ameryce. W czasie, gdy powstawała „Lolita”, Cadillac jako najbardziej luksusowy amerykański samochód uważany był za symbol określonej pozycji społecznej i świadczył o doskonałej sytuacji materialnej właściciela. Uważny odbiorca dostrzeże tu jednak jeszcze jedną płaszczyznę składającą się na grę słów. Okazuje się bowiem, że porównanie obydwu rozwiązań (znaczeń poszczególnych elementów i ich połączeń) wydobywa ironię. Przekręcenie nazwy umniejsza wartość pojazdu przez utworzenie potocznego zdrobnienia (Caddy) oraz oddzielenie wyrazu ‘lack’ oznaczającego ‘niedostatek’, ‘brak’.

Podobny zabieg rozdzielenia i zniekształcenia nazwy został przeprowadzony przez Nabokova w przekładzie: „на черном Кадили Яке” (Л 281). Czytelnik rosyjski na pewno również utożsami napotkaną w tekście nazwę auta z rzeczywistym samochodem amerykańskim. W jego umyśle powstaną jednak nieco inne skojarzenia wynikające z odmiennej sytuacji ekonomicznej i kulturowej w Rosji, a wcześniej w Związku Radzieckim. Cadillac będzie dla niego czymś więcej niż świadectwem posiadania majątku, ponieważ skojarzy go z szeroko pojmowaną kulturą Zachodu. Można natomiast mieć wątpliwości co do tego, czy rozdzielenie nazwy na dwa wyrazy potraktuje jako ironiczny stosunek autora do bohatera lub do panujących w Stanach Zjednoczonych relacji społecznych. Najprawdopodobniej utworzone w ten sposób zestawienie odczyta zgodnie z podstawowym znaczeniem jego elementów jako ‘kadzili (siedząc) na czarnym jaku’ i potraktuje jako zwykłą zabawę słowami.

Przedstawione dotąd przykłady dotyczą manipulacji semantycznych związanych z rzeczywistością istniejącymi w języku angielskim znanymi nazwami. Niekiedy jednak Nabokov stawał się bardziej wymagający wobec swego rywala – czytelnika i prowokował go do większego wysiłku intelektualnego, wykraczając poza posiadaną przez niego wiedzę. Sięgał wówczas do innych języków, jak na przykład w zestawieniu:

any good Freudian, with a German name and some interest in religious prostitution, should recognize at a glance the implication of “Dr. Kitzler, Eryx, Miss” (L 250).

Tajemniczy doctor Kitzler jest postacią wymyśloną dla potrzeb powieści, a ściślej – gry słów, a jego nazwisko w języku niemieckim oznacza łechtaczkę. Natomiast skrót stanu Missouri można odczytać jako ‘miss’ – ‘panna’. Połączenie tych elementów z wcześniejszą wzmianką o prostytutce pozwala znaleźć w rozwiązaniu gry słów zakodowaną informację o podłożu historycznym: ‘panienki (lekkich obyczajów) z Eryx’, gdzie Eryx oznacza świątynię Afrodyty na Sycylii. Jej kapłanki oddawały się prostytutce.

Biorąc pod uwagę konieczność znajomości języka niemieckiego oraz posiadania określonej wiedzy historycznej do odczytania komponentów zestawienia

wyrazowego, gra słów stanowi w równym stopniu wyzwanie dla czytelnika wersji angielskiej i rosyjskiej. Pewien problem mógłby się pojawić być może tylko w przypadku utożsamienia skrótu nazwy stanu i angielskiego wyrazu pospolitego. Nabokov jednak zdecydował się pozostawić oryginalną postać gry słów, dlatego tekst rosyjski przekazuje dane z księgi hotelowej w sposób następujący:

всякий хороший фрейдист, с немецкой фамилией и некоторым знанием в области религиозной проституции, поймет немедленно намек в «Др. Китцлер, Эрикс, Мисс» (Л 286).

Nie zawsze w powieściach Nabokova znaczenie wyrazów jest tym elementem, który pełni najważniejszą funkcję. Niekiedy autor przekazuje treść za pośrednictwem specjalnie skonstruowanych połączeń brzmieniowych i związanych z nimi asocjacji. Dzięki temu powstaje druga płaszczyzna semantyczna, ukryta za słowami niewnoszącymi żadnej nowej treści do opisywanych sytuacji i wydarzeń. Nie mniej ważny dla czytelnika staje się wówczas sam fakt rozpoznania gry słów i odnalezienia wszelkich obecnych w niej treści. W takich wypadkach autor-tłumacz starał się dostosować w przekładzie grę słów do wiedzy czytelnika. W konsekwencji zmieniał sens poszczególnych jej komponentów, aby dostarczyć odbiorcy radości wynikającej z rozszyfrowywania zawartych w niej informacji. Wystarczy przyrzeć się, jak odmienne aluzje można odczytać z angielskiego kalambaru:

one hardy had to be a Coleridgean to appreciate the trite poke of: „A. Person, Porlock, England” (L 250).

i jego rosyjskiego odpowiednika:

П.О. Темкин, Одесса, Техас (Л 285).

Angielski poeta romantyczny Samuel Taylor Coleridge opowiadał o tym, jak przysnił mu się kompletny tekst poematu *Kubla Khan* i po przebudzeniu właśnie zaczął go zapisywać, gdy niespodziewanie przyszedł do niego „jakiś człowiek z Porlock” („a person of Porlock”). Po jego wyjściu Coleridge nie mógł sobie przypomnieć dalszego ciągu utworu i dlatego poemat pozostawił niedokończony (patrz: Nabokov, 1991, 279). Do tej anegdoty nawiązuje gra słów w angielskiej wersji *Lolity*. Natomiast w przekładzie Nabokov wykorzystał kinematograficzne skojarzenia, jakie mogą się nasunąć czytelnikowi rosyjskiemu po połączeniu pierwszych elementów zestawienia w nazwę «Потемкин, Одесса», związaną z filmem Siergieja Eisensteina *Pancernik Potiomkin*. Tłumacz przybliżył się tym samym do odbiorcy, jemu zaś przybliżył świat swojej powieści. Warto przy tym zwrócić uwagę na fakt, że dla przebiegu akcji i dla przedstawionej w powieści amerykańskiej rzeczywistości bliższe są wydarzenia związane z historią literatury angielskiej niż z rozwojem przemysłu filmowego w Związku Radzieckim. Nie to jednak było

istotne. Ważniejsze dla Nabokova okazało się zmniejszenie dystansu i obcości, jakie mógłby odczuć rosyjski czytelnik, a jakie spowodowane są różnicami między Wschodem i Zachodem.

ZAMIAST ZAKOŃCZENIA

Metody translatorskie Nabokova wyraźnie wskazują na znaczenie gry słów w odniesieniu do treści utworu oraz warstwy środków stylistycznych. Wbrew własnym poglądom, sformułowanym w dojrzałym okresie twórczości, zgodnie z którymi zadaniem tłumacza powinno być przede wszystkim odtworzenie semantyki oryginału (por.: Grayson, 1977, 14; Nabokov, 2016, 95), podczas przekładów autorskich starał się w równym stopniu zachować obydwa te elementy, to znaczy znaczenie i efekty (fono)stylistyczne. Nierzadko wiązało się to z dokonaniem pewnych przekształceń, na przykład zmianą rodzaju gry słów lub z wprowadzeniem dodatkowych informacji.

Oczywiście różnice między językiem angielskim i rosyjskim nie zawsze pozwoliły na odtworzenie efektów semantycznych i fonetycznych, co jest szczególnie widoczne w przypadku nazw własnych. Na przykład, tytułowa bohaterka zdominowała powieść, podporządkowując sobie nie tylko warstwę treści (jako główna bohaterka), ale też warstwę semantyczno-brzmieniową. Jej imię przybiera najróżniejsze formy (Lo, Lolita, Dolores, Dolly, Carmen i in.), pojawia się obok aliteracyjnie powiązanych z nim wyrazów, rozpoznawane jest w konsonantycznej budowie licznych fragmentów tekstu, a nawet jest pierwszym i ostatnim słowem powieści, tworząc jej klamrę. Nazwisko bohaterki (Haze – ‘mgła’) z kolei nakreśla tło całego i wprowadza do niego niepowtarzalny nastrój. Jego znaczenie przenika niemal wszystkie elementy przedstawionego świata, pozostawiając na nich ślady Lo (por.: Nabokov, 2016, 39). W mgłę wpisane są wydarzenia i przeżycia bohaterów, dzięki czemu powstają niezwykle efekty gry słów. Niestety Nabokowowi nie udało się tego osiągnąć w przekładzie. Dla czytelnika rosyjskiego tekstu nazwisko Геїз nie wyraża żadnych treści, a z pewnością nie kojarzy się z mgłą. Podobnie też niezwykle często spotykane w tekście synonimy mgły nie są przez niego utożsamiane z Lolitą. Pisarz oczywiście mógł jako nazwisko bohaterki wykorzystać rosyjski odpowiednik semantyczny wyrazu ‘haze’, ale zabieg ten spowodowałby zbyt daleko idące zmiany w treści całego utworu, być może nawet przeniesienie akcji powieści ze Stanów Zjednoczonych do Związku Radzieckiego (czego Nabokov dokonał w przekładzie *Alicji w Krainie Czarów*). Powieść uległaby wtedy całkowitemu zniekształceniu i oddaleniu od oryginału. Wobec takich konsekwencji decyzja Nabokova o pozostawieniu imion i nazwiska Lolity w wersji oryginalnej, a tym samym o rezygnacji z gier słownych utworzonych na ich podstawie, wydaje się w pełni uzasadniona.

WYJAŚNIENIE SKRÓTÓW

- L – Nabokov, V. (1995). *Lolita*. London: Penguin Books.
LP – Nabokov, V. (1991). *Lolita*, przekł. i posł. R. Stiller. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy.
Л – Набоков, В. (1989). *Лолита*. МП «АНИОН». (Nabokov, V. (1989). *Lolita*. МП „ANION”).

BIBLIOGRAFIA (REFERENCES)

- Cuddon, J.A. (1986). *A Dictionary of Literary Terms*. London: Penguin Books.
Ginter, A. (2003). *Świat za słowami Vladimira Nabokova. Zabawy słowne i ich przekład*. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego.
Grayson, J. (1977). *Nabokov Translated. A Comparison of Nabokov's Russian and English prose*. Oxford: Oxford University Press.
Maciaszek, J. (2013). *Holistyczna teoria znaczenia Kazimierza Ajdukiewicza. Próba krytycznej analizy*, Przegląd Filozoficzny, 4, 265–284, <https://doi.org/10.2478/pfns-2013-0092>, <http://www.czasopisma.pan.pl>, dostęp: 20.10.2024.
Morner, K., Rausch, R. (1994). *NTC's Dictionary of Literary Terms*. Lincolnwood, Illinois, USA: National Textbook Company.
Nabokov, V. (1991). *Lolita*, przekł. i posł. R. Stiller. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy.
Nabokov, V. (1995). *Lolita*. London: Penguin Books.
Nabokov, V. (2002). *Sztuka przekładu*. W: *Wykłady o literaturze rosyjskiej*. Warszawa: Wydawnictwo Muza SA, 393–402.
Nabokov, V. (2016). *Własnym zdaniem*. Warszawa: Wydawnictwo Aletheia.
Sławiński, J., Głowiński, M., Kostkiewiczowa, T., Okopień-Sławińska, A. (1994). *Podręczny słownik terminów literackich*. Warszawa: Wydawnictwo Open.
Sławiński, J., Głowiński, M., Kostkiewiczowa, T., Okopień-Sławińska, A. (1988). *Słownik terminów literackich*. Wydawnictwo Ossolineum.

Инга Милевич (Inga Milevich) <https://orcid.org/0000-0002-4948-8655>*Колледж Альберта**LV-1010, Riga, Latvia, Skolas 21**inga.milevica@gmail.com*

КЛАССИФИКАЦИИ СТРАТЕГИЙ ПЕРЕВОДА В НАУЧНЫХ СТАТЬЯХ И НАИВНЫЙ МЕТОД: РЕЗУЛЬТАТЫ КВАЗИЭКСПЕРИМЕНТА

Classifications of Translation Strategies in Scientific Articles and the Naive Method: Results of a Quasi-Experiment

Резюме

Целью настоящей статьи является определение понятия «наивный метод», которое до сих пор не было введено в активное использование. Наивный метод можно определить как метод исследования, применяемый в наивном языкознании и/или зомби-науке, поскольку его характеризует легкость применения и простота интерпретации результатов его применения. В качестве основы для наивного метода исследования стратегий перевода могут быть выбраны те классификации, применение которых, с одной стороны, наиболее легко и не трудоемко и которые, с другой стороны, принадлежат определенным авторам, создают необходимый автору научной статьи образ полноценного научного исследования с корректно использованной литературой и репрезентативными результатами.

В качестве материала исследования использовалась одна из классификаций стратегий перевода, разработанная Е.Е. Davies. Методом исследования является квазиэксперимент. Гипотеза квазиэксперимента: если подростки, находящиеся на спектре не-лингвисты – лингвисты наиболее близко к левому полюсу, будут способны повторить результаты научных статей, в которых используется такая же классификация стратегий перевода, то тогда метод научного исследования таких научных статей можно назвать наивным. В результате участники квазиэксперимента указали до 76–79% одинаковых приемов («стратегий»), что частично подтверждает гипотезу исследования.

Проведенное исследование актуализировало вопрос о методах научного исследования, использованных теоретических источниках, особенно – о выбранных для выполнения исследовательской задачи классификаций. Исследование в очередной раз показало, что признаки

зомби-науки и наивного метода констатируются в научных статьях, посвященных «стратегиям перевода».

Ключевые слова: стратегия перевода, наивный метод исследования, классификации стратегий перевода.

Summary

The aim of this article is to explore the concept of the “naive method”, a term not yet widely adopted in academic discourse. The naive method can be defined as a research approach utilized in naive linguistics or “zombie science”, characterized by its simplicity in application and interpretation of results. This study proposes that classifications which are both easy to use and appear methodologically rigorous can serve as the foundation for a naive method in researching translation strategies. Such classifications not only simplify research processes but also create an impression of scholarly rigor by referencing established literature and presenting representative results.

The research draws on E.E. Davies’s classification of translation strategies as its primary material. A quasi-experimental approach was employed, hypothesizing that if adolescents on the “non-linguist-linguist” spectrum – particularly those closer to the non-linguist end – can replicate the findings of scholarly articles using the same classification, then the research method in such articles can be considered naive. Results from the quasi-experiment revealed that participants identified 76–79% of the same strategies (“techniques”), partially supporting the hypothesis.

This study highlights issues surrounding research methodologies, particularly the theoretical sources and classifications used in translation strategy studies. It also underscores that elements of “zombie science” and naive methods can be observed in articles focused on translation strategies.

Keywords: translation strategy, naive research method, classification of translation strategies.

В научных статьях ситуацию вокруг понятия *стратегии перевода* весьма точно характеризуют слова *терминологический беспорядок* (Ėstermens, 2019) – на данный момент описаны некоторые особенности использования этого понятия, которые связаны не только с проблемой определения *стратегии перевода* в широком и узком его понимании.

Среди важных особенностей использования, на наш взгляд, необходимо актуализировать следующие: понятие *стратегии перевода* в научных статьях может вовсе не определяться, однако активно использоваться в сильных позициях научного текста – позициях самопрезентации (название научной статьи, аннотация, ключевые слова). Кроме того, в научных статьях с такой особенностью использования понятия регулярно не называется и метод исследования и/или цель исследования. Еще одна важная черта в научных статьях, посвященных стратегиям перевода: в них практически нет определений стратегий, сформулированных целей и методов исследования, часто используется определенный тип типологий стратегий перевода. Обычно в их основе лежат бинарные конструкции, например, вольный и буквальный перевод или простейшие логические операции (например, стратегиями

перевода называют добавление элемента, вырезку элемента, замену и трансформацию) (Milevica, 2020a; Милевич, 2020b; Милевич, 2021).

По поводу первого типа типологии – стратегия вольного перевода и стратегия буквального перевода – уже образовалась основательная база критической литературы, в которой формулируются важные теоретические и практические вопросы. Действительно, насколько целесообразно использовать описанные в 1813 году два вида перевода, и спустя двести лет использовать их в качестве обозначения стратегий перевода в современном переводном тексте? Особенно принимая во внимание то, что во второй половине XX века сформировалась и закрепились мысль о том, что это не единственно возможные стратегии (Sandoval, 2014). Несколько десятилетий звучат и призывы пересмотреть целесообразность использования этой оппозиции в переводе (*the concepts of free and literal translation are questionable and need to be reexamined*) (Barbe, 1996). Кроме того, существует гипотеза, которую наиболее концептуально сформулировал Andrew Chesterman, в соответствии с которой буквальный и свободный перевод сосуществуют: «Переводчики, обрабатывая данный фрагмент текста, как правило, начинают с буквальной версии текста на целевом языке, а затем работают над более свободной версией» (Chesterman, 2011, 23). Использование бинарной оппозиции *буквальный/вольный перевод* в качестве типологии стратегий перевода, помимо указанных замечаний, вызывает и замечание, которое прозвучало по иному поводу, а именно, по поводу оппозиции лингвисты против не-лингвистов (Paveau, 2011). Как и во многих других областях знаний, в рамках гуманитарных наук бинарная картезианская мысль приводит к тупику идеализма (*leads to the dead-end of idealism*). Оппозиция буквального и вольного перевода, предположительно, во многом остается не по причине ее научной актуальности и обоснованности, целесообразности и результативности применения, а по причине ее не всегда обоснованной логикой и дизайном исследования простоты применения со стороны исследователя.

По поводу же второго типа типологий – стратегии добавления элемента, вырезки элемента, замены и трансформации существует огромное количество научных статей, которые применяют подобную типологию для своего исследования с большим или меньшим обоснованием этого выбора. Вряд ли возможно упомянуть или обобщить все эти исследования, но непременно стоит упомянуть те, которые посвящены анализу использованных терминов и терминологического беспорядка.

Сложности с этим термином, его использованием отражены как в энциклопедиях (Sun, 2013), так и в монографических исследованиях (Gambier, 2010). Особенно необходимо выделить раздел книги, написанный Yve Gambier, в котором автор, отмечая то, что это «один из самых неоднозначных терминов», указывает, что он конкурирует с дюжиной других терминов (*procedures, techniques, operations, changes, shifts, methods, replacements*) (Gambier, 2010,

412). И вопрос, который задает автор далее, до сих пор остается не до конца проясненным: «Имеем ли мы дело с уникальной концепцией, стоящей за этими разными именами, или с разными концепциями, выраженными терминами, предлагаемыми как почти синонимы?» (Gambier, 2010, 412). Исследователи продолжают искать объяснения в использовании этого термина в его значениях и значениях близких терминов (Jääskeläinen, 2009), а также и в различии подходов исследователей (Owji, 2013). И симптоматично, что эти разнообразные подходы все еще актуальны, соответственно, в исследовательском поле все еще нет единого понимания (Khudayberganova, 2021).

Практически никогда в этом аспекте не рассматривается вопрос о том, что на выбор типологии влияют факторы самопрезентации автора научной статьи (не влияние направления и не влияние школы исследователя), а также легкость ее применения, что с одной стороны, заставляет критически воспринимать результаты таких исследований, их актуальность и целесообразность, с другой – позволяет формулировать выбранную типологию посредством понятия *наивный метод* исследования.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Понятие *наивный метод* до сих пор не было введено в активное использование, поэтому одной из задач этого исследования является его обоснование в контексте филологических наук (в частности, для сопоставительного языкознания и переводоведения). Для описания действий, производимых в *зомби-науке*, наивном языкознании и переводоведении целесообразным кажется обозначить *наивный метод*, который можно определить как метод исследования, применяемый в наивном языкознании и/или *зомби-науке*, поскольку его характеризует легкость применения и простота интерпретации результатов его применения. Таким легким в применении методом может явиться наблюдение, однако именно его исследователи не называют/или не используют, но прибегают, например, к элементам статистического анализа. Применение его и простая интерпретация формально позволяют создать статистически подкрепленные причинно-следственные связи или их подобие, которые, к примеру, при помощи наблюдения не могут быть установлены (наблюдением могут быть установлены корреляции или тенденции). Такие статистические подкрепления могут создаваться на небольшом материале, например, нескольких десятках названий художественных фильмов, отражаться в соответствующих таблицах или процентных обозначениях, что создает образ полноценного исследования, в отличие от результатов наблюдения. И такому наивному методу вполне соответствует то, что не всегда корректно называется классификациями стратегий перевода.

В исследованиях о стратегиях перевода нередко используется классификация (наиболее часто указаны авторы – E.E. Davies, T. Tomaszewicz, I. Pederse), в основе которой лежат простейшие логические операции: добавление элемента (insertion), вырезка элемента (deletion), замена элемента (substitution), трансформация (transposition). Эти операции известны в компьютерной лингвистике как элементы концепции редактирования дистанции (edit distance). Вырезка (deletion), замена (substitution), добавление (insertion) – это так называемые операции для определения дистанции Хеминга (Hamming distance) и Левенштейна/ Левенштейна-Дамерау (Levenshtein/ Damerau-Levenshtein distance), иногда появляется четвертая операция – транспозиция transposition, например, для дистанции редактирования Джаро (Jaro distance).

Если допустить, что авторы научных статей, не желая по каким-либо причинам выполнять исследование в полном объеме, с четко определенными целями и задачами, с соответствующими методами анализа, оставаясь в зоне комфорта, создают статью, у которой появляются риски быть охарактеризованной представительницей зомби-науки, то наиболее вероятно, что помимо комфортного материала исследования будет выбран и наивный метод исследования.

И в качестве основы для наивного метода исследования стратегий перевода могут быть выбраны те классификации, применение которых, с одной стороны, наиболее легко и не трудоемко и которые, с другой стороны, принадлежат определенным авторам, создают необходимый автору научной статьи образ полноценного научного исследования с корректно использованной литературой и репрезентативными результатами. Еще Р. Барт писал, что ничто так не ободряет, как классификация. Классификация наивного толка создает именно такое ободренное нужное представление о научной легитимности метода исследования. Однако именно оно зачастую не соответствует критериям надежности научного исследования, как-то: критериям истинности (truth-value), применимости (applicability), последовательности (consistency), нейтралитета (neutrality) (Ievads pētniecībā, 2011, 12). Соответственно, не мотивированный логикой исследования выбор классификации стратегий перевода, использование которой ограничено легкостью применения, не гарантирует истинность и применимость в будущем ее результатов (особенно в ситуации, когда отбор материала свободный или без четких принципов отбора). Типичный пример – научная статья, в которой не формулируется стратегия перевода, к небольшому и не всегда обоснованному материалу названий художественных фильмов и их переводов применяется одна из классификаций стратегий перевода, представляющая по сути простейшую логическую операцию. Таким образом, формально реализуясь в научном дискурсе (например, сборник научных трудов), зачастую такая научная статья, с одной стороны, будет обладать признаками

зомби-науки и с другой стороны, принадлежать к дискурсу наивного языкознания и переводоведения.

О том, каковы признаки зомби-статьи (заодно и о том, что такое зомби-наука), а также признаки статьи с использованием наивных методов исследования автор уже писала (Milevica, 2024).

Главными признаками зомби-науки в статье становятся следующие: в ней нет реального вопроса исследования, есть условно правильная методология, но с ее помощью нет стремления внести вклад в углубление знаний, но есть стремление опубликовать статью. Статья может быть не только опубликована, но и рецензирована, статью даже кто-то может цитировать. Поэтому при анализе текста статьи, претендующей на статус зомби-статьи, необходимо уделить внимание формулировкам актуальности методов исследования, использованным классификациям, которые применяются и с какой целью (Milevica, 2024).

Статьи с использованием наивных методов исследования автор обозначила.

Научные статьи, которые умышленно не направлены на поддержание дискредитированной теории, но которые в силу особенностей ее создания (быстрота и поверхностность написания, легкость использования метода исследования, материал исследования из максимальной зоны комфорта) не отвечают на актуальные вопросы, также как и зомби-статьи не вносят вклад в свою отрасль науки. Соответственно, признаками и показателями такой статьи выходного дня могут стать реализации «закона сохранения сложности», расплывчатые формулировки (или их отсутствие) актуальности исследования, самые общие формулировки цели и методов исследования, реализация в тексте статьи самопрезентации (Milevica, 2024).

В этом контексте необходимо обратиться к наивному языкознанию, чтобы четко определить место и особенности наивного метода. Ученые нередко обращали внимание на то, что «различия между народными и научными теориями языка варьируются от драматических в одних случаях, до несущественных – в других» (Preston, 1993, 181). И область языкознания, исследующая эти народные теории, сегодня называется наивным фолк-языкознанием (используются и такие обозначения, как *profane*, *spontaneous*, *wild*, *lay*). Исследования о наивном языкознании, особенно (Albury, 2014; Paveau, 2011; Preston, 1993; Heyd, 2014) свидетельствуют, что наивную картину мира выражают субъекты, которые рассматриваются при помощи не оппозиции, но спектра «лингвисты – не-лингвисты» (последнее обозначение в широкий оборот ввел представитель Университета Оклахомы *Dennis R. Preston*), т.е. убеждения. Взгляды наивного толка о переводоведении, его методах выражают и представители научного сообщества, обычно не принадлежащие сообществу переводоведения. Таким образом, лингвисты, исследующие стратегии перевода в стиле зомби-науки, могут принадлежать спектру, представляю-

щему собой наивную картину переводоведения. В этом случае можно предположить, что использованные методы и классификации также принадлежат наивному переводоведению.

Термин *folk linguistics* появился благодаря работе (Hoenigswald, 1964), и в самом общем виде он обозначает «изучение того, как люди понимают и что говорят о лингвистике как отрасли народной науки (branch of folk science)» (Albury, 2014, 86). Одной из наиболее полных монографий по материалам наивного языкознания в США, обобщивших результаты первых десятилетий исследований, является монография Preston (Niedzielsky, Preston, 2000). Данные и результаты исследований представляют важный материал, причем не только с позиций прескриптивизма, характерного для наивного языкознания:

Народная лингвистика имеет свою собственную ценность (практическую и репрезентативную ценность), и поэтому академические лингвисты должны рассматривать ее как резервуар данных, которые ни один профессиональный лингвист не сможет собрать, используя «научные» (академические) методы (Paveau, 2011, 49).

Уже в работах 2000-х годов D.R. Preston обращает внимание на то, что дуализм «мы/ они» не продуктивен (Niedzielsky, Preston, 2000, 1). Однако этот аспект наиболее полно представлен в работах М.А. Paveau (особенно Paveau, 2011). Закономерно, что исследования наивной лингвистики начались с начала спектра (т.е. с не-лингвистов), а не с лингвистов. Причем важным моментом является то, что нахождение на этом спектре не статично, т.е. важным является понятие коммуникативной роли.

Быть не-лингвистом – это не постоянное состояние, а деятельность, которую могут практиковать в определенный момент времени и в определенном месте даже сами лингвисты. В этом смысле существует нелингвистическая позиция, которую всегда можно обменять на другую позицию (Paveau, 2011, 40).

М.А. Paveau предлагает рассматривать не оппозицию лингвисты – не-лингвисты, а два полюса одного спектра, на котором располагается множество групп, которые могут передвигаться из одной в другую. Например, профессиональные лингвисты, предоставляющие лингвистические описания, ученые-не-лингвисты (например, лингвисты-историки или лингвисты-социологи), академические лингвисты-любители, предоставляющие описания и рекомендации, логофилы, глоссоманы и другие языковые фанатики, корректоры и редакторы, эксперты телевизионных шоу, писатели и эссеисты, людое-лингвисты (комики, импрессионисты, пародисты, юмористы, актеры) и др. (Paveau, 2011). В этом смысле важным является коммуникативная ситуация и намерение, коммуникативная роль и/ или маска говорящего.

Кроме того, вместе с понятием коммуникативной роли важно и понятие коммуникативного намерения, с которым тесно связано понятие *спонтанной лингвистики* (Paveau, 2011, 3–4). Металингвистические комментарии могут стать объектом отдельного исследования (место псевдо-наук, насколько наивные теории правдивы и/или неправдивы, а также востребованность их в обществе), в котором важно было бы проследить их как инструмент психологического и социального описания (Paveau, 2011, 3–4).

Важнейшей целью многих исследователей фолк-лингвистики является не только критически или негативно ее оценить, но и вобрать ценный и потенциально богатый материал, который можно использовать в учебных целях.

Мы надеемся, что это тот тип народной лингвистики, который вооружит практиков во многих областях прикладной лингвистики информацией, которая облегчит их задачу, поскольку они будут знать убеждения и взгляды своих клиентов, убеждения, которые, несмотря на отсутствие экспертных знаний, очень сильно удерживаются (Pasquale, Preston, 2013, 174).

Исследования наивного языкознания тесно связаны с явлением массового прескриптивизма XXI века (*twenty first-century grassroots prescriptivism*), о чем, в частности, Т. Нейд пишет:

Ключевой особенностью современного лингвистического нормативизма, по-видимому, является то, что он не только побуждается устоявшимися механизмами «сверху вниз» – такими как институциональная, правительственная или журналистская разработка языковой политики и идеологии, – но также опирается на «восходящие» формы стимулирования и поддержания языковых идеологий. Такой массовый прескриптивизм происходит на уровне отдельных пользователей языка и/или сообществ практиков; он включает в себя сложные социо-прагматические механизмы, такие как языковой контроль и санкции, регистрация и лингвистический контроль (Heyd, 2014, 489).

Следовательно, наивные методы исследования, используемые лингвистами для анализа переводческих проблем, вполне могут обладать чертами наивной лингвистики, таким образом, и часть лингвистов в определенной ситуации и определенной роли (в нашем случае – при написании научной статьи) могут реализовывать наивную лингвистику.

МЕТОДОЛОГИЯ И МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для обоснования основного утверждения данного исследования необходимо показать, что метод исследования лингвиста обладает чертами наивного метода, простого в использовании, не обоснованного целью или дизайном, который не получил должного обоснования ранее. Как раз использование

классификаций стратегий перевода отвечают таким показателям – они просты (и их простоту сами авторы статей иногда эксплицитно обозначают), авторы статей не обосновывают их выбор и актуальность.

Методом исследования является квазиэксперимент. В отличие от эксперимента, в квазиэксперименте не задействована контрольная группа, только экспериментальная (Ievads pētniecībā, 2011, 55, 57). Гипотеза квазиэксперимента заключалась в том, что если подростки, находящиеся на спектре не-лингвисты – лингвисты наиболее близки к не-лингвистам, т.е. без специального филологического образования, кроме того, ограниченные временем и мотивацией, будут способны повторить результаты научных статей, в которых используется такая же классификация стратегий перевода, то тогда метод научного исследования подобных научных статей можно назвать наивным.

Для участия в эксперименте были приглашены 17 подростков в возрасте от 15 до 17 лет, владеющих русским, латышским и английским языками. Из 17 бюллетеней недействительными признаны 2, соответственно анализу подвергались 15 бюллетеней. Бюллетени заполнялись в одной группе, перед заполнением участникам квази-эксперимента разъяснялась сущность эксперимента, время заполнения (до одного часа). Участникам было разрешено использовать любые доступные дополнительные материалы (словари, интернет-источники и др.). Перед заполнением участники были ознакомлены с понятием *стратегии перевода*, а также были ознакомлены с одной из классификаций стратегий перевода.

В течение 30–40 минут все бюллетени были заполнены. В бюллетенях были представлены 25 названий художественных фильмов на языке оригинала, затем были указаны переводы этих названий на латышский и русский языки (см. прил. 1.). Около каждого переведенного названия художественного фильма участникам квази-эксперимента предлагалось указать номер от 1 до 5 *стратегии перевода* из классификации E.E. Davies (Davies, 2003). Названия художественных фильмов были выбраны в соответствии с различными видами стратегий перевода. Не предлагались названия художественных фильмов, содержащих специальную или профессиональную терминологию, а также содержащих чувствительные темы (смерть, болезни, секс, убийства и др.).

Классификация стратегий перевода (Davies, 2003) выбрана в качестве источника для квази-эксперимента в результате следующего отбора. С 1991 по 2020 гг. из опубликованных в государственных институтах высшего образования Латвии сборников научных статей по материалам конференций, полностью или секционно посвященных вопросам языка, отбирались статьи, посвященные аудиовизуальному переводу и/или стратегиям перевода. Таких оказалось пять (не представлены в списке использованной литературы):

1. Статья латвийского исследователя об аудиовизуальном переводе (на латышском языке, переведена на английский): Sīlis, J. (2006). *Filmu tulkošana: oriģinālteksta atveides problēmas mērķvalodā*, Vārds un tā pētīšanas aspekti, 10, 345–

352. В статье использован источник: Chesterman, A. (1999). *Translation Typology*, The Second Riga Symposium on Pragmatic Aspects of Translation, 2, 49–62.

2. Статья литовских исследователей, посвященная переводу текстов публицистики: Daugėlaitė, V., Jankauskaitė, A. (2013). *Use of Translation Strategies in Lithuanian Translation of National Geographic: Analysis of the Effect on Target Readers Understanding of Translated Text*, Valoda – 2013: Valoda dažadu kultūru kontekstā, 23, 103–107. В статье использовано понятие *стратегии перевода* и классификация из статьи Davies, E.E. (2003). *A Goblin or a Dirty Nose? The Translator: Studies in Intercultural Communication*, 9 (I), 65–100, в которой стратегиями называются приемы/ техники, в основе которых лежат элементарные логические операции preservation, addition, omission, localization, transformation.

3. Статья литовских исследователей, посвященная переводу текстов публицистики: Daugėlaitė, V., Jankauskaitė, A. (2014). *Analysis of Strategic Choices in Lithuanian Translations of “National Geographic” Headlines*, Valoda – 2014: Valoda dažadu kultūru kontekstā, 24, 100–113. В статье использовано понятие *стратегии перевода* и ее классификация из исследования Davies, E.E. (2003). *A Goblin or a Dirty Nose?*, The Translator: Studies in Intercultural Communication, 9 (I), 65–100, в которой стратегиями называются приемы/ техники, в основе которых лежат элементарные логические операции preservation, addition, omission, localization, transformation.

4. Статья литовских исследователей, посвященная переводу текстов публицистики: Daugėlaitė, V., Jankauskaitė, A. (2016). *Application of Addition and Omission Translation Strategies in Lithuanian Translation of Subheadings and Captions in National Geographic Articles*, Valoda – 2016: Valoda dažadu kultūru kontekstā, 26, 59–67. В статье использовано понятие *стратегии перевода* и ее классификация из исследований Chesterman, A. (1997). *Memes of Translation: the Spread of Ideas in Translation Theory*. Amsterdam–Philadelphia: John Benjamins; Baker, M. (1992). *In Other Words: a Coursebook on Translation*. London–New York: Routledge; Davies, E.E. (2003). *A Goblin or a Dirty Nose?*, The Translator: Studies in Intercultural Communication, 9 (I), 65–100.

5. Статья литовской исследовательницы, посвященная переводу текстов публицистики (на немецком языке): Alosevičienė, E. (2009). *Zu den Verfahrensstrategien bei der Übersetzung von Heckenausdrücken*, Valoda – 2009: Valoda dažadu kultūru kontekstā, 19, 77–87. В статье использовано понятие *стратегии перевода* и следующие труды: Albrecht, J. (2005). *Übersetzung und Linguistik*. Tübingen: Narr; Schreiber, M. (1993). *Übersetzung und Bearbeitung. Zur Differenzierung and Abgrenzung des Übersetzungsbegriffs*. Tübingen: Narr, в которых стратегиями называются приемы/техники, в основе которых лежат элементарные логические операции substitution (word-by-word and synonymic cases of translation), elimination, complementation, neutralization, paraphrasing, antonymic translation, and perspective change.

Таким образом, в трех из пяти научных статей использовалась классификация стратегий перевода (Davies, 2003), поэтому в квази-эксперименте для его участников предлагалась именно она.

РЕЗУЛЬТАТЫ КВАЗИЭКСПЕРИМЕНТА

Результаты квазиэксперимента отражены на рис. 1 (Приемы (*стратегии*) перевода названий художественных фильмов на латышский язык) и на рис. 2 (Приемы (*стратегии*) перевода названий художественных фильмов на русский язык).

Рис. 1. Приемы (*стратегии*) перевода названий художественных фильмов на латышский язык

Рис. 2. Приемы (стратегии) перевода названий художественных фильмов на русский язык

Анализ показал, что среди латышских переводных названий 2 раза – один вариант приемов (стратегий), 12 раз – два варианта приемов (стратегий), 8 раз – три варианта приемов (стратегий), 3 раза – четыре варианта приемов (стратегий). Среди русских переводных названий 12 раз – два варианта приемов (стратегий), 10 раз – три варианта приемов (стратегий), три раза – четыре варианта приемов (стратегий). Анализ результатов показывает тенденцию участников квазиэксперимента называть чаще всего именно ту стратегию, которая соответствует классификации стратегий перевода (Davies, 2003). Более детально эту тенденцию можно увидеть в таблице 1. Указанные стратегии перевода названий фильмов на латышский и русский языки.

Таб. 1. Указанные стратегии перевода англоязычных названий фильмов на латышский и русский языки (общее количество, проценты, 15 участников)

Название фильма	Перевод на латышский язык	Наиболее часто указанная «стратегия»	Перевод на русский язык	Наиболее часто указанная «стратегия»
The Bodyguard	Miesassargs	13 [86,6%] – Preservation	Телохранитель	13 [86,6%] – Preservation
Sleepless in Seattle	Bezmiēgs Sietlā	10 [66,6%] – Preservation	Неспящие в Сиэтле	9 [60%] – Preservation
Happy Gilmore	Laimīgais Gilmors	12 [80%] – Preservation	Счастливчик Гилмор	10 [66,6%] – Preservation
Kazaam	Burvis Kazams	12 [80%] – Addition	Джинна вызывали?	13 [86,6%] – Transformation
The Center of the world	Pasaules centrs	11 [73,3%] – Preservation	Центр земли	8 [53,3%] – Preservation
One Hour Photo	Bīstamā fotogrāfija	6 [40%] – Transformation	Фото за час	8 [53,3%] – Preservation
Like Mike	Spēlē kā Maikls	11 [73,3%] – Addition	Как Майк	12 [80%] – Preservation
Red Eye	Nakts reiss	8 [53,3%] – Localization	Ночной рейс	9 [60%] – Transformation
Missionary Man	Misionārs	10 [66,6%] – Preservation	Миссионер	10 [66,6%] – Preservation
17 Again	Atkal 17	12 [80%] – Preservation	Папе снова 17	13 [86,6%] – Addition
Faster	Ātrāk	12 [80%] – Preservation	Быстрее пули	14 [93,3%] – Addition
Your Highness	Jūsu Augstība	10 [66,6%] – Preservation	Храбрые перцем	13 [86,6%] – Localization
50/50	50/50	14 [93,3%] – Preservation	Жизнь прекрасна	13 [86,6%] – Localization
Battle Los Angeles	Uzbrukums pasaulei: Kauja Losandželosā	13 [86,6%] – Addition	Инопланетное вторжение: Битва за Лос-Анджелес	12 [80%] – Addition
Jack and Jill	Džeks un Džila	12 [80%] – Preservation	Такие разные близнецы	14 [93,3%] – Transformation
Project X	Projekts X: ballīte bez bremzēm	14 [93,3%] – Preservation	Проект X: Дорвались	14 [93,3%] – Addition
Chronicle	Hronikas veidotāji	15 [100%] – Addition	Хроника	13 [86,6%] – Preservation

Таб. 1. (продолжение)

Название фильма	Перевод на латышский язык	Наиболее часто указанная «стратегия»	Перевод на русский язык	Наиболее часто указанная «стратегия»
This Is the End	Gals klāt!	9 [60%] – Localization	Конец света 2013: Апокалипсис по-голливудски	12 [80%] – Addition
Captain Phillips	Kapteinis Filipss: Somālijas pirātu gūstā	15 [100%] – Addition	Капитан Филлипс	11 [73,3%] – Preservation
Blue Jasmine	Jasmīnas stāsts	7 [46,6%] – Transfomration	Жасмин	10 [66,6%] – Omission
It Follows	Tas seko Tev	7 [46,6%] – Addition	Оно	7 [46,6%] – Omission
Walk of Shame	Blondīne ēterā	14 [93,3%] – Transfomration	Блондинка в эфире	14 [93,3%] – Transfomration
Bad Education	Sliktā izglītība	12 [80%] – Preservation	Безупречный	12 [80%] – Transfomration
The Rental	Brīvdienų māja	7 [46,6%] – Transfomration	Кто не спрятался	12 [80%] – Transfomration
Ava	Ava	14 [93,3%] – 1 Preservation	Агент Ева	12 [80%] – Addition
Средний процент		76,824%	Средний процент	79,344%

Таким образом, как в переводах названий фильмов на латышский язык, так и в переводах на русский, участники квазиэксперимента указали до 76–79% одинаковых приемов (*стратегий*), что частично подтверждает гипотезу исследования.

Латышские и русские переводы имеют некоторые отличия, в частности, в латышских переводах чаще встречается *стратегия* сохранения, русские же переводы чаще отличаются различного рода адаптациями – адаптациями сюжета и/или жанра, например, перевод названия комедии *Jack and Jill* (Dennis Dugan, 2011) на латышский язык – буквальный (нулевая адаптация) – *Džeks un Džila* (лтш. *Джек и Джилл*), на русский язык название этой комедии переведено как *Такие разные близнецы*, таким образом при помощи оксюморона маркируя жанр фильма; или *The Rental* (Dave Franco, 2020) на латышский язык название переведено как *Brīvdienų māja* (лтш. *Дом выходного дня*), на русский переведено как *Кто не спрятался*, т.е. при помощи зачина известной игры указывается на сюжет художественного фильма. Соответственно, участниками квази-эксперимента в латышских переводах чаще указывалась *стратегия* сохранения (от 73,3% до 93,3%), в русских же переводах наблюдалось большее разнообразие *стратегий* перевода.

Отдельного внимания заслуживает тот факт, что наиболее точно указывались стратегии для лексических процедур, реже – для грамматических, и это объясняется тем, что единицей перевода в наивном переводоведении является слово. Например, перевод названия *Sleepless in Seattle* на латышский передано как *Bezmiēgs Sietlā* (лтш. *Бессонница в Сиэтле*) и 66,6% участников квази-эксперимента указали *стратегию* сохранения (*Preservation*), перевод названия на русский язык – *Неспящие в Сиэтле*, на *стратегию* сохранения (*Preservation*) указали 60%. Меньшее количество участников обратило внимание на изменения в грамматической структуре: как *стратегию* локализации указали трое (20%), как *стратегию* трансформации (*Transformation*) – один участник (6,6%).

Проведенное исследование актуализировало вопрос о методах научных изысканий, об использовании теоретических источников, особенно выбранных для выполнения исследовательской задачи классификаций. Исследование в очередной раз показало, что признаки зомби-науки и наивного метода констатируются в научных статьях, посвященных стратегиям перевода.

Кроме того, использование подобных (Davies, 2003) классификаций не раскрывает полной картины тенденций создания переводов названий художественных фильмов. Итак, упускаются такие важные моменты, как наличие или отсутствие омонимичных названий (соответственно, трансформации могли бы быть связаны с различием двух разных фильмов с одинаковым названием в оригинале для более успешной идентификации конкретного художественного фильма), не констатируются случаи прецедентных переводов (отсылки, цитаты, эксплуатационные названия). Например, перевод названия художественного фильма *It Follows* (David Robert Mitchell, 2014) на русский язык *Оно* эксплуатирует название романа Стивена Кинга (*Оно* в русском переводе) и/или название экранизации 1989 года (*Оно* в русском переводе).

И наконец, еще одно важное заключение. Тот факт, что классификация *стратегий перевода* проста в применении, еще не свидетельствует о наивности метода, однако если анализировать систему аспектов (определение *стратегии перевода*, использование этого понятия в сильных позициях текста, т.е. использование понятия *стратегии перевода* в качестве самопрезентации, отсутствие или необоснование метода исследования) вместе с анализом результатов псевдоэксперимента, то это дает основание называть метод наивным.

БИБЛИОГРАФИЯ (REFERENCES)

- Милевич, И. (2020b). *Стратегия перевода: средство самопрезентации автора научной публикации?* Acta Universitatis Lodzensis. Folia Linguistica Rossica, 19, 103–111. <https://doi.org/10.18778/1731-8025.19.09>
- Милевич, И. (2021). *Исследования стратегии перевода: к проблеме метода исследования*, Мова: Науково-теретический часопис з мовознавства, 35, 221–224. <https://doi.org/10.18524/2307-4558.2021.35.237788>

- Albury, N.J. (2014). *Introducing the Folk Linguistics of Language Policy*, International Journal of Language Studies, 8 (3), 85–106.
- Albury, N.J. (2017). *The Power of Folk Linguistic Knowledge in Language Policy*, Language Policy, 16 (2), 209–228. <https://doi.org/10.1007/s10993-016-9404-4>
- Barbe, K. (1996). *The Dichotomy Free and Literal Translation*, Meta, XLI, 3, 328–337. <https://doi.org/10.7202/001968ar>
- Chesterman, A. (2011). *Reflections on the Literal Translation Hypothesis*. In: *Methods and Strategies of Process Research: Integrative Approaches in Translation Studies* (23–35), C. Alvstad, A. Hild, E. Tiselius. (ed.). Amsterdam: John Benjamins. <https://doi.org/10.1075/btl.94.05che>
- Česterments, E. (2019). *Tulkošanas mēmi: Ideju izplatīšanās tulkošanas teorijā*. Rīga: Latvijas Universitāte.
- Davies, E.E. (2003). *A Goblin or a Dirty Nose?*, The Translator: Studies in Intercultural Communication, 9 (1), 65–100. <https://doi.org/10.1080/13556509.2003.10799146>
- Gambier, Y. (2010). *Translation Strategies and Tactics*, Handbook of Translation Studies, 1, 412–418. <https://doi.org/10.1075/hts.1.tra7>
- Heyd, T. (2014). *Folk-Linguistic Landscapes: The Visual Semiotics of Digital Enregisterment*, Language in Society, 43 (5), 489–514. <https://doi.org/10.1017/S0047404514000530>
- Hoeningwald, H. (1985). *A Proposal for the Study of Folk-Linguistics*, Sociolinguistics: Proceedings of the UCLA Sociolinguistics Conference 1964, 16–26. <https://doi.org/10.1515/9783110856507-004>
- Jääskeläinen, R. (2010). *Looking for a Working Definition of “Translation Strategies”*, Copenhagen Studies in Language, 1, 375–387.
- Khudaybergenova, Z. (2021). *About the Concept of “Translation Strategies” in the Translation Studies*, Journal of Contemporary Issues in Business and Government, 27, 1, 1369–1385.
- Mārtinsons, K., Pipere, A. (red.). (2011). *Ievads pētniecībā: stratēģijas, dizaini, metodes*. Rīga: RaKa.
- Milevica, I. (2020a). *On Non-existent of Audiovisual Translation Studies in Latvia (According to Material of Scientific Paper Collection)*. *Modernization of Teaching Profession: Approaches, Best Practices, Challenges*, Scientific Journal of the Modern Education & Research Institute, 12, 23–26.
- Milevica, I. (2024). *Is Scientific Articles about Translation Strategies Zombie Articles?* Manuscript.
- Milevich, I. (2020b). *Strategiya perevoda: sredstvo samoprezentatsii avtora nauchnoi publikatsii?* Acta Universitatis Lodzensis. Folia Linguistica Rossica, 19, 103–111.
- Milevich, I. (2021). *Issledovaniya strategii perevoda: k probleme metoda issledovaniya*, Mova: Naukovo-tereticheskii chasopis z movaznavstva, 35, 221–224.
- Niedzielsky, N.A., Preston, D.R. (2000). *Folk Linguistics*. Berlin: De Gruyter Mouton. <https://doi.org/10.1515/9783110803389>
- Owji, Z. (2013). *Translation Strategies*. Translation Journal, 17 (1), <https://translationjournal.net/journal/63theory.htm>, accessed: 03.12.2024.
- Pasquale, M.D., Preston, D.R. (2013). *The Folk Linguistics of Language Teaching and Learning*. In: *Psycholinguistic and Sociolinguistic Perspectives on Second Language Learning and Teaching: Studies in Honor of Waldemar Marton* (163–174), K. Drozdziel-Szelest, M. Pawlak (ed.). Berlin–Heidelberg: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-642-23547-4_10
- Paveau, M.A. (2011). *Do Non-Linguists Practice Linguistics?: An Anti-Eliminative Approach to Folk Theories*, AILA Review, 24 (1), 40–54. <https://doi.org/10.1075/aila.24.03pav>
- Preston, D.R. (1993). *The Uses of Folk Linguistics*, International Journal of Applied Linguistics, 3 (2), 181–259. <https://doi.org/10.1111/j.1473-4192.1993.tb00049.x>

Sandoval, M. (2014). *Do We Still Call It “Literal” vs. “Free” Translation? Are These Notions as Important These Days as They Were in the Past?*, <https://msandoval.wordpress.com/2014/01/30/do-we-still-call-it-literal-vs-free-translation-are-these-notions-as-important-these-days-as-they-were-in-the-past-2/>, accessed: 12.02.2024.

Sun, S. (2013). *Strategies of Translation*. In: *The Encyclopedia of Applied Linguistics* (5408–5412), Vol. 9.

Приложение 1. Названия художественных фильмов (режиссеры, годы выпуска), перевод на латышский (с переводом на русский) и русский языки

Название фильма (режиссер, год выпуска)	Перевод на латышский язык (с переводом на русский)	Перевод на русский язык
1. The Bodyguard (Mick Jackson, 1992)	Miesassargs (Телохранитель)	Телохранитель
2. Sleepless in Seattle (Nora Ephron, 1993)	Bezmiegs Sietlā (Бессонница в Сиэтле)	Неспящие в Сиэтле
3. Happy Gilmore (Dennis Dugan, 1996)	Laimīgais Gilmors (Счастливый Гилмор)	Счастливчик Гилмор
4. Kazaam (Paul Michael Glaser, 1996)	Burvis Kazams (Волшебник Казам)	Джинна вызывали?
5. The Center of the World (Wayne Wang, 2001)	Pasaules centrs (Центр земли)	Центр земли
6. One Hour Photo (Mark Romanek, 2002)	Bīstamā fotogrāfija (Опасная фотография)	Фото за час
7. Like Mike (John Schultz, 2002)	Spēlē kā Maikls (Играй как Майкл)	Как Майк
8. Red Eye (Wes Craven, 2005)	Nakts reiss (Ночной рейс)	Ночной рейс
9. Missionary Man (Dolph Lundgren, 2007)	Misionārs (Миссионер)	Миссионер
10. 17 Again (Burr Steers, 2009)	Atkal 17 (Снова 17)	Папе снова 17
11. Faster (George Tillman Jr., 2010)	Ātrāk (Быстрее)	Быстрее пули
12. Your Highness (David Gordon Green, 2011)	Jūsu Augstība (Выше Высочество)	Храбрые перцем
13. 50/50 (Jonathan Levine, 2011)	50/50	Жизнь прекрасна
14. Battle Los Angeles (Jonathan Liebesman, 2011)	Uzbrukums pasaulei: Kauja Losandželosā (Нападение на мир: Битва в Лос-Анджелесе)	Инопланетное вторжение: Битва за Лос-Анджелес
15. Jack and Jill (Dennis Dugan, 2011)	Džeks un Džila (Джек и Джилл)	Такие разные близнецы
16. Project X (Nima Nourizadeh, 2012)	Projekts X: ballīte bez bremzēm (Проект X: вечеринка без тормозов)	Проект X: Дорвались

Приложение 1. (продолжение)

Название фильма (режиссер, год выпуска)	Перевод на латышский язык (с переводом на русский)	Перевод на русский язык
17. Chronicle (Josh Trank, 2012)	Hronikas veidotāji (Создатели хроники)	Хроника
18. This Is the End (Evan Goldberg, Seth Rogen, 2013)	Gals klāt! (Конец настал!)	Конец света 2013: Апокалипсис по-голливудски
19. Captain Phillips (Paul Greengrass, 2013)	Kapteinis Filipss: Somālijas pirātu gūstā (Капитан Филлипс: в плену сомалийских пиратов)	Капитан Филлипс
20. Blue Jasmine (Woody Allen, 2013)	Jasmīnas stāsts (Рассказ Жасмин)	Жасмин
21. It Follows (David Robert Mitchell, 2014)	Tas seko Tev (Оно следует за тобой)	Оно
22. Walk of Shame (Steven Brill, 2014)	Blondīne ēterā (Блондинка в эфире)	Блондинка в эфире
23. Bad Education (Cory Finley, 2019)	Sliktā izglītība (Плохое поведение)	Безупречный
24. The Rental (Dave Franco, 2020)	Brīvdienu māja (Дом выходного дня)	Кто не спрятался
25. Ava (Tate Taylor, 2020)	Ava (Ава)	Агент Ева

Bartłomiej Szynal <https://orcid.org/0009-0009-0968-4422>

Uniwersytet Śląski w Katowicach

Wydział Humanistyczny

41-206 Sosnowiec, ul. Grota-Roweckiego 5

biglesson@interia.pl

EKSPLIKACJA ZNACZEŃ *SKROMNOŚCI* W JĘZYKU POLSKIM I ROSYJSKIM (ANALIZA KORPUŚOWA)

An Explication of the Concept of *Modesty* in Polish and Russian: A Corpus-Based Approach

Streszczenie

Koncept *skromność* stanowi fragment językowego obrazu świata, odzwierciedla pewien ukształtowany w lingwokulturze sposób interpretacji rzeczywistości za pomocą języka. *Skromność* należy do klasy pojęć abstrakcyjnych charakteryzujących postawę człowieka oraz odczuwane emocje, w przypadku takich pojęć zauważalna jest ich wieloznaczność oraz wyraźny pierwiastek wartościujący, związany z pozytywną bądź negatywną oceną autora wypowiedzi. Bogactwo znaczeniowe sugeruje zawiłą, lecz podobna ścieżka etymologiczna szeregu synonimicznego *skromny* – *skromnie* – *skromność*. Zarówno tradycyjne źródła leksykograficzne, jak i współczesne słowniki elektroniczne wydzielają w artykułach hasłowych leksemu *skromność* kilka różnych znaczeń.

W niniejszym artykule przeanalizowano podobieństwa oraz różnice w obrębie znaczeń *skromności* w języku polskim i rosyjskim. Za pomocą narzędzi lingwistyki korpusowej wyekscerpowano, w polskim oraz rosyjskim korpusie, kolokacje przysłówka *skromność*, ze szczególnym naciskiem na łączliwość z czasownikami w formie imiesłowów. Następnie kolokacje zostały zestawione w grupy znaczeniowe, wynikające z kontekstu ich użycia. Ostatnim krokiem było porównanie tak uzyskanych polskich i rosyjskich znaczeń *skromności*.

Wyniki analizy wskazują, po pierwsze, na wyraźną dominację kolokacji tworzących formuły metatekstowe w zasobach korpusowych, po drugie, na zachowane podobieństwo semantyczne w polskich i rosyjskich kolokacjach.

Słowa kluczowe: skromność, znaczenie, wartościowanie, korpusy, koncept.

Summary

The concept of *modesty* is a fragment of the linguistic worldview, reflecting a particular way of interpreting reality through language shaped by linguaculture. *Modesty* belongs to the class of abstract concepts that characterize human attitudes and emotions. Such concepts are often marked by ambiguity and a clear evaluative dimension, associated with the positive or negative judgment of the statement's author. The complexity of meaning is underscored by the intricate yet similar etymological roots of the synonymous chain *modest – modestly – modesty*. Both traditional lexicographic sources and modern electronic dictionaries identify several distinct meanings of *modesty* in their entries.

This paper explores the similarities and differences in the meanings of *modesty* in Polish and Russian. Using corpus linguistics tools, collocations of the adverb *modestly* were extracted from Polish and Russian corpora, with particular attention to combinations with participial verb forms. These collocations were then categorized into semantic groups based on their contextual use. Finally, the study compared the meanings of *modesty* in Polish and Russian derived through this method.

The analysis revealed two key findings: first, a clear dominance of collocations forming meta-textual formulas in the corpus data, and second, a preserved semantic similarity in Polish and Russian collocations.

Keywords: modesty, meaning, evaluation, text corpora, concept.

RELACJE MIĘDZY PROFILAMI I ZNACZENIAMI

Profile stanowią modyfikację bazowego, prototypowego wyobrażenia o przedmiocie, utrwalonego w języku. Z pomocą profili wyraża się subiektywną operację językowo-pojęciową polegającą na przyjęciu określonego punktu widzenia wobec wyobrażenia przedmiotu (Bartmiński, Niebrzegowska, 1998). Poprzez operację profilowania autor wypowiedzi kształtuje pojęcie zgodnie z własną wiedzą o świecie i przyjętym stereotypem (Szymańska, 2019). Inaczej wyodrębniane są znaczenia pojęcia w artykułach hasłowych z uwzględnieniem kryteriów gramatycznych i semantycznych. Zatem relacje między znaczeniami wyszczególnionymi w słowniku a profilami nie są względem siebie symetryczne. Kilka różnych profili może bądź występować w obrębie jednego znaczenia, bądź wiązać się z różnymi znaczeniami. Istnieją również przypadki wyraźnej dysproporcji między liczbą znaczeń a profili jednego pojęcia lub w przypadku nazw własnych brak słownikowych znaczeń przy jednoczesnym występowaniu kilku profili pojęcia (Niebrzegowska-Bartmińska, 2020). Profile powstają wskutek oddziaływania uwarunkowań kulturowych, które zmieniają sposób postrzegania prototypowego przedmiotu. Tak więc pojęcia ekwiwalentne z perspektywy leksykografii przekładowej i jako takie zaprezentowane w słownikach przekładowych będą posiadać częściowo odmienne profile związane z różnicami w obrębie kultur. Pozwala to na postawienie następującej hipotezy: bazowe znaczenia *skromności* w języku polskim i rosyjskim chociaż się pokrywają, to mogą podlegać innym rodzajom profilowania.

Według Anny Wierzbickiej (2011) optymalna eksplikacja znaczeń wykorzystuje umowny zestaw elementarnych jednostek semantycznych służący jako matryca do wyprowadzania definicji pojęcia. O ile dany typ eksplikacji, przeciwstawny definicjom encyklopedycznym, wydaje się wartościowy w odniesieniu do konkretnych, rzeczywistych przedmiotów i osób (np. opisane przez autorkę eksplikacje *myszy*, *słońca* czy *matki*) ze względu na przedstawienie innego sposobu rozumowania na temat objaśnianego pojęcia, o tyle ogólny i dość nieprecyzyjny język takich opisów traci swoją skuteczność przy eksplikacji pojęć abstrakcyjnych.

Propozycją innego sposobu eksplikacji pojęć niematerialnych i przez swoją niematerialność trudniejszych do opisanego, jest definiowanie kognitywne, rekonstruowanie językowego obrazu świata z wykorzystaniem kolokacji związanych z pojęciem i próba wyodrębnienia znaczeń wynikających z kontekstowego użycia. Zestaw kolokacji o jednakowej semantyce, uzupełniony o wartościowanie konfrontuje się następnie ze znaczeniami zaproponowanymi w słownikach. W niniejszym artykule do powyższego procesu włączono badania porównawcze znaczeń w ujęciu przekładowym.

WARTOŚCIOWANIE W PROFILACH I ZNACZENIACH

Zastosowanemu w określonym kontekście wyrazowi towarzyszy komponent aksjologiczny w postaci subiektywnego osądu, oceny autora wypowiedzi. Ujawnia się jego stosunek do rzeczywistości wyrażony za pomocą języka. Analiza wartościowania zawartego w wypowiedzeniach w ramach rekonstrukcji językowego obrazu świata pozwala bardziej szczegółowo scharakteryzować wybrane pojęcie ze względu na obudowę wartościujących elementów języka, np. przymiotników, przysłówków. W obrębie jednego pojęcia możliwe jest istnienie znaczeń mających zarówno negatywne, jak i pozytywne konotacje. Przykładowo kolokacja *wrodzona skromność* pozytywnie wartościuje cechę charakteru, traktując jako immanentną cechę człowieka, z kolei kolokacja *falszywa skromność* zawiera negatywną ocenę, zarzut wyuczonej, nieautentycznej manieri, która zapewnia korzyści stosującemu.

Pojęcia abstrakcyjne, tj. *grzeczność*, *piękno*, *skromność* czy *wrażliwość* należą do grupy imponderabiliów, niemierzalnych i trudnych do bezpośredniego zdefiniowania wartości i przekonań. Ocena konkretyzuje znaczenie, dzięki temu staje się ono zauważalne na tle innych i możliwe do wyodrębnienia. W artykułach hasłowych tradycyjnych słowników, czyli wykorzystujących encyklopedyczne objaśnienia oraz taksonomiczne podejście do definiowania eksplikacja znaczeń sprowadza się zazwyczaj do zwięzłej definicji i podania kilku losowo wybranych kolokacji. Cele dydaktyczne nie są w przypadku słowników nadrzędne, warto

jednak zwrócić na możliwości rozszerzenia zasobów słownikowych o komponent wartościujący. Z perspektywy glottodydaktycznej lepiej prezentują się korpusowe bazy tekstów, pozbawione co prawda komponentu informatywnego, jednak zawierają analizę właściwości gramatycznych, kontekstów i konotacji w oparciu o użycie leksemów przez rodzimych użytkowników języka.

Bardziej obszerny komponent wartościujący powinien zainteresować leksykografów, zwłaszcza autorów słowników przekładowych, ponieważ wzbogacenie artykułu hasłowego o informację aksjologiczną stanowi cenny materiał dla osób uczących się języków obcych, które nie wykrywają określonych konotacji w języku obcym. Ponadto opanowane zwroty w języku ojczystym narzucają błędne interferencje, szczególnie widoczne w językach pokrewnych pod postacią *falszowych przyjaciół tłumacza*.

ETYMOLOGIA WYRAZU *SKROMNOŚĆ*

W wydany w 1927 roku słowniku etymologicznym A. Brückner wskazuje na dwie możliwości pochodzenia przymiotnika *skromny*: pierwsza hipoteza zakłada, że jest to rodzime polskie słowo i zapożyczone w języku rosyjskim, z kolei druga sugeruje zapożyczenie z języka czeskiego. Możliwa jest modyfikacja czeskiego przymiotnika *skromný* w znaczeniu ‘mały’, ‘mierny’, którego polski ekwiwalent *skromity* Brückner opisał w swoim słowniku. Obecnie jest to archaizm, niewystępujący w polskich wyszukiwarkach korpusowych. W słowniku etymologicznym W. Borysia proponowana jest inna droga pochodzenia leksemu *skromny*, tj. zapożyczenie z języka rosyjskiego. Borys dopuszcza także pierwotne występowanie leksemu w języku kaszubskim o znaczeniu *oszczędny, skąpy, biedny, chudy* bądź w grupie języków zachodniosłowiańskich, postulując etymologię czeską, słowacką, a nawet serbsko-chorwacką. Na zrozumienie wieloznaczności leksemu *skromny* pozwala analiza rdzenia w dialekcie prasłowiańskim, gdzie *kroma* to *coś odciętego, skraj, brzeg*, a więc *s kromem* oznaczało *ograniczonego krawędziami, brzegami*. Prawdopodobnie początkowa charakterystyka właściwości przedmiotów i zjawisk fizycznych z czasem przeniosła się także na próbę opisanego postawy ludzkiej. Nastąpiło rozszerzenie znaczenia na metaforyczne i abstrakcyjne dotyczące zachowania.

Uwzględniając etymologię danego leksemu i dawne znaczenia, można podjąć próbę rekonstrukcji syntetycznego ujęcia pojęcia *skromności* jako postawy związanej z ograniczeniem, pewną wewnętrzną mentalną barierą, która powstrzymuje przed odważnym działaniem, hamuje zuchwałość i pewność siebie.

Przegląd danych rosyjskich słowników etymologicznych dostarcza kolejnych prawdopodobnych wariantów pochodzenia *skromności*. Badanie etymologii w rosyjskich słownikach etymologicznych dostarcza kolejnych wariantów.

Słownik W słowniku etymologicznym online języka rosyjskiego Kryłowa zostało podane zapożyczenie z języka polskiego utworzone poprzez kontaminację przyimka *s* z oznaczającym granicę rzeczownikiem *kroma* w narzędniku. Z kolei w słowniku etymologicznym online języka rosyjskiego Siemionowa zostały ujęte trzy możliwe źródła pochodzenia, tj. język staro-wysoko-niemiecki, pochodzenie ogólnosłowiańskie od słowa *krom* lub drogę podwójnego zapożyczenia, najpierw z czeskiego na polski, następnie z polskiego na rosyjski.

SŁOWNIKOWA EKSPLIKACJA ZNACZEŃ *SKROMNOŚCI* I *CKPOMHOCTH* Z UWZGLĘDNIENIEM WARTOŚCIOWANIA

W szeregu derywatów odpowiadających wspólnemu wyobrażeniu pojęcia skromności najczęściej znaczeń przypisano przymiotnikowi *skromny*. Pierwsza pula znaczeń według WSJP, tj. *niezarozumiały – właściwy osobie niezarozumiałej – brak zarozumiałości – niezarozumiale* wartościuje pozytywnie, wskazuje na brak przesadnej pewności siebie. Skromność w tym znaczeniu figuruje jako antonim zarozumiałości, indywidualne ograniczenie przed arogancją czy pyszałkowatością.

Pozytywna ocena zauważalna jest również w znaczeniu *niewyzywający – niewyzywająco*, skromność w tym ujęciu oznacza taki styl ubioru, który w ocenie autora wypowiedzi pozbawiony jest podtekstów erotycznych, nie prowokuje, opisywana osoba zachowuje opanowanie i ubiera się odpowiednio.

W kolejnym znaczeniu *biedny – właściwy osobie biednej – biednie* negatywnie oceniana jest sytuacja majątkowa.

Bliskie pod względem semantyki jest dość ogólnie zdefiniowane w WSJP znaczenie *o finansach*, chociaż towarzyszy mu znacznie słabsza ekspresja emocjonalna, związana z ukierunkowaniem oceny bardziej na opłacalność i korzyści przedsięwzięć niż na człowieka. W znaczeniu *brak rozmachu – bez rozmachu* obserwujemy negatywne wyobrażenie, związane z brakiem okazałości i reprezentacyjnego charakteru, gustu lub poczucia estetyki.

Podobne skojarzenia wzbudza znaczenie *o małej doniosłości*, chociaż bardziej podkreśla rangę przedsięwzięcia niż sposób jego organizacji.

Negatywną ocenę zawiera w sobie również znaczenie *niewyszukany – niewyszukanie*, któremu odpowiada mentalne wyobrażenie człowieka przeciętnego, zwyczajnego lub przedmiotu powszechnego, pozbawionego wyjątkowości.

Zdecydowanie pozytywnie oceniana jest skromność rozumiana jako *przyzwoitość*, czyli umiejętność dostosowania się do przyjętych norm.

Problematiczna w ocenie jest skromność pojmowana jako *prostota* ze względu na przeciwstawne sobie konotacje, tzn. *prostota* w znaczeniu autentyczności

i szczerego zachowania wobec naiwności i łatwowierności. Jak widać na wyeksplikowanych powyżej znaczeniach, wynikająca z etymologii bariera mentalna, ograniczająca określone zachowanie podlega częściej wartościowaniu negatywnemu (*biedny, niewyszukany, o małej doniosłości, bez rozmachu, niedużo*) niż pozytywnemu (*niezarozumiały, niewyzywający, przyzwoity*) wartościowaniu.

Tabela 1. Znaczenia leksemów *skromny, skromność, skromnie* według WSJP

SKROMNY	SKROMNOŚĆ	SKROMNIE
1. Niezarozumiały	1. Brak zarozumiałości	1. Niezarozumiale
2. Właściwy osobie niezarozumiały	2. Przyzwoitość	2. Niewyzywająco
3. Niewyzywający	3. Prostota	3. Biednie
4. Biedny	4. O finansach	4. Niewyszukanie
5. Właściwy osobie biednej	5. Brak rozmachu	5. Bez rozmachu
6. Niewyszukany		6. Niedużo
7. O finansach		
8. O małej doniosłości		
9. Nieduży wymiar		

W rosyjskim słowniku online Ożegowa zasygnalizowano następujące znaczenia przymiotnika *скромный*:

I. *Сдержанный вобнаружении своих достоинств, заслуг, не хвастливый.*

II. *Сдержанный, умеренный, простой и пристойный.*

III. *перен. Небольшой, ограниченный, едва достаточный.*

W rosyjskim źródle leksykograficznym zwrócono więc uwagę na przenośny charakter znaczenia traktującego o rozmiarze. W porównaniu do polskiej puli znaczeń, większy nacisk został położony na opanowanie, powściągliwość w zachowaniu, z pominięciem znaczenia *biedny*.

GENOLOGIA *SKROMNOŚCI* W OPARCIU O MATERIAŁY KORPUSOWE

Zarówno w polskim, jak i w rosyjskim materiale korpusowym kolokacje przysłowka *skromnie* odpowiadają jednakowym gatunkom tekstów i mieszczą się w ramach tych samych stylów językowych. Większość kolokacji pochodzi z artykułów publicystycznych, w których dokonuje się oceny sylwetki jakiejś osoby, np. sportowca, polityka. Rzadziej *skromność* komentuje bieżącą sytuację. W utworach literackich koncept *skromność* dotyczy retrospektywnej charaktery-

styki postaci, pojawia się we fragmentach o charakterze wspominkowym. Często wspomniani są *skromni* nauczyciele lub ludzie ze świata nauki. W tym znaczeniu skromność jest wartościowana pozytywnie, jako synonim pokory i pracowitości. Natomiast negatywne wartościowanie odnosi się do trudnej sytuacji materialnej bohaterów literackich, odpowiadając znaczeniu *biedny* – *biednie*.

EKSPLIKACJA ZNACZEŃ *SKROMNOŚCI* NA PODSTAWIE KOLOKACJI PRZYSŁÓWKOWO-CZASOWNIKOWYCH

Podstawową funkcją przysłowka jest określanie i modyfikowanie przymiotnika i czasownika poprzez rozbudowanie i wzbogacenie semantycznego opisu atrybutu, np. *zaskakująco wolny* lub opis czynności, np. *ochoczo przystał*. Fakultatywnie niektóre przysłowki występują przy rzeczownikach, liczebnikach, zaimek lub w formach dwuprzysłówkowych. Zastępowanie innych części mowy przysłówkiem wskazuje na tendencję do maksymalizacji treści wypowiedzi przy jednoczesnym ograniczeniu jego objętości (Prażmowski, 1983).

Wyekscerpowane z polskiego i rosyjskiego korpusu kolokacje pary przysłówek *skromnie-скромно* pogrupowane zostały pod względem profili znaczeniowych. W nawiasie podano liczbę odnotowanych w korpusie poświadczeń.

Opis każdej z grup zawiera charakterystykę polskich i rosyjskich kolokacji o najwyższej frekwencji, porównanie najczęściej pojawiających się w nich czasowników i imiesłówów, przykładowe poświadczenie korpusowe ilustrujące kontekst użycia kolokacji w danym znaczeniu, informację o zaobserwowanym typie wartościowania (pozytywnym, negatywnym lub niejednoznacznym, neutralnym) oraz porównanie znaczenia przypisanego danej grupie do znaczeń wyszczególnionych w WSJP.

Należy wspomnieć o tym, że polskie i rosyjskie kolokacje w obrębie jednej grupy nie mogą być w pełni ekwiwalentne. Wynika to, po pierwsze, z różnic systemowych, bowiem język polski ma inne właściwości semajologiczne niż język rosyjski. Nie jest jednak celem niniejszego artykułu rozstrzyganie spraw łączliwości poszczególnych kolokacji, lecz próba konfrontacji kognitywnych znaczeń, które te kolokacje mają. Po drugie, w obu korpusach w nieco inny sposób utworzone zostały bazy tekstowe. Różnica w reprezentatywności korpusów może przekładać się na brak w ich bazach tekstowych niektórych kolokacji, pomimo że są one utrwalone w danym języku. Jednak kwestią najbardziej różnicującą wykorzystane w artykule bazy korpusowe jest ich aktualność. NKJP posiada zamknięte zasoby tekstowe, projekt zakończono w 2010 roku, podczas gdy NKJR jest na bieżąco aktualizowany. Różnice między wykorzystanymi w artykule korpusami są również związane z dostępnymi w tych korpusach narzędziami. W NKJR teksty

źródłowe są zdecydowanie bardziej szczegółowo pogrupowane pod względem genologicznym, dzięki czemu kolokacje można z łatwością przyporządkować do określonych typów tekstów. NKJR posiada również bardzo obszerne zasoby korpusu prasowego (ponad 2,7 mln tekstów) – zasoby te są pomocne w trakcie badań nad dialektami czy okazjonalizmami. Z kolei NKJP oferuje dwa rodzaje wyszukiwarek, tj. PELCRA i IPI PAN, a także kluczowe dla niniejszego artykułu narzędzie *kolokator*, pozwalające konstruować zapytania w wyszukiwarce związane z właściwościami kolokacji.

Grupa I. Aparycja, wygląd zewnętrzny

W tej grupie kolokacje występują z przymiotnikami, przede wszystkim są to *skromnie ubrany* (71) i *skromnie odziany* (5) w języku polskim, w rosyjskim korpusie dominuje forma czasownika *одеть* (290) oraz jego forma zwrotna *одеваться* (48). Realizowane jest wartościowanie negatywne, ponieważ autor wypowiedzi wskazuje na niestaranny, niechlujny wygląd. To właśnie zaobserwowana w tej grupie niechlujność dodatkowo rozszerza dwa znaczenia adekwatne kontekstowo, tj. *biednie* i *niewyszukanie*. Potwierdzają to będące w pobliżu kolokacji przymiotniki: *milczący*, *małomówny*, *rozczochrany*, *zaniedbany*. Do grupy nie została włączona kolokacja *skromnie wyglądać* (36) oraz jej analogiczny rosyjski ekwiwalent *выглядеть скромно* (95), ponieważ, jak sugeruje kontekst w poświadczeniach korpusowych, kolokacja ta w metaforyczny sposób opisuje wydarzenia, przedsięwzięcia lub jakąś sumę pieniędzy, a więc przynależy do znaczeń *bez rozmachu*, *niedużo* i *niewyszukanie*.

Братья, нацеленные им на квартиру заместителя министра, прибыли туда во всеоружии, с кучей ненужных измерительных приборов, скромно одетые и немногословные (<https://shorturl.at/FzOsq>, dostęp: 09.10.2024).

Była skromnie ubrana, powiedziała, że nie ma pracy, pieniędzy i mieszka poza Miastkiem (<https://shorturl.at/lxGmu>, dostęp: 09.10.2024).

Grupa II. Zachowanie

Kolokacje z czasownikami *spuszczać* (22) i *opuszczać* (9) tworzą utartą, jednak słabo reprezentowaną w tekstach korpusowych frazę *skromnie spuszczać/opuszczać oczy* (rzadziej *wzrok* lub *głowę*). W rosyjskich poświadczeniach, oprócz analogicznych konstrukcji, pojawiają się również pary aspektowe czasowników *улыбаться* (41)/*улыбнуться* (42) oraz *удалиться* (9)/*удалиться* (15). NKJR rejestruje również wyrażenia ilustrujące bardziej ogólną postawę niż konkretny sposób zacho-

wania, tj. *держаться скромно* (129) i konstrukcja z zaimkiem osobowym *вещи себя скромно* (191). Negatywnie ocenia się zachowanie kojarzone z nieśmiałością. W otoczeniu kontekstowym pojawiają się bliskoznaczne wobec nieśmiałości zachowania i reakcje fizjologiczne: *wstyd, zakłopotanie, zaczerwienienie*.

W kolokacjach z czasownikami *siedzieć* (16), *stać* (19) i *stanąć* (8) znaczenie *nieśmiałości* jest potęgowane przez stosunek do przestrzeni. W poświadczeniach korpusowych występują następujące wyrażenia przyimkowe: *z boku, z tyłu, w cieńnię, w rogu, w tłumie, w kącie*. Dany profil rozszerza znaczenie *skromności* rozumianej jako nieśmiałość, zakłopotanie i trema podczas wystąpień publicznych lub w obliczu kameralnych konwersacji dwóch lub kilku osób. Dana grupa kolokacji prezentuje też negatywnie rozumiany status społeczny, pozycję peryferyjną opisywanej osoby, bycie poza centrum wydarzeń.

Skromnie spuścił głowę i zaczerwieniony pobiegł do szatni (<https://shorturl.at/jOlzd>, dostęp: 09.10.2024).

Вскоре я познакомился и с самим Дубинским – высоким, красивым, темноволосым юношей, державшим себя очень скромно и даже застенчиво, но с большим чувством собственного достоинства (<https://shorturl.at/Ri9Ay>, dostęp: 09.10.2024).

Grupa III. Wnętrze i wystrój

Czasowniki *urządzać* (24), *umeblować* (10), *mieszkać* (18) i *wyposażyć* (22) w formie imiesłowów łączą się z przysłówkiem *skromnie* oraz rzeczownikami klasy obiektów jak *mieszkanie, gabinet, dom* i wariantem jego zdrobnienia *domek*. NKJR zarejestrował kolokacje z podobnymi znaczeniowo czasownikami *меблировать* (10) i *обставит* (41). W powyższych kolokacjach *skromność* pomieszczeń może być odbierana zarówno jako brak luksusowych i wyszukanych elementów dekoracji, jak i brak mebli oraz podstawowego wyposażenia w zamieszkałym pomieszczeniu w ogóle, analogicznie do znaczenia *biednie*. Kontekstowe zastosowanie kolokacji sugeruje również ograniczoną wielkość pomieszczeń. Poświadczenia pojawiają się w typowych dla pojęcia *skromności* fragmentach tekstów biograficznych, dotyczących opisu pomieszczenia zamieszkałego przez charakteryzowaną postać. Ocena w przypadku danych kolokacji, w których *skromność* kojarzy się z *biedą* jest negatywna. Negatywnie odbierane wyobrażenie *skromności* występuje w opozycji do poczucia estetyki.

Mieszkania będą różnej wielkości, skromnie wyposażone, z kranów poleci wyłącznie zimna woda, sanitariaty – wspólne, a instalacja wyłącznie elektryczna (żadnego gazu!) oraz wodnokanalizacyjna (<https://shorturl.at/yvBtj>, dostęp: 09.10.2024).

После этого пригласил меня в свой просторный, но скромно обставленный кабинет (<https://shorturl.at/KjouO>, dostęp: 09.10.2024).

Grupa IV. Charakterystyka uroczystości

NKJR rejestruje poświadczenia kolokacji z czasownikami *торжествовать* (7), *отпраздновать* (23), *отмечать* (14). Wyrażenia wskazują na konieczność ograniczonego celebrowania uroczystości. *Skromne świętowanie* odnosi się w języku rosyjskim do ważnych, historycznych obchodów (np. rocznica Rewolucji Październikowej), ale także do prywatnych jubileuszy mniejszego formatu, jak urodziny, rocznica ślubu. Kwerenda przeprowadzona w polskim korpusie potwierdza występowanie analogicznych form *skromnie obchodzić* (2) i *skromnie uczcić* (1), ale z mniejszą frekwencją. Negatywne wartościowanie łączy się ze znaczeniami *niewyszukany* – *niewyszukanie* oraz *brak rozmachu*.

Десятилетний юбилей нашей свадьбы мы с Митей скромно отпраздновали на квартире художника Маковского на Ивановской улице в Петрограде при совсем других обстоятельствах (<https://shorturl.at/BMDDy>, dostęp: 09.10.2024).

Środowiska lewicowe obchodziły kolejną rocznicę Rewolucji Październikowej wyjątkowo skromnie (<https://shorturl.at/RGVq0>, dostęp: 09.10.2024).

Grupa V. Komentarze metatekstowe

Najliczniejszą grupę wśród połączeń z przysłówkiem *skromnie* w obu korpusach narodowych stanowią kolokacje z czasownikami komunikacji. Tworzą one wyrażenia metatekstowe, a ściślej komentarze metatekstowe, zgodnie z klasyfikacją leksemów (Wajszczuk, 2005). Są to, powstałe wskutek operacji wykonanej na bieżącej wypowiedzi, zdania w postaci zwrotów imiesłowowych, będące w nadrzędnej pozycji w stosunku do pozostałych wyrażen metatekstowych, czyli operatorów metapredykatywnych i operatorów metatekstowych (Żabowska, 2009).

Komponentami polskich kolokacji są m.in. czasowniki *przyznawać* (20), *do-dawać* (17), *rzec* (10), *mówić* (113), *podkreślać* (6), *odpowiadać* (22), zwykle w obu aspektach. W analizowanych poświadczeniach rosyjskiego korpusu występują podobne znaczeniowo czasowniki tej klasy: *отвечать* (111), *заметить* (77), *подчеркнуть* (13), *добавлять* (9). Powyższe kolokacje najczęściej są elementem dialogicznych form mowy zależnej, wydzielonym z tekstu jako fakultatywna część narracji.

Z perspektywy leksykograficznej eksplikacji znaczeń w artykułach hasłowych, formuły metatekstowe utworzone z pomocą tzw. czasowników słabych tracą swoje pierwotne znaczenie, trudno więc uwzględniać je jako osobne pojęcia. Metateksty stylizują wypowiedź i naprowadzają odbiorcę komunikatu na określony sposób percepcji tego komunikatu oraz jego autora, który za pomocą metatekstu ujawnia się w wypowiedzi. Chociaż komentarze metatekstowe

nie wyodrębniają konkretnego profilu znaczeniowego, nie będąc tym samym istotnymi dla semantyki, jednocześnie stanowią element pragmatyki językowej obudowujący tekst.

W kontekście nauki języków obcych ich przydatność uwidacznia się, po pierwsze, poprzez stylizowanie komunikatu, ułatwiające jego odbiór, po drugie, poprzez urozmaicenie samej wypowiedzi. Status leksykalny komentarzy metatekstowych nie został rozstrzygnięty (Kubicka, 2017).

«Пока главным промоутером России являетесь вы», – скромно заметил он, обращаясь к хозяину Кремля (https://t.ly/gUd_C, dostęp: 10.10.2024).

Działam w tej branży od siedmiu lat i dopiero uzmysławiam sobie wiele rzeczy – mówi skromnie podnosząc się z krzesła i wystawiając twarz do słońca (https://t.ly/x_9so, dostęp: 10.10.2024).

UWAGI KOŃCOWE

Narzędzia korpusowe umożliwiają odnalezienie dodatkowych profili, wyobrażeń o przedmiocie, przejawiających się w kolokacjach i ich kontekstowych zastosowaniach. Uwzględnienie wartościowania pozwala dodatkowo wykryć rozszerzenia znaczeń bazowych, zaprezentowanych w definicjach artykułów hasłowych. Zarejestrowane w korpusach kolokacje przysłówkowo-czasownikowe pozwalają stwierdzić, że zaproponowane w WSJP znaczenia pojęcia *skromności* zostały rozszerzone o *niewyszukanie*, *nieśmiałość* czy *niezręczność*. Znaczenia w języku polskim i rosyjskim oraz towarzyszące im wartościowanie są do siebie zbliżone, jednak analiza w niniejszym artykule sugeruje, że rosyjskie wyobrażenie skromności jest rozszerzone w większym stopniu. Interesującym zagadnieniem są formuły metatekstowe, które zasługują na bardziej szczegółowe badania pod kątem ich klasyfikacji znaczeniowej, przekładu oraz uwzględnienia ich w pracach leksykograficznych.

BIBLIOGRAFIA (REFERENCES)

- Bartmiński, J., Niebrzegowska S., (1998). *Profile a podmiotowa interpretacja świata*. W: *Profilowanie w języku i tekście* (211–224), J. Bartmiński, R. Tokarski (red.). Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej.
- Boryś, W. (2008). *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków: Wydawnictwo Literackie.
- Brückner, A. (1927). *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków: Krakowska Spółka Wydawnicza.

- Kubicka, E. (2017). *Jak mówimy, jakoś mówiąc? Formalne i semantyczne właściwości adwerbialnych uzupełnień quasi-imiesłowowego „mówiąc”*, LingVaria, 1, 99–111. <https://doi.org/10.12797/LV.12.2017.23.07>
- Niebrzegowska-Bartmińska, S. (2020). *Definiowanie i profilowanie pojęć w (etno)lingwistyce*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej.
- Prażmowski, S. (1982–1983). *Dwuprzysłówkowe połączenia typu „Dziwnie obco”, „Młodzieńczo namiętnie” w dzisiejszej polszczyźnie*, Roczniki Humanistyczne, 6, 177–181.
- Szymańska, M. (2019). *Piękny – pięknie – piękno. Eksplikacja znaczeń i profili pojęcia „piękna” na podstawie analizy korpusowej*, Zielonogórskie Seminaria Językoznawcze, 41–53.
- Wajszczuk, J. (2005). *O metatekście*. Warszawa: Katedra Lingwistyki Formalnej Uniwersytetu Warszawskiego.
- Wierzbicka, A. (2011). *Uniwersalia ugruntowane empirycznie*, Szkice, 1–2, 13–30.
- Żabowska, M. (2009). *Hierarchia wyrażen metatekstowych*, Linguistica Copernicana, 2, 179–188. <https://doi.org/10.12775/LinCop.2009.026>
- Etymologiczny Słownik Online Kryłowa*, <https://lexicography.online/etymology/krylov/>
- Słownik Online Siemionowa*, <https://lexicography.online/etymology/semyonov/>
- Słownik Online Ożegowa*, <https://slovarozhegova.ru/>
- Narodowy Korpus Języka Polskiego, <http://www.nkjp.uni.lodz.pl/>
- Narodowy Korpus Języka Rosyjskiego, <https://ruscorpora.ru/new/>
- Wielki Słownik Języka Polskiego PAN, <https://wsjp.pl/>

Julia Tomczak <https://orcid.org/0009-0002-7888-0506>

Uniwersytet Łódzki

Wydział Filologiczny

Instytut Rusycystyki

90-236 Łódź, ul. Pomorska 171/173

tomczak810@gmail.com

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПЕРЕВОДА II ЧАСТИ ДЗЯДОВ А. МИЦКЕВИЧА С ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ (ВЫБРАННЫЕ АСПЕКТЫ)

Linguistic Analysis of the Translation of Part II of Adam Mickiewicz's *Dziady* (*Forefathers' Eve*) from Polish into Russian (Selected Aspects)

Резюме

Целью настоящей статьи является лингвистический анализ некоторых аспектов перевода II части *Дзядов* А. Мицкевича Л.Н. Мартыновым.

Важность данного исследования определяется тем, что данная поэма является интертекстом в польском социуме, поэтому необходимо рассматривать ее в разных аспектах. К тому же II часть *Дзядов* не так часто является объектом научных исследований, как, например, III часть той же поэмы, а также другие тексты А. Мицкевича вообще.

Перевод Л.Н. Мартынова является наиболее распространенным. Его несложно найти в интернет-ресурсах. Главным, на что мы обратили внимание, является подборка слов и позднейшее восприятие текста реципиентом.

Для исследования использовались описательный и сравнительный методы.

Исследуя данные особенности перевода, мы пришли к выводу, что некоторые переводческие приемы создают у читателя другой образ, чем в подлиннике. Хотя следует подчеркнуть, что это не имеет сильного влияния на общее восприятие данного фрагмента.

Однако в связи с тем, что мы исследовали лишь фрагмент первой части данного произведения, в котором речь идет о душах умерших детей с самым легким грехом, то в будущем стоит расширить объект исследования. Смотри на текст в целом, можно заметить, что он является более сложным для восприятия, поэтому кроме анализа отдельных фрагментов, следует его рассматривать полностью. Только комплексный анализ позволит прийти к выводу, насколько данный перевод соответствует подлиннику.

Ключевые слова: перевод, сравнительный анализ, *Дзяды*, А. Мицкевич, Л.Н. Мартынов.

Summary

The purpose of this article is to provide a linguistic analysis of selected aspects of L.N. Martynov's translation of Part II of Adam Mickiewicz's *Dziady* (*Forefathers' Eve*).

The significance of this research lies in the fact that *Dziady* is a foundational intertext within Polish culture, necessitating its study from various perspectives. Furthermore, Part II of *Dziady* has received comparatively less scholarly attention than Part III or Mickiewicz's other works.

L.N. Martynov's translation is the most widely recognized version and is easily accessible via online resources. This study focuses particularly on word choice and how the translated text is perceived by the target audience. Descriptive and comparative methods were employed in the analysis.

The findings indicate that certain translation strategies employed by Martynov result in a slightly altered image for the reader compared to the original. However, this does not significantly affect the overall reception of this fragment.

It is worth noting that this study examines only a fragment of Part II, specifically the section concerning the souls of deceased children with minor sins. Future research should expand the scope to include a comprehensive analysis of the entire text. A broader perspective would reveal the challenges posed by the full poem's complexity and allow for a more accurate assessment of how well the translation aligns with the original.

Keywords: translation, comparative analysis, *Dziady* (*Forefathers' Eve*), A. Mickiewicz, L.N. Martynov.

Без сомнений, исследование проблем перевода всегда будет актуальным и интересным с точки зрения восприятия его реципиентом. Следует подчеркнуть факт, что перевод, особенно художественных текстов, может охватывать несколько дисциплин, в том числе языкознание, литературоведение и психолингвистику. Можно сказать, что это своего рода сотрудничество наук, благодаря которым информация может быть вполне донесена до адресата (Петрова, 2019, 2). Поэтому предметом нашего исследования стал перевод значимой для всех поляков поэмы, а именно *Дзядов* Адама Мицкевича. Автор был основоположником польского романтизма, а его творчество охватывает огромное количество произведений, которые играют существенную роль в польском социуме. Его романтически-драматическая поэма *Дзяды* насчитывает четыре части (изданные в очереди: II, IV, III, I), однако мы сосредоточим наше внимание на фрагментах II части, опубликованной в 1823 году (Федута, 2004–2007). Наш интерес к данной теме был вызван тем, что II часть *Дзядов* не пользуется такой популярностью, как например, III часть той же поэмы, которая является объектом рассмотрения разных аспектов. Именно она привлекает большинство исследователей, в том числе знаменитого Б.Ф. Стахеева. Во время анализа мы хотим обратить внимание на несколько аспектов. Во-первых, на аспект подборки слов и лексических различий между подлинником и переводом; во-вторых, мы постараемся ответить на вопрос: как переводческие приемы могут действовать на читателя и одновременно изменять создаваемый им образ событий, представленных в тексте.

Оригинальное произведение было написано Адамом Мицкевичем в начале XIX века и в это же время появился первый перевод II части *Дзядов*, опубликованный в *Невском альманахе на 1829 год* М. Вронченком. Потом II часть указывается в демократическом журнале *Русское слово*, а в 1863 году, благодаря В. Бенедиктову появляется полный перевод (Стахеев, 1968). Однако в данной статье мы рассмотрим перевод 1955 года, автором которого является Леонид Николаевич Мартынов. Его, как единственного можно найти на интернет-ресурсах. В связи с ограничением доступа к научным источникам в интернете, остальные переводы невозможно найти.

Перед тем как начать анализировать данный перевод, мы бы хотели привести краткое содержание данного фрагмента сюжета, который поможет глубже понять реалии и суть данного произведения¹. Мы сосредоточим наше внимание на первом фрагменте второй части *Дзядов*, в которой принимают участие Кудесник, Старец и Хор крестьян, а действие проходит вечером в часовне. Кудесник и Старец проводят обряд дзядов, который заключался в призывании умерших, чтобы принести им жертвы и тем самым спасти их души. Роль Хора крестьян состоит в том, чтобы поддерживать и вторить исполнителям. В ходе этих событий появляются два ангела – это души умерших детей, а точнее, брата и сестры. Кудесник предлагает им еду, но души отказываются, говоря, что там, куда они попали после смерти, еды достаточно и у них совсем другая проблема. Оказывается, что они проводят время в играх, но их души не могут найти дорогу на небо. Причиной того стал факт, что брат и сестра умерли рано, были безгрешными и не успели познать горечь жизни. Чтобы почувствовать эту горечь, дети просят у Кудесника два горчичных зерна. Получив зерна, души младенцев улетают.

Перед тем как начнем анализировать содержание, обратимся к структуре поэмы. В подлиннике появляется силлабическая система стихотворения и женская рифма, а в переводе уже замечается силлабо-тоническая система². Однако сама форма не влияет на восприятие данного произведения читателем, поскольку переводчик сохранил стихотворную и драматическую структуру текста.

Далее, на что мы обратили внимание – это перевод действующих лиц, и в данной области мы заметили несколько явлений. Эта проблема показалась нам интересной, поскольку обычно переводчики придерживаются одной из возможностей. Во первых, транскрибирование: *Józio* – Юзе, *Rózia* – Рузя. Во-вторых, появляющиеся в подлиннике *Starzec* и *Chór*, в переводе

¹ В дальнейшем все цитаты из *Дзядов* А. Мицкевича на польском языке приводятся по источнику: <https://wolnelektury.pl/media/book/pdf/dziady-dziady-poema-dziady-czesc-ii.pdf>, доступ: 05.05.2024.

² В дальнейшем все цитаты из *Дзядов* А. Мицкевича на русском языке приводятся по источнику: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9C/mickevich-adam/stihotvoreniya-poemi/7>, доступ: 05.05.2024.

выступают в виде полного эквивалента: *Старец* и *Хор*. В-третьих, польский *Aniołek* один раз появляется как *Ангелок*, а затем как *Ангелочек*. И в-четвертых, в переводе *Кудесник* тот, кто в польском тексте *Guślarz*.

Сосредоточим наше внимание на слове *Guślarz*, которое происходит от польского *gusła*. Согласно *Словарю современного польского языка*, *gusła* – это ритуалы народной культуры, связанные с практикой вызова духов, сопровождаемые заклинаниями и колдовством (Dunaj, 1996). Т.Ф. Ефремова отмечает, что *колдовство* означает занятие магией как ремеслом, при котором видны контакты со сверхъестественными силами (Ефремова, 2000). Однако само колдовство сформировалось у славян от волхвов и волховании – древнерусские языческие волхвы вели богослужения, приносили ритуальные жертвы, прорицали будущее и могли заклинать природные явления (Толстой, 1995). Итак, автор перевода решился на слово *Кудесник*, которое является родственным слову *чудеса*, но происходит от существительного *кудесъ*, значит колдовство (Крылов, 2005). В этом отношении следует еще рассмотреть возможность применения слова *колдун*, означающее человека, занимающегося колдовством (Ожегов, Шведова, 1992). К тому же существует еще *чародей* – человек, который производит магические действия (Вихлянцева, 1994) и *волшебник*, являющийся сказочным персонажем, могущим совершать чудеса (Ефремова, 2000).

Следующее, на что мы хотели бы обратить внимание – это первые слова Хора. В польском языке они являются устойчивым выражением: «*Ciemno wszędzie, głucho wszędzie, / Co to będzie, co to będzie?*». Оно стало устойчивым благодаря тому, что произведение А. Мицкевича было включено в обязательную программу обучения польскому языку и относится к культурно-языковому фону. Данное выражение было переведено как «Глушь повсюду, тьма ложится, / Что-то будет, что случится?». В первой строке появляются другие слова – наречия заменяются существительными и замечается другую очередь слов, в переводе сначала наблюдается слуховые ощущения и только потом визуальные. Что касается всей строфы – нет повторения слов *wszędzie* (*везде*) и *będzie* (*будет*), но это сильно не влияет на восприятие образа. Однако, что следует подчеркнуть, оно не остается в памяти читателя, носителя русского языка и не воспринимается в позднейших произведениях как интертекст.

Следуя дальше, рассмотрим первую реплику Кудесника:

GUŚLARZ

Zamknijcie drzwi od kaplicy
I stańcie dokoła truny;
Żadnej lampy, żadnej świecy,
W oknach zawieście całuny.
Niech księżyc jasność błada
Szczelinami tu nie wpada.
Tylko żwawo, tylko śmiało.

Эти слова Л.Н. Мартынов переводит следующим образом:

Кудесник
Дверь часовни затворите,
Станьте перед домовиной;
Все лампы потушите,
Не оставьте ни единой.
А на окна – покрывала,
Чтоб луна не проникала.
Ну-ка, живо, смело, дружно!

Итак, в подлиннике в этой реплике отмечены 7 строк с перекрестной рифмовкой: *kaplicy-świecy, truny-całuny, blada-wpada* и последняя строка остается без рифмы. В переводе опускается строка о лучах Луны: «*Szczelinami tu nie wpada*», – она заменяется акцентом на отсутствие света от лампы: «Не оставьте ни единой». В связи с изменениями возникает вопрос о рифме. Получаются две рифмы перекрестные: *затворите-потушите, домовиной-единой*, одна парная: *покрывала-проникала*. Но как в подлиннике последняя строка остается без рифмы? Что касается образа Луны А. Мицкевича, то он играет немаловажную роль, поскольку различные обряды были связаны с явлениями природы, а Луна представляется свидетелем всего происшествия, и она должна им быть. Таким образом А. Мицкевич подчеркивает таинственность данного обряда и тем самым вызывает это чувство у реципиента.

Надо отметить, что переводчик старается сохранить стиль произведения, написанного в XIX веке. Мы отмечаем архаизацию в тексте перевода и рассмотрим ее на примерах из этой строфы: у А. Мицкевича появляется *truna*, в переводе как *домовина*, что раньше обозначало гроб. Дальше – «*Żadnej lampy, żadnej świecy*», в переводе «Все лампы потушите» кроме того, что в этой строке наступает сужение образа (отсутствуют свечи), то применяемое слово *лампада* означает сосуд, который вешают перед иконами (Вихлянцев, 1994). «*W oknach zawieście całuny*» «А на окна – покрывала,» в Польше *całunami* назывались *саваны* – специальный вид одежды для усопшего, которым накрывали тело в гробу (Dunaj, 1996). В Польше он существует в черном цвете, а в России саван обычно белый. В слове *покрывало* нет информации про цвет, можем догадаться, что подразумевается темная ткань (Ожегов, Шведова, 1992).

Также интересной является вторая реплика Кудесника:

GUŚLARZ
Czyscowe duszeczki!
W jakiegokolwiek świata stronie:
Czyli która w smole płonie,
Czyli marznie na dnie rzeczki,
Czyli dla dotkliwszej kary
W surowym wszczepiona drewnie,

Gdy ją w piecu gryzą żary,
I piszczy, i płacze rzewnie;
Każda spieszcie do gromady!
Gromada niech się tu zbierze!
Oto obchodzimy Dziady!
Zstępujcie w święty przybytek;
Jest jałmużna, są pacierze,
I jedzenie, i napitek.

Л.Н. Мартынов перевел эту часть следующим образом:

Кудесник
Чистилища души
В воде и на суше
Вы, пылающие в смолах
Где-то в огненной геенне,
Или зябнувшие в речках,
Иль для мук, стократ тяжелых,
Грубо вбитые в поленья,
Чтоб пищать и плакать в печках, –
Мчитесь к нам! Врата открыты
Дома этого святого,
Милостыня вам готова –
Угощенья, и напитки,
И молитвы, и обряды –
Будет все у вас в избытке:
Нынче мы справляем Дзяды!

Во второй реплике Кудесника в оригинале насчитывается четырнадцать строк, а в переводе – пятнадцать. Смотря дальше, в первой строке отсутствует ласкательно-уменьшительное слово *duuszczki* и вместо него появляется нейтральное слово *души*. Далее наступает замена и уменьшение образа: «W jakiegokolwiek świata stronie» – «В воде и на суше». В третьей строке: «Czyli która w smole płonie», в свою очередь, наступает расширение образа, которое переносится на четвертую строку: «Вы, пылающие в смолах/ Где-то в огненной геенне», хотя в подлиннике не появляется геенна, которая является символом судного дня в иудаизме и христианстве. В строках номер девять и десять: «Każda spieszcie do gromady! / Gromada niech się tu zbierze!» в переводе появляется «Мчитесь к нам! Врата открыты», немного расширяется образ метафорой *врата открыты* и опускаются строки про группу людей, которые собрались в часовне. Замечается также другая очередь строк: в подлиннике сначала идет «официальное» начало праздника «Oto obchodzimy Dziady», а только потом рассказывается о милостыне для душ. В переводе сначала появляется поощрение, только потом начало праздника.

Коротко прокомментируем реплику Хора: «*Mówcie, komu czego braknie, / Kto z was pragnie, kto z was łaknie.*», которая переводится: «Что вам дать? Пусть молвит каждый! / Голодом томитесь? Жаждой?». В польском варианте используется повелительное наклонение, благодаря которому польский читатель воспринимает Хор более уважительно. В переводе доминируют вопросы, которые русский реципиент может понять как благосклонность Хора.

Приблизим следующую реплику Кудесника:

GUŚLARZ

Patrzcie, ach, patrzcie do góry,
Cóż tam pod sklepieniem świeci?
Oto złocistym pióro
Trzepioce się dwoje dzieci.
Jak listek z listkiem w powiewie,
Kręca się pod cerkwi wierzchołkiem;
Jak gołąbek z gołąbkim na drzewie,
Jak aniołek igra z aniołkiem.

И ее перевод Л. Н. Мартыновым:

Кудесник

Ах, смотрите! Кто сияет
Там, вверху, под сводом мгlistым,
Опереньем золотистым?
Два младенчика летают!
Как под ветерком листочки
На трепещущем сучочке,
Как птенцы, как голубочки,
Там играют ангелочки!

Рассматривая данную реплику можно заметить, что переводчик расширяет образ «сводом мгlistым», который может влиять на восприятие текста, поскольку таким образом подчеркивается сильное сияние пришедших душ. Здесь тоже замечается архаизация – «*złocistym pióro*» на «опереньем золотистым». Дальше в переводе, скорее всего, появляется образ летающих ангелов, где в подлиннике излагается информация, что они крутятся, имеется в виду то, что они еще дети и это своего рода игра. К тому же строки «*Jak gołąbek z gołąbkim na drzewie, / Jak aniołek igra z aniołkiem*» заменяются «Как птенцы, как голубочки, / Там играют ангелочки». А. Мицкевич, используя прием дублирования слова *голубочки*, вызывает чувство неразрывности детей, а переводческие *птенцы*, скорее всего, указывают на их молодой возраст.

Следует обратить внимание на реплику Ангелка:

ANIOŁEK

(do jednej z wieśniaczek)

Do mamy lecim, do mamy.
Cóż to, mamó, nie znasz Józia?
Ja to Józio, ja ten samy,
A to siostra moja Rózia.
My teraz w raju latamy,
Tam nam lepiej niż u mamy.
Patrz, jakie główki w promieniu,
Ubiór z jutrzeńki światełka,
A na oboim ramieniu
Jak u motylków skrzydełka.
W raju wszystkiego dostatek,
Co dzień to inna zabawka:
Gdzie stąpim, wypływa trawka,
Gdzie dotknem, rozkwita kwiatek.
Lecz choć wszystkiego dostatek,
Dręczy nas nuda i trwoga.
Ach, mamó, dla twoich dziatek
Zamknięta do nieba droga!

И в переводе звучит она следующим образом:

Ангелок
(одной из крестьянок)
А мы – к маме. Что-то с мамой!
Мама, ты узнала Юзя?
Я ведь Юзе! Я – тот самый!
А со мной – сестричка Рузя.
С неба мы, из рая прямо!
Там нам лучше, чем у мамы!
Посмотри – какие крылья!
Мы, как бабочки, порхаем.
Нас в сиянье нарядили –
Мы, как лучики, сверкаем!
Там, в раю, всего в достатке,
Вечно новые забавы:
Где мы ступим – блещут травы,
Гдедохнем – цветут дубравы!
Но хотя всего в достатке –
Мы в печали, мы в тревоге...
Мама! Мы, твои ребятки,
В небо не найдем дороги!

Ангелок в переводе вместо повторения «к маме» говорит «что-то с мамой», и таким образом, у читателя может возникнуть некая забота, которой не ощущается в подлиннике. Дальше, замечаем замену образа: в оригинале Ангелок говорит об их головках в лучах (можем догадаться, что солнечных), наряде в цветах зари и только потом, что рядом с их плечами появились крылья, как у бабочек. В переводе Ангелочек сразу дает

информацию о том, что у них выросли крылья и то еще «какие крылья!», а дальше говорит, что «Мы, как бабочки, порхаем», что немного расширяет образ, поскольку в подлиннике не упоминается об этом. Еще на что следует обратить внимание – это строки «Gdzie stąpić, wypływa trawka, / Gdzie dotknijemy, rozkwita kwiatek», которые в переводе звучат: «Где мы ступим – блещут травы, / Гдедохнем – цветут дубравы!». Кроме того, что выражение «gdzie dotknijemy» (точный перевод «куда прикоснемся») заменяется на *дохнем*, то польское слово *kwiatek* ассоциируется с чем-то милым, нежным и чистым, а *дубравы* (дубовые леса), хотя и являются частью природы, то, скорее всего, вызывают другой образ, более мощный и масштабный. Во фразе «dręczy nas nuda i trwoga» – «мы в печали и тревоге» местоимение *мы* касается читателей, переживающих другие эмоции, и именно поэтому польское имя существительное *nuda* переводится как *скука*. Выражение «в небо не найдем дороги» отличается от текста оригинала «zamknięta do nieba droga» и значит ‘они не смогут туда попасть’, а не ‘они потерялись’.

После фразы «в небо не найдем дороги» в оригинале Хор должен повторить последние слова Ангелка (заменяется только местоимение с *нас* на *их*):

Lecz choć wszystkiego dostatek,
Dręczy ich nuda i trwoga.
Ach, mamo, dla twoich dziątek
Zamknięta do nieba droga!

В переводе же Хор произносит слова:

Да, хотя всего в достатке,
Все же души их в тревоге!
Слышишь, мать: твои ребятки
В небо не нашли дороги!

Такой прием подчеркивает данную фразу и одновременно должен усиливать чувства читателя. В переводе отсутствует повторение строк, появляются новые слова, однако кроме других эмоций, это сильно не влияет на восприятие поэтического образа.

Обратим еще внимание на следующую реплику, т.е. слова, с которыми в этот раз выступает Ангелочек (не Ангелком): «Nie o pączki, mleczka, chrusty» – «Молоком не угощайте, / Пирожков не надо тоже, / И не хочется печенья». Сам смысл, что души не хотят еды сохраняется, но подборка слов создает другой образ, поскольку *pączki* (пончики) и *chrusty* (хворосты) ассоциируются с польскими блюдами. *Пирожки* в Польше не имеют той традиции как в России или странах бывшего соцпространства, а *печенья* как польские *ciastka* могут быть разными.

Обратим внимание на последнюю реплику Кудесника в этом фрагменте:

GUŚLARZ

Aniołku, duszeczeko!
 Czego chciałeś, macie obie.
 To ziarneczko, to ziarneczko,
 Teraz z Bogiem idźcie sobie.
 A kto prośby nie posłucha,
 W imię Ojca, Syna, Ducha.
 Widzicie Pański krzyż?
 Nie chcecie jadła, napoju,
 Zostawcież nas w pokoju!
 A kysz, a kysz!

Л.Н. Мартынов перевел эту реплику следующим образом:

Кудесник
 Детки горемычные,
 Вот вам на дорогу
 Два зерна горчичные
 И – летите к богу!
 А чье ухо к просьбам глухо –
 Во имя отца и сына и святого духа! –
 Видите господень крест?
 Кто не пьет здесь и не ест –
 Убирайтесь прочь от нас!
 Кыш! Сгиньте с глаз!

Итак, в подлиннике сначала появляется ласковое обращение «Aniołku, duszeczeko!», значит «Ангелочек, душенька!», что подчеркивает ласковое отношение говорящего к детям. В переводческом обращении «Детки горемычные» теряется ласка Кудесника и определенно указывается на мучения детей. Далее, польское «Teraz z Bogiem idźcie sobie» означает желание счастливого пути под покровительством Божиим. В переводе дается «летите к богу!», которое не означает такого же пожелания, а указывает на направление, которому должны следовать дети. К тому же в последней строке наблюдается повторение «A kysz, a kysz!», но в переводе этот повтор отсутствует. Также в последних строках усиливается желание, чтобы призраки исчезли: «Убирайтесь прочь от нас! / Кыш! Сгиньте с глаз!», в то время как в польском варианте оно более нейтральное: «Zostawcież nas w pokoju! / A kysz, a kysz!».

Подытоживая, мы считаем, что переводчик правильно отобразил настроения, царящие в *Дзядях* Адама Мицкевича. Сомнения могут возникнуть, когда переводчик использует те или иные лексические средства, но, смотря на произведение в целом, обозначенные нами элементы не влияют существенно на восприятие текста. И таким образом, в выбранных нами фрагментах пере-

водчик передал главный смысл обряда – вызов душ, не попавших в рай, и помощь, которую предлагали крестьяне. «Дзяды», как представляет Мицкевич, – это обряд, который соединяет в себе христианские и языческие традиции, поэтому в переводе появляются приметы, например часовня и в ней вызываются души. А это уже характеристика описываемого нами праздника.

БИБЛИОГРАФИЯ (REFERENCES)

- Вихлянцев, В.П. (1994). *Библейский словарь*, https://medialib.adventist.su/wp-content/uploads/books/vihlyanzen_v_bibleyskiy_slovar/vihlyanzen_bibleyskiy_slovar.pdf, доступ: 05.05.2024.
- Ефремова, Т.Ф. (2000). *Современный толковый словарь русского языка*, <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary-efremova/index.htm>, доступ: 05.05.2024.
- Крылов, Г.А. (2005). *Этимологический словарь русского языка*, https://www.lesjeunesrussisants.fr/dictionnaires/documents/DICTIONNAIRE_RUSSE_ETYMOLOGIQUE-KRYLOV.pdf, доступ: 05.05.2024.
- Мицкевич, А. *Дзяды*, часть II, <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9C/mickevich-adam/stihotvoreniya-roemi/7>, доступ: 05.05.2024.
- Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. (1992). *Толковый словарь русского языка (С–Я)*, http://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_s_q.txt, доступ: 05.05.2024.
- Петрова, М.В., Жебраткина, И.Я. (2019). *Теория перевода*, Балтийский гуманитарный журнал, 3 (28), 8, <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-perevoda/viewer>, доступ: 05.05.2024.
- Стахеев, Б.Ю. (1968). *Адам Мицкевич. Стихотворения. Поэмы (35–36)*. Москва: Художественная литература, <https://profilib.org/chtenie/50098/adam-mitskevich-stikhotvoreniya-roemu.php>, доступ: 05.05.2024.
- Толстой, Н.И. (ред.). (1995). *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*, https://archive.org/stream/slavyanskiedrevnostikn141993g/Slavyanskie_drevnosti_kn_1-4_1993g_djvu.txt, доступ: 05.05.2024.
- Федута, А.И. (2004–2007). *Большая российская энциклопедия*. <https://old.bigenc.ru/literature/text/2219554>, доступ: 05.05.2024.

- Dunaj, B. (red.). (1996). *Słownik współczesnego języka polskiego*. Warszawa: Wydawnictwo Wilga.
- Efremova, T.F. (2000). *Sovremenniy tolkoviy slovar' russkogo yazyka*, <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary-efremova/index.htm>, accessed: 05.05.2024.
- Feduta, A.I. (2004–2007). *Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya*, <https://old.bigenc.ru/literature/text/2219554>, accessed: 05.05.2024.
- Krylov, G.A. (2005). *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka*, https://www.lesjeunesrussisants.fr/dictionnaires/documents/DICTIONNAIRE_RUSSE_ETYMOLOGIQUE-KRYLOV.pdf, accessed: 05.05.2024.
- Mickiewicz, A. *Dziady, część II*, <https://wolnelektury.pl/media/book/pdf/dziady-dziady-poema-dziady-czesc-ii.pdf>, accessed: 05.05.2024.

- Mitskevich, A. *Dzyady, chast' II*, <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9C/mickevich-adam/stihotvoreniya-poemi/7>, accessed: 05.05.2024.
- Ozhegov, C.I, Shvedova, N.Yu. (1992). *Tolkovy slovar' russkogo yazyka* (S–Ya), http://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_s_q.txt, accessed: 05.05.2024.
- Petrova, M.V., Zhebratkina, I.Ya. (2019). Teoriya perevoda, *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal*, 3 (28), 8, <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-perevoda/viewer>, accessed: 05.05.2024.
- Stakheev, B.Yu. (1968). *Adam Mitskevich. Stikhotvoreniya. Poemy*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 35–36, <https://profilib.org/chtenie/50098/adam-mitskevich-stikhotvoreniya-poemy.php>, accessed: 05.05.2024.
- Tolstoi, N.I. (red.). (1995). *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'*, https://archive.org/stream/slavyanskiedrevnostikn141993g/Slavyanskije_drevnosti_kn_1-4_1993g_djvu.txt, accessed: 05.05.2024.
- Vikhlyantsev, V.P. (1994). *Bibleiskii slovar'*, https://medialib.adventist.su/wp-content/uploads/books/vihlyanzev_-_bibleyskiy_slovar/vihlyanzev_bibleyskiy_slovar.pdf, accessed: 05.05.2024.

Małgorzata Borek <https://orcid.org/0000-0001-5739-9698>

Uniwersytet Łódzki

Wydział Humanistyczny

Instytut Językoznawstwa

malgorzata.borek@us.edu.pl

МЕТАФОРЫ «ВОЛНЫ» В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ

“Wave” Metaphors in Russian and Polish

Резюме

Целью настоящей статьи является сравнительный анализ метафорических конструкций с лексемой *волна* в русском и польском языках.

Примеры для анализа взяты из национальных корпусов русского и польского языков и сайтов в интернете.

Автор старается показать, что метафоры волны как разновидность метафор «водного пространства» активно используются в разного типа текстах для более экспрессивного описания различных явлений действительности и участвуют в моделировании определённого фрагмента нашего мира. В результате анализа выяснилось, что языковая картина, отражённая в русских и польских метафорах с лексемой *волна/fala*, является частично сходной и частично различной. В большинстве рассматриваемых метафор в обоих языках *волна* воспринимается как препятствие, которое надо преодолеть и которое часто угрожает нашей жизни. Поэтому метафоры волны появляются прежде всего в текстах, указывающих болевые точки нашего времени и самые важные угрозы. Таким образом, метафоры водного пространства, в том числе метафоры волны, широко используются для концептуализации и оценки общественной жизни и позволяют выявить, как реальность и ментальный мир человека отражаются в языковой системе.

Ключевые слова: метафора, волна, польский язык, русский язык, сравнительный анализ.

Summary

The aim of this article is to provide a comparative analysis of metaphorical constructions involving the lexeme *wave* (*волна* in Russian, *fala* in Polish) in Russian and Polish. The examples analyzed were drawn from the national corpora of Russian and Polish, as well as various websites.

The study demonstrates that *wave* metaphors, as a subset of “water-space” metaphors, are actively employed in different types of texts to offer more expressive descriptions of various phenomena and to model specific fragments of reality. The analysis reveals that the linguistic imagery associated with *wave* metaphors in Russian and Polish is partially similar but also exhibits notable differences.

In many cases, the *wave* in these metaphors is conceptualized as an obstacle that must be overcome and often represents a threat to life. As such, *wave* metaphors frequently appear in texts addressing contemporary societal challenges and significant dangers. Consequently, metaphors of water space, including those centered on *wave*, are widely used to conceptualize and evaluate social life. They reflect both the external reality and the mental world of individuals, revealing how these elements are embedded in the linguistic system.

Keywords: metaphor, wave, Polish, Russian, comparative analysis.

Метафоры *волны* тесно связаны с более широкой темой водных метафор, которые пользуются большой популярностью в разного типа текстах. Водные метафоры можно разделить на определенные подгруппы: морские, гидравлические, метафоры каналов, метафоры, связанные с парусным спортом и т.д. В работах русских языковедов можно найти интересный термин *метафоры водного пространства*. Итак, опираясь на теорию концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона и теорию метафорического моделирования А.П. Чудинова, Оксана Волчек попыталась исследовать закономерности функционирования метафоры водного пространства в современной российской периодической печати (Волчек, 2010, 289). Оказалось, что среди 30 номинаций водного пространства (при 4090 словоупотреблениях) переносное значение развивают слова нескольких подгрупп. Во-первых, это названия собственно водоемов и их частей: болото, бухта, море, озеро, океан, пруд, река, ручей, брод, водоворот, исток, омут и др. Во-вторых, источником метафоры выступают названия водных струй: вал, водопад, фонтан, волна, цунами и др. (Волчек, 2010, 289–290).

Проблемой определения волн занимаются ученые из разных областей. В результате волны обладают множеством узоров, геометрических описаний и трехмерных моделей. Однако определение волны, оказывается, может быть вполне доступным и для непрофессионала. Простыми словами волной можно называть деформацию свободной поверхности, движущуюся из одной точки среды в другую. Сущность волны, следовательно, есть движение, только здесь движется не масса воды, а сама деформация. Образно можно это объяснить на примере волны на стадионе, которая работает аналогичным образом: болельщики встают и синхронно поднимают руки, но не пересаживаются на другой стул. Зрительская волна впервые прокатилась по трибунам на Чемпионате мира по футболу 1986 г. в Мексике, позаимствовав отсюда название – мексиканская волна (*сделать мексиканскую волну, zrobić meksykańską falę*) (Karaś, 2010).

В океанографии волна понимается как колебательное возмущение, распространяющееся по поверхности или в толще воды без перемещения самих частиц воды. Ветер вызывает волны благодаря сцеплению между частицами воды. Сила и величина волны зависит от скорости ветра и протяженности открытой воды, над которой дует ветер. Волны, возникающие в отсутствии сильного ветра, называются зыбью. В свою очередь в физике волна – это колебательное возмущение в материальной среде или в электромагнитном поле. Бегущая волна распространяет колебания от источника. Скорость ее зависит от типа волны и от среды (*Научно-технический словарь*, <https://gufo.me/dict/scientific/>, доступ: 05.06.2023).

Сначала в сфере звука, а затем и в так называемом радиомагнитном спектре, введен был термин *волна*, иллюстрируя распространение звука в воздухе, как волны вызванной ветром на воде или другим источником, например, падением камня в воду. Томаш Гобан-Клас замечает, что если такая метафора оправдана в случае звуковых волн (физическая среда здесь – воздух), то в случае с электромагнитными волнами это всего лишь визуализация изменения частоты и высоты излучаемого сигнала (Goban-Klas, 2008, 1).

В *Словаре русского языка* С.И. Ожегова под ред. Н.Ю. Шведовой можно найти следующую дефиницию слова *волна*:

1. Водяной вал, образуемый колебанием водной поверхности. Шум волн. Гребень волны. Цвет морской волны (зеленовато-голубой). 2. Колебательное движение в физической среде, а также распространение этого движения. Звуковая в. Передача на короткой волне. Воздушная в. 3. *перен., кого-чего.* О том, что движется друг за другом во множестве на нек-ром расстоянии; о массовом проявлении чего-н. В. бегущих, наступающих. В. возмущения. В. героизма (Ожегов, 1990, 98).

Внимания заслуживает анализ происхождения русского слова *волна* и польского *fala*, совсем непохожих по внешнему виду.

Волна – славянское по происхождению существительное, закрепившееся в русской лексике в XI в. и обозначающее ‘водяной вал, который возникает в результате движения водной поверхности’. Слова с похожим значением и написанием встречаются в некоторых других языках, например: в литовском (*vilnis* – ‘волна’), латышском (*vilnis*), болг. *вълна*, чеш. *vlna*, польск. *welna*, немецком (*Welle*). Производные: волнистый, волновать (*Этимологический словарь Семёнова*, <https://gufo.me/dict/semenov/>, доступ: 21.06.2023).

Польское слово *fala* считается заимствованным из немецкого *Welle*, в котором звонкий звук *w*- в начале слова подвергся обеззвучиванию до *f*- (см.: до сих пор сохранилось в кашубском языке слово *vala* в значении ‘fala’, ‘*chmura deszczowa*’). По Брюкнеру слово *fala* стало распространяться в польском языке поздно, только в XVI веке (Duma, 2018).

Собранные нами примеры метафорических конструкций со словом *волна* можно разделить на несколько тематических групп.

ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

В прошлом году по некоторым российским регионам, в основном за Уралом, *прокатилась волна отключений жилых домов, школ, больниц и промышленных предприятий от электричества и теплоснабжения* («Воздушно-космическая оборона», 2002).

После сделки по республике *прошла волна загадочных убийств* («Вечерняя Москва», 07.02.2002).

Когда *поднялась волна персональных компьютеров*, инвесторы вышли на охоту за доходностью (*Письмо мужчины*, 30.08.2003).

Первая такая *маленькая волна взмыла*, если не ошибаюсь, в начале 30-х гг. Совсем недавно появились признаки, свидетельствующие о том, что *после недолгого штиля снова идёт и бурлит волна* («Октябрь», 2001).

В анализированных примерах существительное *волна* сочетается со следующими глаголами движения: *волна прокатилась, прошла, поднялась, взмыла, идёт, бурлит*.

Miasto obudziło się już dawno. *Ulicami spływa fala idących do pracy* (J. Broszkiewicz, *Doktor Twardowski*).

Przyszła fala i wszyscy zapisali się do „Solidarności”. A potem, jak „Solidarność” upadła, to do nowych związków (J. Szczepański, *Górniki polski*).

Przez Polskę *przeszła fala zorganizowanych manifestacji* robotniczych popierających politykę Gomułki (T. Torańska, *Oni*).

Na początku lat siedemdziesiątych *zaczęła do Polski wchodzić fala soborowa*. (...) Po majowych represjach i po lipcowym sukcesie *ruszyła jednak fala dezintegracji*. (...) *Ta fala szła od książki* Zbigniewa Żałuskiego *Siedem polskich grzechów głównych*, poprzez frontalny atak na Popioły Andrzeja Wajdy, aż do 1968 roku (A. Michnik, J. Tischner, J. Żakowski, *Między Panem a Plebanem*).

Jest bowiem prawdopodobne, że *nadchodzi nowa fala* powszechnej, niepowstrzymanej wędrówki ludów z tych obszarów (B. Świdorski, *Słowa obcego*).

Jak taka *fala religijności zalewa Kraj*, to nie ma rady. (...) Więc jak ta *fala religijności toczyła się przez Kraj*, to cały Naród Polski zaczął się prześcigać w uduchowieniu (Ch. Skrzyposzek, *Wolna Trybuna*).

Gomułka się bał. Bał się, że *fala wzburzenia przeleje się, przybierze formy i kształty*, których on nie jest w stanie przewidzieć (T. Torańska, *Oni*).

В польских конструкциях слово *fala* сочетается с глаголами *spływa, przyszła, przeszła, zaczęła wchodzić, ruszyła, nadchodzi, zalewa (coś), toczy się*,

przelewa się, przybiera różne formy i kształty. Часто встречается метафора со значением *кто-то катается на волнах разных событий*:

Świat atakuje taką ilością bodźców, że aż szumi w głowie. *Unosimy się na falach pseudo wydarzeń* kreowanych przez media i reklamę (M. Cegielski, *Masala*).

Конец каких-то интенсивных событий или явлений описываем соответственно с помощью сочетаний *волна стихает, волна сходит на нет, fala opada, fala odpływa*:

Однако практика показывает, что, *когда волна преступности стихает*, полиция вновь ослабляет контроль, заметил депутат («Парламентская газета», 11.2021).

В конце 70-х *волна феминистского протеста сходит на нет* («Домовой», 04.06.2002).

Fala germanizacji opadła dopiero w krótkim okresie napoleońskim (B. Gomulicka, *Pisarze polskiego oświecenia*).

Fala kosmicznej świadomości odpłynęła i świadomość osobnicza upomniała się o swoje prawa (S. Mrożek, *Noir sur Blanc*).

КОРОНАВИРУС

Метафорические конструкции с лексемой *волна* стали очень активно употребляться в публицистических текстах во время пандемии коронавируса. Для них характерно то, что появляется прежде всего описание очередных волн заболеваний коронавирусом – их интенсивности, высоты и динамики. Поэтому существительное *волна* обычно определяется с помощью прилагательных и порядковых числительных: *последняя, очередная, третья, четвёртая, самая экстремальная волна/ kolejna, ostatnia, trzecia, czwarta, łagodniejsza fala*.

Все это генерировало тревожные ожидания, надежды, что именно эта *волна будет последней* и наступит благополучие, *но наступала очередная волна* («Ведомости» 11.2021).

Он отметил, что *третья волна плавно перетекла в четвёртую*, между ними практически не было перерыва и наблюдались лишь незначительные «светлые пятна». Врач назвал *четвёртую волну коронавируса самой экстремальной* («Парламентская газета», 11.2021).

«Уже сейчас мы видим очаги инфекции в школах и, *как волна за волной*, дети целыми классами уходят на удалёнку», – сказала депутат «Парламентской газете» («Парламентская газета», 10.2021).

Это будет вопрос времени и того, с каким пиком, то есть *как высоко волна эта пойдёт* – заключил специалист. Закрытие авиасообщения не поможет в борьбе с «микромом» («Парламентская газета», 11.2021).

Trzecia fala dochodzi do końca, ale obawiamy się czwartej (TVN24, 08.05.2021).

W ciągu wakacji przez Europę przeszła kolejna fala koronawirusa. (...) Spośród państw europejskich *letnia fala koronawirusa najwyższej sięgnęła w Grecji*, która przeżywa bum w turystyce („Gazeta Wyborcza”, 26.08.2022).

Tym razem ten *przebieg fali, z którą mamy do czynienia, jest łagodniejszy* niż przewidywali to eksperci („Nowości prawne”, 04.08.2022).

Będąc blisko tej odporności, powyżej 70 procent, *dynamika wybuchu kolejnych fal jest zupełnie inna* niż na początku epidemii – tłumaczył ekspert (TVN24, 08.05.2021).

В русском языке появились конструкции *наступала очередная волна, одна волна перетекает плавно в другую, как высоко волна пойдёт*, в польском – *przeszła kolejna fala, fala najwyższej sięgnęła, przebieg fali jest łagodniejszy, wybuch kolejnych fal*.

ЧУВСТВА И ЭМОЦИИ

Метафоры волны являются одним из основных средств выражения и описания внутреннего мира человека, например интенсивных чувств и эмоций.

1. Страх

Так вот, с первым же ударом часов *меня накрыло волной страха* (Антология детективного рассказа).

Секретарша у двери перепугалась. Он чувствовал, как *волны её паники разливаются по кабинету* и вот-вот достигнут подножия трона-кресла, в котором он сидел (Т. Устинова, *Седьмое небо*).

Strach, tak bardzo niespodziewany w idyllicznej scenerii rozpalonego słońcem dnia, opanował go całego i *falami, szybszymi niż oddalone o kilka kroków morze, zaczął się przelewać na niepojmującą jeszcze niczego Lalę* (Z. Mossakowska, *Portrety na porcelanie*).

Paniczne, gorące, ohydnie *maziste fale strachu podchodziły i zalewały jej żołądek*, ślizgały się po jej skórze (N. Roberts, *Koniec rzeki*).

2. Тоска, отчаяние

Москву сейчас *охватила волна ностальгии* по коммунистическому прошлому («Коммерсантъ-Власть», 2002).

Марго вновь почувствовала, как *тоска нахлынула на неё тяжёлой, обволакивающей волной*. Это состояние стало для неё почти привычным (А. Феоктистова, *Свободная любовь*).

Дженни с трудом совладала с *накатившей волной отчаяния* (Э. Дарси, *Песня Малиновки*).

I ogarnia mnie fala smutku tak głębokiego, że przez chwilę nie mogę ruszyć się z miejsca. Ten smutek atakuje mnie bez ostrzeżenia (S. Beaman, *Krajobraz miłości*).

On nigdy nie pozwoli jej odejść. Ogarnia ją straszna *panika*, *wali się na nią jak fala grożąca zatopieniem* (H. Richell, *Sekrety letniego ogrodu*).

3. Ненависть

Курскую область *захлестнула волна ненависти* к кадыровцам (<https://charter97.org/ru/news/2024/8/17/607094/>, доступ: 21.10.2023).

W Marcu roku 1968 *wylala się potworna fala rasowej nienawiści*. (...) *Konserwatywno-prawicowa fala dopiero wzbierała*. Ronald Reagan był zaledwie kandydatem na kandydata republikanów (A. Michnik, J. Tischner, J. Żakowski, *Między Panem a Plebanem*).

4. Радость

Волна радостного ликования захлестнула её (Э. Дарси, *Песня Малиновки*).

Дикая радость бурной волной прокатилась по всему телу, приведя в трепет каждую клеточку, день внезапно ожил и засверкал, а тихое спокойствие уступило место неистовому урагану чувств (Р. Доналд, *Осторожно, тигр*).

Jeszcze nigdy nie słyszał swojego przyjaciela mówiącego w ten sposób i *ogarnęła go ogromna fala radości* (J. Karen, *W moim Mitford*).

5. Любовь

Теперь же чувства *накатывали волнами*, и каждая следующая волна *перекрывала* прежнюю. — Я влюбилась что ли? — растерянно подумала Вика (А. Берсенева, *Вокзал Виктория*).

A może, gdyby było inaczej, *miłość nie byłaby żywiołem? Nie nadbiegałaby jak fala*, *niosąca w jedną stronę wszystko, co napotka na swej drodze* (B. Świdorski, *Słowa obcego*).

Przyjmowała to jednak obojętnie, zafascynowana swoją miłością. *Żyła jakby niesiona na fali*, nie do końca sobie zdając sprawę z tego, co się z nią dzieje (E. Baniewicz, *Anna Dymna – ona to ja*).

В русском языке при выражении чувств и эмоций выступили метафоры: *кого-то накрывает волной*, *волны разливаются*, *волна охватила кого-то*, *чувство нахлынуло на кого-то обволакивающей волной*, *волна захлестнула кого-то*, *чувство бурной волной прокатилось по всему телу*, *чувства накатывают на кого-то волнами*, *следующая волна перекрывает прежнюю*. Для

польского языка характерны здесь метафоры *uczucie przelewa się falami na kogoś, fale podchodzą i zalewają komuś ciało (część ciała), fala ogarnia kogoś, fala wali się na kogoś i grozi zatopieniem, fala uczucia wzbiera i wylewa się*. В случае описания любви появились метафоры *uczucie nadbiega jak fala i niesie wszystko w jedną stronę, osoba zakochana unosi się na fali uczucia*.

ХЕЙТ

В последнее время интернет-пользователи всё чаще могут встретиться с хейтом. Хейт – это агрессивное и враждебное поведение в интернете, направленное на оскорбление или клевету. Здесь тоже очень активными оказываются метафорические констукции с сочетанием *волна хейта*.

Это вопрос, который не теряет актуальности и *вызывает волну хейта* ([https://s13.ru/archives > kurenie-4](https://s13.ru/archives/kurenie-4)).

Лера Кудрявцева и ее четырехлетняя дочь *попали под волну хейта* (<https://www.starhit.ru/novosti/>, доступ: 21.10.2023).

На Граймс *обрушилась волна хейта* из-за тиктока о коммунизме (<https://daily.afisha.ru/news> »).

Pobito strażnika miejskiego w Ostrowie Wielkopolskim. Sprawa *wywołała falę hejtu* („Głos Wielkopolski”, 23.12.2012).

Aktorka pokazała siwe włosy i zmarszczki. *Wylała się straszna fala hejtu!* (<https://film.interia.pl/wiadomosci/news>).

Na początku najnowszego wpisu zastrzega, że najpewniej „*spadnie na niego fala hejtu*” (<https://wydarzenia.interia.pl/raporty/raport-ukraina-rosja/aktualnosci/>, доступ: 21.10.2023).

В рассматриваемых примерах в русском языке выступили метафоры *что-то вызывает волну хейта, кто-то попадает под волну хейта, на кого-то обрушилась волна хейта*, в польском – *coś wywołuje falę hejtu, fala hejtu wylewa się/ spada na kogoś*.

БОРОТЬСЯ С ВОЛНОЙ

Для того чтобы подчеркнуть усилия, связанные с противодействием особенно опасным явлениям нашей жизни, в обоих языках употребляется метафора *бороться с волной/ walczyć z falą*:

Понимание того, что *бороться с волной террора*, охватившей в XXI веке самые разные страны, необходимо всем миром, пришло не так давно (*Мир борется с террором*, Vesti.ru, 2007.09).

Ministerstwo Sprawiedliwości chce *walczyć z falą internetowej dezinformacji* (<https://www.rp.pl/prawo-karne/art35775701>, dostęp: 21.10.2023).

Интересный пример борьбы с волной представляет собой метафора из романа А. Малышевой, где героиня, работающая на телефоне доверия, чувствует себя *волнорезом*, который должен спасти звонящих ей людей от психической боли:

Город, как мерный прибой, ударяется в сердце; голоса, как волны, размывают его, каждый раз унося частицу тебя, разрушая, причиняя боль. *Она ощущала себя волнорезом, поставленным на краю ночи, чтобы не дать затопить берег*. Можно было отнестись к своей работе иначе, но тогда это была бы халтура (А. Малышева, *Тамбур*).

БЫТЬ НА ВОЛНЕ

Метафорическое выражение *быть на волне* – поль. *być na fali* – значит ‘быть популярным, известным на время, жить в соответствии с последними тенденциями моды, быть успешным’ (*Wielki słownik frazeologiczny polsko-rosyjski i rosyjsko-polski*, 1998, 86).

Пока интерес к России *сохранялся на волне международного успеха* Михаила Горбачева (С. Спивакова, *Не всё*).

Таким образом, *на волне народного признания* меня вынесло в кресло (И. Грекова, *Дамский мастер*).

В этом сезоне *на волне моды от Max Mara* популярны естественный хлопок и его сочетания с шифоном, кожей и трикотажем (Э. Савкина, *Max Mara*).

Dariusz S. pokazywał się w najmodniejszych klubach, otaczały go najpiękniejsze dziewczyny, *odnosił sukcesy, był na fali* (<https://sciaga.pl/slowniki-tematyczne>, dostęp: 21.10.2023).

37-letni Józef Stroop *żył na fali rosnącego powodzenia*, komenderował i nakazywał (K. Moczarski, *Rozmowy z katem*).

Dotyczy to jednak przede wszystkim tych malarzy, którzy *popularność osiągnęli na fali mody*, która nieuchronnie przeminęła (P. Sarzyński, *Przewodnik po rynku malarstwa*).

Gomułka jako demokratyczna i antystalinowska alternatywa w obrębie socjalizmu *wypłynął na fali masowego poparcia* (J. Surdykowski, *Duch Rzeczypospolitej*).

To czarujący pieczeniарz, *bujający zręcznie na fali koniunktury* i ладujący zawsze z gracją na czterech łapach (J. Minkiewicz, *Bilans osobisty*).

В русском языке появились метафоры – *интерес сохраняется на волне успеха, на волне признания кого-то вынесло в кресло, что-то является популярным на волне моды*, в польском – *ktoś jest na fali, żyje na fali powodzenia, osiągnął popularność na fali mody, wypłynął na fali poparcia, ktoś buja na fali koniunktury*.

В польском языке существуют также метафора *płynąć z falą*, которая обозначает подчинение кому-либо, следование за кем-то, приспособление, настройку, примирение (*Wielki słownik frazeologiczny*, 1998, 86).

Ma w sobie ostrożność, boi się dołączyć, boi się *płynąć z falą* („Gazeta Wyborcza”, 25.01.1997).

В русском языке польскому сочетанию *płynąć z falą* соответствует сочетание *плыть с течением*.

БЫТЬ НА ОДНОЙ ВОЛНЕ

Быть на одной волне – значит настолько хорошо понимать друг друга, что никаких слов дополнительных не нужно. Такое обычно происходит с очень близкими людьми, которые понимают друг друга с полуслова, с полувзгляда.

Я знаю только несколько человек, с которыми я на одной волне (Г. Садулаев, *Таблетка*).

Быть на одной волне в какой-то степени значит войти с человеком в резонанс. Некоторые полагают, что само выражение пришло от серфингистов, которые ловят волны для катания и оказываются на одной волне, если могли одновременно её поймать. В польском языке употребляется метафора *ktoś nadaje na tych samych falach*, которая в отличие от русского языка связана с тем, что каждой эмоции соответствует определенная частота мозговых волн, и люди, настроенные на одну волну, чувствуют одно и то же, хорошо понимают друг друга и имеют общий язык.

Nadawaliśmy po prostu na tych samych falach. Mieliśmy podobne pomysły, sposoby realizacji („Tygodnik Rybnicki”, 05.02.2008).

ДЕВЯТАЯ ВОЛНА

В народном поверье во время морской бури самой сильной и опасной, часто роковой, считается *девятая волна*. В европейской культуре *девятая волна* определяется обычно в разных словарях как научно необоснованное распространенное явление, когда одна более высокая волна появляется после восьми более низких. Британцы, как закаленная в морских сражениях нация, называют такую волну *freak wave*, *rouge wave*, и даже *killer wave* (Ciężadło, 2016). В русском языке существует название *девятый вал*. Это объясняется тем, что в результате слияния нескольких волн возникает именно вал, который значительно крупнее и мощнее других волн. В польском языке употребляется просто выражение *dziewiąta fala* (среди моряков также *dziad/ dziadek*) (Ciężadło, 2016). Оказывается, что девятый вал воспламеняет воображение не только любителей водных просторов, этот мотив присутствует в различных областях искусства (напр., Иван Айвазовский стал известным благодаря картине *Девятый вал*), в литературе и разговорной речи.

И никто не знал: В этот день шла война, На целый белый свет, Как девятый вал (Машина времени, песня *Девятый вал*).

Женя и Алик встречаются вновь, и прежние чувства накрывают их с головой словно девятый вал (https://www.youtube.com/watch?v=JpS0m_-RzqY, доступ: 21.10.2023).

„Po tylu latach, które faliują jak Morze Bałtyckie, nawet z tą dziewiątą najwyższą falą – żyjemy, kochamy się i wzmacniamy, kiedy trzeba tej drugiej osoby, aby nie podupać na duchu! Po to są małżeństwa i partnerstwa – dla ciała, ducha i przyjaźni” – przekazał dobre nowiny w mediach społecznościowych Jerzy Owsiak (<https://pomponik.pl/plotki/news>, dostęp: 21.10.2023).

В первом примере появилась цитата из песни группы Машина времени, где *девятый вал* символизирует войну. В двух последних примерах *девятый вал* и *dziewiąta fala* – это отражение сложных человеческих чувств и эмоций (*чувства накрывают кого-то как девятый вал, ktoś pokonuje razem z partnerem dziewiątą najwyższą falę*).

ЦУНАМИ

Разновидностью волн, которые производят опустошительные разрушения на суше, является *цунами*. Цунами (яп. 津波 [t̚sunámi], где 津 – «бухта, залив», 波 – «волна») – это длинные волны, порождаемые мощным воздействием на всю толщу воды в океане или другом водоёме. Причиной боль-

шинства цунами являются подводные землетрясения, во время которых происходит резкое смещение (поднятие или опускание) участка морского дна (*Советский энциклопедический словарь*, 1990, 1496).

– Займите очередь у входа, – успела нам крикнуть сестра до того, как ее поглотило цунами любителей индийского кино (Н. Абгарян, *Всё о Манюне*).

Соною окатило такой волной полнейшего разочарования в жизни, таким всепоглощающим цунами несправедливости, что она еле сдерживала слёзы (Т. Соломатина, *Девять месяцев, или «Комедия женских положений»*).

После того как семейное цунами, вызванное неожиданным появлением Мархамат, обрушилось на голову беззащитной, но, без сомнения, виноватой Валентины, Мария потратила минут пятнадцать на то, чтобы найти сестру (А. Геласимов, *Дом на Озерной*).

Волна банкротств (в том числе умышленных) может в одночасье перерасти в цунами и смыть даже крепкие предприятия строительной индустрии («Эксперт», № 8, 2009).

Именно поэтому в 18 – 20 лет, рассуждал Королев, они оказались на верхушке цунами, опрокидывавшего известно что (А. Иличевский, *Матиссе*).

Nadchodzi informacyjne tsunami, epoka komunikacyjnej obfitości, w której każdy będzie mógł nie tylko oglądać, słuchać i czytać, co chce, ale również będzie mógł co chce publikować („Polityka”, 11.06.2005).

To coś w rodzaju politycznego tsunami, w obliczu którego ludzie przychodzący do IPN zachowują się jak tonący i desperacko szukają ratunku („Polityka”, 10.02.2005).

Nagle tak się sakra wściekłem, że sam nie wiem, co we mnie wstąpiło, i ruszyliśmy na nich jak fala, jak jakieś tsunami, młócąc rękami na oślep (P. Czerwiński, *Przebiegum życia czyli Kartonowa sieć*).

Pojąłem, jak wymowne było milczenie Mette. Skrywało walkę potężnych namiętności, które jak nieubłagane tsunami atakowały jej fundament moralny i – odepchnięte – powracały ze zdwojoną siłą (B. Świdorski, *Asystent śmierci. Powieść o karykaturach Mahometa*).

Zaczyna używać zaskakujących porównań, jakby emocji nie mógł oddać zwykłymi słowami. – Trudno mi poradzić sobie z tsunami niesprawiedliwości i krzywdy, jakie uderza w moją rodzinę i we mnie – wyznaje („Ozon”, 2005, nr 8).

В связи с тем, что цунами обладает огромной разрушительной силой, метафоры с существительным *цунами/ tsunami* основаны прежде всего на глаголах, обозначающих поглощение и уничтожение: *цунами поглощает кого-то, окатывает, опрокидывает, обрушивается на чью-то голову, смыкает крепкие сооружения*. Соответственно в польском языке появились следующие метафорические сочетания: *tsunami nadchodzi, w obliczu tsunami ludzie desperacko szukają ratunku, ktoś rusza na kogoś jak tsunami, tsunami nieubłagane atakuje, odepchnięte tsunami wraca ze zdwojoną siłą*.

В настоящей статье мы старались показать, что языковая картина, отражённая в русских и польских метафорах с лексемой *волна*/ *fala*, является частично сходной и частично различной. В большинстве рассматриваемых нами метафор в обоих языках *волна* воспринимается как препятствие, которое надо преодолеть и которое часто угрожает нашей жизни. Поэтому метафоры волны появляются прежде всего в текстах, указывающих болевые точки нашего времени и самые важные угрозы. Конечно, существуют многие метафоры, описывающие волны в положительном аспекте, но их встречаем прежде всего в поэтических текстах, например *волны бегут и поют*, напоминая нам о чём-то приятном:

Но, может быть, ты вспомнишь, дорогая,/ Как волны, друг надруга набегая,/ О прошлом счастье сладко пели нам (С. Соловьев, *Ты помнишь ли дворцы Бахчисарая...* (Три крымских сонета)).

Śpiewają fale o wędrówce wokół brzegów;/ Śpiewają fale o tym, co widziały w biegu (Piosenka *fal*, wyk. Sława Przybylska).

Метафоры, в которых сферой-источником является вода, интересны тем, что имеют очень широкую шкалу измерения интенсивности разных явлений – от капли, через ручей и реку, до морских волн и океана. Таким образом, метафоры водного пространства, в том числе метафоры волны, широко используются для концептуализации и оценки общественной жизни и позволяют выявить, как реальность и ментальный мир человека отражаются в системе «метафорических зеркал» (Волчек, 2010, 8).

А. Кемпински подчеркивает, что наши переживания и опыт постоянно меняются и никогда не бывают одинаковыми. Даже при одной и той же внешней ситуации переживания будут разными, потому что они происходят в разной внутренней ситуации. „Zmienność jest więc zasadniczą cechą świata wewnętrznego. A jednak w tej ustawicznej zmienności powtarzają się pewne wątki, jak gdyby melodie, dzięki czemu świat wewnętrzny ma określony charakter, ma swoją indywidualną tematykę, strukturę i koloryt” (Kępiński, 1985, 182–183). Поэтому, по мнению Кемпинского, много света в знания о нашем внешнем и внутреннем мире проливают именно языковые метафоры, которые часто лучше проникают в суть вещей, чем замысловатые научные термины.

БИБЛИОГРАФИЯ (REFERENCES)

- Волчек, О.А. (2010). *Метафора водного пространства в период мирового экономического кризиса*. В: *Грамматические категории современного русского языка: функциональный и прагматический аспекты*. Электронная библиотека БГУ, <https://elbib.bsuy.by/bitstream>, доступ: 28.12.2022.

- Научно-технический словарь*, <https://gufo.me/dict/scientific/>, доступ: 05.06.2023.
- Ожегов, С.И. (1990). *Словарь русского языка*. Москва: Русский язык.
- Павлова, Н.А. (ред.). (2014). *Словарь фразеологических омонимов современного русского языка*. Под ред. Н.А. Павловой, Москва: Флинта.
- Прохоров, А.М. (ред.). (1990). *Советский энциклопедический словарь*. Москва: Советская энциклопедия.
- Этимологический словарь Семёнова*, <https://gufo.me/dict/semenov/>, доступ: 21.06.2023.

- Ciężadło, A. (2016). *Dziewiąta fala to mit? Hmmm...*, <https://www.tawernaskipperow.pl/czytelnia/ciekawostki/dziewiąta-fala-to-mit>, dostęp: 10.11.2023.
- Duma, J. (2018). *Fala i wełna – pochodzenie polskich wyrazów*. *Prace Językoznawcze*, XX/3, 43–50, <https://doi.org/10.31648/pj.4539>, http://uwm.edu.pl/polonistyka/pracejezykoznawcze/pol/pliki/Prace_Jezykoznawcze_20_3_2018.pdf, dostęp: 10.11.2023.
- Etimologicheskii slovar' Semenova*, <https://gufo.me/dict/semenov/>, accessed: 21.06.2023.
- Goban-Klas, T. (2008). *Rwący nurt informacji*, <https://ktime.up.krakow.pl/ref2008/goban.pdf>, dostęp: 19.08.2022.
- Karaś, M. (2010). *Meksykańska fala*, https://stadiony.net/publikacje/wydarzenia_historyczne/, dostęp: 21.06.2023.
- Kępiński, A. (1985). *Melancholia*. Warszawa: Państwowy Zakład Wydawnictw Lekarskich.
- Lakoff, G., Johnson, M. (1988). *Metafory w naszym życiu*. Warszawa: PIW.
- Łukszyn, J. (red.). (1998). *Wielki słownik frazeologiczny polsko-rosyjski i rosyjsko-polski*. Warszawa: Harald G Dictionaries.
- Nauchno-tekhnicheskii slovar'*, <https://gufo.me/dict/scientific/>, accessed: 05.06.2023.
- Ozhegov, S.I. (1990). *Slovar' russkogo yazyka*. Moscow: Russkii yazyk.
- Pavlova, N.A. (red.). (2014). *Slovar' frazeologicheskikh omonimov sovremennogo russkogo yazyka*. Pod red. N.A. Pavlovoi. Moscow: Flinta.
- Prokhorov, A.M. (red.). (1990). *Sovetskii entsiklopedicheskii slovar'*. Moskva: Sovetskaya entsiklopediya.
- Volchek, O.A. (2010). *Metafora vodnogo prostranstva v period mirovogo ekonomicheskogo krizisa*. V: *Grammaticheskie kategorii sovremennogo russkogo yazyka: funkcional'nyi i pragmaticheskii aspekty*. Elektronная библиотека BGU, <https://elib.bsu.by/bitstream>, accessed: 28.12.2022.

Источники (Istochniki)

- <https://www.korpus.pwn.pl>
<https://www.nkjp.pl>
<https://www.ruscorpora.ru>

Пётр Червинский (Petr Chervinskii)

 <http://orcid.org/0000-0001-6575-5736>

Uniwersytet Śląski w Katowicach

Wydział Humanistyczny

41-206, Sosnowiec, ul. Grota-Roweckiego 5

czervinski.piotr@gmail.com

СУФФИКС *-АНУ(ТЬ)* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: СЕМАНТИКА И СТИЛИСТИКА ОБРАЗОВАНИЙ

The Suffix *-anu(m)* in Russian: Semantics and Stylistics of Derivatives

Резюме

Цель проведенного рассмотрения заключалась в том, чтобы выделить частотно-стилевые и семантические группы глаголов с суффиксом *-ану(ть)* в русском языке. Глаголы данного типа характерны для разговорно-сниженной речи и просторечия. Дополнительно определяются эти лексемы как подчеркнуто-эмоциональные и экспрессивные. В последнее время они стали очень активными в речи носителей русского языка.

Для решения поставленной цели использовался, в первую очередь, описательный метод, позволивший разносторонне представить характеризваемый материал. Его источником послужили различные сайты и форумы, на которых можно было отследить стилистический и семантический облик выбираемых глаголов.

Были выделены четыре частотные группы, различающиеся по степени: употребительное, нередкое; менее употребительное; редкое и потенциальное. При определении семантики учитывалась неоднозначность и возможность, в зависимости от значения, вхождения одной единицы в различные семантические ряды. Как основных, но с учетом дальнейших подразделений, их также получилось четыре: звучания, действия, коммуникативные взаимодействия и субъектные состояния. Помимо этого, внимание было обращено на внутреннюю структуру значения разных глаголов, исходя из которой допустимым было бы говорить о конструкциях, передаваемых, в том числе, и формально.

Произведенное рассмотрение позволило сделать вывод не только об активности подобных глаголов как средстве передачи говорящим своего отношения, но и как способе выражения им позиции демонстративной небрежности (остентативности), типичной в последнее время.

Ключевые слова: словообразование, семантика, стилистика, суффикс *-ану(ть)*, экспрессивность, эмоциональность, частотность.

Received: 11.03.2024. Verified: 30.09.2024. Accepted: 20.12.2024.

© by the author, licensee University of Lodz – Lodz University Press, Lodz, Poland. This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution license CC-BY-NC-ND 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/>)

Summary

The purpose of this analysis was to examine the frequency, stylistic characteristics, and semantic groups of verbs with the suffix *-ану(ть)* in Russian. These verbs are typical of colloquial, substandard, and common speech, and are characterized by their emphatic emotionality and expressiveness. Recently, they have become increasingly prominent in the speech of native Russian speakers.

The study employed a descriptive method, enabling a detailed and multifaceted analysis of the material. Data were collected from various websites and forums, allowing the identification of stylistic and semantic features of the selected verbs.

Four frequency groups were identified: common, relatively common, less common, and rare/potential. Semantic analysis considered polysemy and the ability of individual verbs to belong to different semantic categories depending on context. Four primary semantic groups were identified (with further subdivisions): sounds, actions, communicative interactions, and subjective states. Attention was also given to the internal structure of verb meanings, which permits the discussion of constructions, including their formal representation.

The analysis concluded that verbs with the suffix *-ану(ть)* are not only active means of expressing the speaker's attitude but also serve to convey a sense of ostentatious carelessness, which has become increasingly typical in contemporary usage.

Keywords: word formation, semantics, stylistics, suffix *-ану(ть)*, expressiveness, emotionality, frequency.

Глаголы с *-ану(ть)*, как определяется в *Русской грамматике*, «имеют знач. однократно и, как правило, интенсивно или экспрессивно, резко совершить действие, названное мотивирующим глаголом. Все глаголы относятся к разг. или просторечной лексике» (*Русская грамматика*, 1980, I, 349). Тем самым, выделяются признаки 'однократности', 'интенсивности' или 'экспрессивности', а также 'резкости'¹. «В качестве мотивирующих», – отмечается далее, – «чаще всего выступают глаголы, называющие действие, состоящее из нескольких однородных актов: *стегать – стегануть, хлестать – хлестануть, черкануть*». «Тип продуктивен в разг. речи и просторечии»

¹ В.В. Виноградов отмечает два не совпадающих по своему существу утверждения в отношении суффикса *-ону-* (*-ану-*), обозначающего «особенную короткость, неожиданность и слабость действия» (Сидоров, 1924, 76) и отрицание «видового оттенка интенсивности, резкости или ослабленности действия», как следствие того, что «Экспрессивность этих форм, их простонародная свежесть рядом с литературными формами на *-нуть* порождает иллюзию видовой интенсивности, усиленной моментальности или особой резкости действия» (Stender-Petersen, 1931, 74). Не соглашаясь с этим последним, он замечает: «Однако для нас более яркая экспрессивная окрашенность форм на *-ануть*, ставших продуктивными в фамильярно-разговорной речи, тесно связана с обостренностью и подчеркнутостью значений мгновенности, или однократности, действия. Отсюда и побочные экспрессивные оттенки – резкости, силы, напряженности, неожиданности» (Виноградов, 2001, 432, разрядка моя – П.Ч.). Отмечая экспрессивность словообразовательных средств разговорной речи, Е.А. Земская обращает внимание на «специфически разговорный суффикс *-ану-*. Производные глаголы обозначают резкость, силу, грубость однократного действия: *трясти – тряхануть, махать – махануть, рубить – рубануть*» (Земская, 2011, 127–128).

(*Русская грамматика*, 1980, I, 349, 350). Регулярность и достаточную продуктивность (особенно в разговорной речи) отмечает также *Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка*, «со значением не только однократно, но и резко, неожиданно или интенсивно совершить действие, например: *долбануть, резануть, рубануть, тряхануть, хлестануть, чесануть*» (Ефремова, 1996, 56). Существенным в этом случае видится это «не только..., но и...», предполагающее определение признака однократности как ведущего, который сопровождается далее, резкостью, неожиданностью или интенсивностью, не обязательно совпадающих и различаемых.

Прежде чем подойти к более подробной, помимо общего представления, характеристике суффиксальных образований с *-ану(ть)*, немаловажным видится определение их стилового образа, или того, как и в чем они способны себя в языке проявлять. Не упуская из вида того, что касается это продуктивных форм фамильярно-разговорной, народной, простонародной, речи и просторечия², яркой экспрессивной окрашенности, связанной с обостренностью и подчеркнутостью (значений мгновенности или однократности), с побочными экспрессивными оттенками «резкости, силы, неожиданности и т.д.» (см. сноску 1). Экспрессия, а с этим также оценочность как негативная, так и нет³, предполагает тем самым такие признаки как обостренность, подчеркнутость, резкость, сила, неожиданность и др. возможные. Обостренность, подчеркнутость – в одном ряду, остальные названные – в другом.

Обратимся к определению стиливых различающих характеристик. Следует заметить при этом, что та или иная дифференциация, описывающая выбранный для описания объект, проявляет себя не в прямом отношении к глагольным словам. Их положение в той или иной представляемой типологической группе может быть зависимым от контекста употребления, не говоря о нередкой не однозначной семантике. Распределение в связи с этим имеет концептуально-логический смысл, а входящие в него и его иллюстрирующие слова, могут быть не в единственном, определяемом данным параметром положении.

² К которым, в силу открытости, стоит добавить жаргоны, сленг, вульгаризмы и диалектизмы.

³ При мотивирующих глаголах, обозначающих действие, не членившееся на отдельные акты, с неограниченной длительностью, образования «с суффиксом *-ану-*» обозначают однократно совершенное действие, часто экспрессивно «стилизованное» как кратковременное и/или вызывающее удовлетворение или, наоборот, негативное отношение субъекта действия или говорящего». Даются такие примеры: *храпануть*, прост., ‘хорошо поспать’, окказ. *дремануть, сыпануть* в том же значении, новое частотное *психануть, кейфануть, читануть* (*Пойду-ка немножко читану*), *колдануть* (*Сейчас мы колдаем!*), *бастануть* (*Шахтеры говорят: бастанем!*), *блефануть, ревануть, флиртануть* (Улуханов, 2017, II, 23, разрядка моя – П.Ч.). Удовлетворение или, наоборот, негативное отношение связываются, тем самым, с представлением о кратковременности производимого акта либо переживаемого состояния, представляемых подобным образом.

Первую группу составит позиция узуальной нередкости, внутри которой возможным было бы различение по показателю степени. Это последнее предполагает необходимость определения частотности исходя из примеров использования не столько слова, сколько его значений, что не входило в задачу, предполагая самостоятельное рассмотрение. Вторая группа определяется единицами менее употребительными. Третья, соответственно, редкими, а четвертая – потенциальными. Границы между этими группами подвижны, открыты и не всегда очевидны. Означает это, в первую очередь, то, что частотность зависит не только от времени, но и от среды, особенно в последнее время в связи с процессами в языке, которые, не вдаваясь в подробности, можно определить как процессы общего стилистического снижения⁴.

Неизменным, следовательно, необходимо считать наличие в речевой проекции языка четырех степеней использования (с возможным внутри дополнительным распределением), при временной и средовой относительности их насыщения. Для более полного представления дадим не весь, но вместе с тем достаточно представительный, выбранный нами материал⁵, определяя значения только в отдельных случаях. Стоит при этом отметить, что значения некоторых глаголов с *-ану(ть)*, предполагающие в ряде случаев отход от семантики производящего слова, требуют самостоятельного исследования, многие из них, как жаргонные, сленговые, профессиональные, областные размыты и множественны, а нередко также, не будучи словарно описаны, и не ясны. Покажем это на следующих примерах: *бомбануть* 1. разг. однокр. к *бомбить*; 2. разг. ‘взорваться’; 3. безл. перен. мол., жарг. ‘о внезапном сильном раздражении, негодовании, сопровождающемся чрезмерной эмоциональной реакцией, ненавистью или ответной агрессией’; 4. крим., жарг. ‘огрбить, разграбить, отобрать, ободрать’⁶; *крутануть* 1. разг. однокр. к *крутить*; 2. ‘обмануть, обхитрить’; 3. ‘выманить что л. у кого л.’; 4. ‘не выполнить обещанного’; 5. жарг. вор. ‘задержать’; *крутануть бабочку* жарг. угол. ‘оправдаться, отвести от себя обвинение’⁷; *искануть*, судя по употреблению, можно представить как ‘поискать’, ‘обратиться куда-л. с целью получения информации или чего-л.’, ‘заняться чем-л. целенаправленным, обратить свои силы, внимание на что-л.’, ‘подать иск’; *ухануть*, помимо

⁴ Обращают на это внимание многие, по-разному к этому относясь и определяя нередко не только как тенденции времени, но и новое состояние, а также неизбежные формы развития языка. См., для примера: Кронгауз, 2007; Солганик, 2010; Юдина, 2010; Козырев, Черняк, 2012; Сиротинина, 2013; Волошина, 2016; Дегальцева, Сиротинина, 2022 и др.

⁵ Материал выбирался с опорой на данные интернета, с проверкой его наличия и особенностей современного речевого использования. Привлекались также слова из *Русской грамматики* (1980, I, 347–348, 396, 597, 669) и работы И.С. Улуканова (2017, II, 21–35), в которой описываемые глаголы иллюстрируются примерами, сопровождаются стилистическими пометами и объясняются грамматически.

⁶ <https://sinonim.org/бомбануть>, доступ: 27.02.2024.

⁷ <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/93434>, доступ: 27.02.2024.

возможного образования от *ухать*, *ухнуть*, имеет также значение ‘взять без спроса’⁸. Отметить данное положение можно как тенденцию современной речи в целом, не только касающуюся данного материала.

Нередкое, употребительное:

разг., прост., разг.-сниж., фам. (с)блефануть, (с)блевануть, (с)болтануть, бомбануть, (с)брызгануть, гавкануться, газануть, (с)глотануть, глушануть (рыбу, кого-л.), (с)грабануть, гребануть, гробануться (‘потерпеть аварию, крушение’; ‘упасть’, ‘удариться’), грохануть, (с)грызануть, (с)дергануть, долбануть(ся), (с)драпануть/сдрапануть, дыхануть, жевануть (‘поесть’ или ‘съесть’), звездануть(ся), звякануть, зевануть, зыркнуть, игрануть/сыгрануть, (с)кидануть(ся) (в разн. знач.), (с)кусануть, (с)лизануть, листануть, лягануть, лязгануть, (с)мазануть (к мазать и по лицу), макануть, (с)махануть, (с)мотануть(ся), очкануть, (с)пасануть, полосануть, порскануть, (с)порхануть, (с)прыгануть, (с)психануть, пугануть(ся)/спугануть/пужануть, (с)резануть(ся), рискануть, (с)рубануть, (с)рыгануть, рывкануть, сачкануть, свистануть, (с)секануть, (с)сигануть, сказануть, скакануть, сквозануть, скубануть, сливануть, смекануть, смоктануть, сморкануть(ся), стегануть, стрекануть, стрелянуть, стукануть, (с)сыпануть(ся) (к сыпать), садануть(ся), (с)толкануть, (с)торгануть, травануть(ся), трепануть(ся), (с)трясануть, тряхануть(ся)/стряхануть, флиртануть, фугануть, фыркнуть, (с)хапануть, (с)харкануть, (при)хвостануть, (с)хвтануть, (с)хлестануть(ся) (также в знач. ‘подрататься’), (вс)храпануть, хрипануть, (с)хрупануть, хрюкануть, хряпануть, цмоктануть, чекануться (к чокнуться), черкануть, черпануть, чиркануть, (с)чихануть, чмокануть, шагануть, шахануть, швырнуть(ся), (с)шибануть(ся), штрафануть, (с)шугануть, шуткануть, (с)щелкануть;

сленг., жарг. борзануть(ся), бортануть(ся), бухануть, вольтануть(ся), дубануть (‘выпить’), дурануть(ся), дуркануть(ся), жигануть, кайфануть(ся)/скайфануть/ (с)кейфануть(ся), кирянуть, крутануть(ся), крутануть (роман), лабануть, лажануть(ся), лобануть, ломануть(ся), лохануть(ся), лупануть (‘выпить’), махануться (‘обменяться’ и ‘подрататься’), мордануть(ся), панкануть, пихануться, рубануться, секануть (‘понять’), стопануть(ся), стыкануть(ся), сыкануть, трахануть(ся), хавануть, хиппануть/хайпануть, ширануть(ся);

проф. швартануться;

вульг. дровичануть, ебануть(ся)/сьебануть (‘уйти’), пердануть(ся)/спердануть, пиздануть(ся)/спиздануть (в разн. знач.);

прост., обл. (с)кашлянуть (однократно, усиленно, при лит. *ка́шлянуть*⁹).

⁸ *Словарь «птичьей» фени*, <https://proza.ru/2010/08/04/421>, доступ: 27.02.2024.

⁹ «выделять суф. *-ану-* в глаголе *кашлянуть* нет оснований в связи с отсутствием знач. интенсивности и экспрессивности действия, свойственных глаголам с суф. *-ану-*: *хлестануть*, *долбануть*; см. § 840» (*Русская грамматика*, 1980, I, 348).

Менее употребительное:

разг.-сниж., прост. блистануть, брехануть, брякануть, вертануть(ся), визгануть, вистануть(ся), гулянуть, (с)голосануть, грехануть, давануть (к давить), (с)двигануть, демонстрануть, (с)дерануть, дерзануть, (с)дирануть, ездануть, ерзануть, йогануться ('заняться йогой' и 'спянуть'), какануть, каркануть, клюкануть, копануть, (с)крадануть, крикануть, кромсануть (к кромсать), крякануть, купануть(ся), курануть, кутануть, лакануть, лишануть, лупануть, ляпануть(ся), марануть(ся), мешануть, митингануть, мозгануть, (с)моргануть, нюхануть, орануть, пачкануть, (с)паянуть, петлянуть (к петлять и 'уйти от ответственности', 'уклониться от армии'), (с)пилянуть, (с)писануть (к писать), писануть (к писать), (с)пихануть, (с)плевануть, (с)плескануть, (с)плывануть, (с)пляснуть, (с)прыскануть, психануться, пукануть, пулянуть, пускануть, пырануть(ся), рисануться, ругануть(ся), рыдануть, рыкануть, рыскануть, сапануть, светануть ('блеснуть чем-л.'), сверкануть, серануть/сирануть, скользнуть, скребануть (к скрести), скрипануть, скрябануть (к скрябать), стартануть, стебануть(ся), (про)стирануть, стрикануть ('ужалить'), стригануть (к стричь и 'стремительно убежать'), стругануть, сыпануть ('спать'), (с)тесануть, тикануть ('убежать'), трусануть, трухануть(ся)/ трухануть, топануть, (с)фоткануть(ся), (с)фукануть, херануть, (с)хлебануть, хлопануть, хлыстануть ('выпить'), хлюпануть, хляпануть, хрустануть, цыкануть, чесануть(ся), читануть, шаркануть, швыркануть, шептануть, шикануть (к шикнуть и шикнуть, от шик), шипануть, ширкануть, ширянуть(ся), шокануть шоркануть, шумануть, шурануть, (с)щипануть;

сленг, жарг. бисануть, бодануть(ся), комп. вирусануть, комп. зипануть, кромсануть ('выстрелить'), кумануть ('спать'), мочкануть ('убить'), спускануть, тирануть(ся), комп. твиттануть, шамануть, шурануться.

Редкое:

разг.-сниж., прост. ахануть (к ахнуть, от ах, 'взорваться', 'вступить в половую связь'), бахануть, бегануть, ботануть, бравануть(ся), бурчануть, вербануть, (с)возануть, ворчануть, гаркануть, гипсануть, (с)глупануть, дремануть (к дремать), дудануть, жамануть ('сделать что-л. энергично'), жимануть (к жать), искануть, капануть, катануть, (с)ковырануть, колдануть, колупануть, кровянуть, лапануть, латануть, (с)летануть, лихануть ('совершить что-н. лихое'), лузгануть, охануть, пискануть, (вс)плакануть, полоскануть, поронуть ('ткнуть чем-л. острым'), ревануть, рожануть, сипануть, скрижануть, слабануть, слухануть, смотрануть, таскануть, терзануть, тискануть, тягануть, хамануть, хворануть, хлянуть ('уклониться, уйти от чего-л.'), хитрануть, хлюстануть, хлястануть, хромануть, шастануть, щепануть;

сленг, жарг. *аскануть* (англ. *to ask*), *кончануть*, вор. *липануть* ('соврать'), *лускануть*¹⁰, (с)маракануть, *метануть(ся)*, *мочануть* ('убить'), *поронуться* ('вступить в половую связь'), *слипануть* (англ. *to sleep*, 'поспать'), *степануть(ся)*¹¹, *ухануть* ('взять без спроса'), *финишануть*, *хайкануть* (англ. *hiking* 'пешая прогулка или поход выходного дня'), *хайтануть* (англ. *hite* 'ударить?'), *шуркануть* ('шмыгать, метаться' и пр.);

проф. *бастануть*, спорт. *воркануть* (сленг. *воркать* 'работать'), *сварануть*, *слипануть* ('произвести слип'), *сортануть*, спорт. *спуртануть* ('осуществлять спурт, рывок; резко увеличивать скорость движения при беге, плавании, катании на коньках и т.п.'), *читкануть*, *шифрануть*;

обл. *борщануть* (вологодское, 'переборщить'), сиб. *бросануть*, карел. *жамануть* ('укусить'), *зырянуть* ('выпить'¹²), *летануть* (пск. *лётom лeтaнyть* 'быстро сбегать куда-л.'), онеж. *липануть* ('ударить'), оренб. *лихануть* ('переборщить'), оренб. *лишкануть* ('преувеличить'), смол. *мелькануть*, пск. *мигануть*, *хлябануть* (обл. и прост. к *хлебануть*), смол. *шуркануть* ('шепнуть');

вульг. (с)хуянуть (в разн. знач.).

Потенциальное¹³: *барануть(ся)* (к *бараться*), *блескануть*, *бросануться*, *гавкануть*, *жихануть* (от *жихарь* 'отчаянный человек, сорвиголова'), *зависануть*, *лязгануть*, *лыбануть(ся)*, *мелькануться*, *нырнуть*, *ныркануть*, *перепихануться*, *пырхануть*, *рисануть*, *ржавануть*, *саботануть*, *свихануться*, *споткануться*, *тявкануть*, *хлобыстануть*, *шваркануть(ся)*, *чертыхануть(ся)*.

Дадим для сравнения, с выводом об изменении состава определяемых единиц в сторону значительного их увеличения и употребительности в современной речи, глаголы с *-ану(ть)* из *Грамматического словаря* (Зализняк, 1977). Таких единиц в нем, как разговорно-употребительных, хотя и не полным возможным списком – 41 (и 449 собранных нами): *газануть*, *гребануть*, *дергануть*, *долбануть*, *жигануть*, *звездануть*, *игрануть*, *копануть*,

¹⁰ Значение этого слова не ясно, ср. такое употребление: *Не вызовите вопросов клиентов? Бизнес как я понимаю это общение И даже что бы бубку достать нужно лускануть* (<https://labrc.name/threads/v-nashem-magazine-pojavilis-pravila-pokupok.39581/>, доступ: 29.02.2024); орфография и пунктуация источника).

¹¹ Встречается в разговорно-сленговых употреблениях, но значение не ясно.

¹² «Давай в зырю не будем, а вот немного зырянуть, в честь праздника, можно!» (<https://www.google.com/search?q=зырянуть>, доступ: 29.02.2024). *Зыря* ниж. 'разиня, который льет зря, через верх', Даль, <https://slovardalja.net/word.php?wordid=10859>, доступ: 29.02.2024.

¹³ Примеры даются для иллюстрации того, что возможно и легко образуется: *блестеть*, *блеснуть* (блеск) > *блескануть* (при том, что имеется *блистануть* от *блистать*); *бросаться*, *броситься* > *бросануться*; *гавкать*, *гавкнуть* > *гавкануть* (при употр. *гавкануться* и *гавкнуться* в знач. 'исчезнуть', 'пропасть', 'потерять(ся)'). Некоторые из них единично встречаются в современных употреблениях в Интернете.

крутануть, лизануть, мазануть, махануть, плескануть, психануть, пугануть, резануть, рубануть, садануть, сигануть, сказануть, скребануть, стебануть, стегануть, стрекануть, сыгрануть, сыпануть, тесануть, толкануть, трепануть, тряхануть, хвастануть, хлебануть, хлестануть, черкануть, черпануть, чесануть, шагануть, шибануть, шикануть, шугануть, щелкануть.

Экспрессивность, эмоциональность, оценочность, подчеркиваемая интенсивность, мгновенность (как усиление однократности), а также легкость и непосредственность, своеобразная мимолеетность совершения действия, не требующего при такой передаче особых усилий, производимого мимоходом, между делом, само собой, характерные для приводимого материала и определяющие его, можно дополнить, исходя из употреблений не только последнего времени, тем, что видится как позиция говорящего. Охарактеризовать ее можно в отношении демонстративной лихости, свойской отъявленности и бравады (остентативность¹⁴), когда все нипочем, трын-трава, хоть бы хны, нередко с поверхностной снисходительностью и небрежностью к сообщаемому. Такой субъект предстает, говоря по-старинному, как ухарь, хват и рубаха-парень (рубащность, как не задумывающаяся релятивная легкость, не придающая особого значения и веса тому, о чем речь).

Оценочность и с этим позиция говорящего при глаголах с *-ану(ть)* связывается, как показывает анализ, с их семантикой и нередко следует из нее. Имеет смысл поэтому показать возможные группы семантического распределения. Следует помнить при этом, что при неоднозначности многих рассматриваемых единиц, не говоря о контекстах употребления, распределение с точки зрения состава будет иметь характер, который предполагает свободу вхождения, допускающую способность лексической единицы, в зависимости от значения, при общности проявляемой говорящим позиции, относиться не к одной семантической группе. Так, если глагол *толкануть* встречается в сочетаниях и соответствующих эмоциональных высказываниях типа *толкануть квартиру*, *толкануть что-л. за 10 баксов*, т.е. 'продать', *толкануть лося* 'согнать его с лежки', *толкануть тачку* 'двигать ее перед собой', *толкануть машину* 'толкая, помочь шоферу ее завести', *толкануть кого-л. в спину* 'пихнуть, толкнуть, возможно с силой или вдруг, неожиданно', *толкануть речь*, *речугу* 'публично выступить с речью', спорт. *толкануть ядро*, *толкануть землю* 'отжаться' в армейском жаргоне («Толкнули землю 10 раз» – значит, отжались 10 раз. Или «десяточку толкнули»¹⁵), – все это, равно как и остальное подобное, будет предполагать возможность вхождения глагола в разные смысловые группы.

¹⁴ Лат. *ostentatio*, *ōnis* *f* [ostento] 1) показывание, демонстрация: в целях демонстрации, для вида; 2) похвальба, важничание; выказывание, проявление; притворство, видимость.

¹⁵ <https://dzen.ru/a/Zdb2ldKxYD-Yo7F->, доступ: 01.03.2024.

Вместе с тем не все единицы могут быть многозначны, а контексты различных употреблений лишь повторяют общее, сопровождаясь обычно также типичной оценочностью. Такого типа глаголы можно считать семантически одноместными, а в экспрессивно-оценочном отношении, с точки зрения речевого узуса, предсказуемыми (хотя возможны случаи индивидуальных использований). Глагол *сказануть*, для примера, объясняется однозначно, как 'Разг.-сниж. Сказать, произнести что-л. неуместное, неподходящее. *Ты уж сказанёшь – помолчал бы лучше! Эк сказанул! Такое вдруг сказанул, что все словно оторопели. Смотри, не сказани такое при посторонних!*' (БТС, 2000, 1191)¹⁶.

Приведенные примеры типичны, эмоциональность, а с ней оценочность дополнительно передается также типично частицами *уж, эк*, наречием *вдруг*, контекстами усиления *помолчал бы лучше, оторопели, такое, при посторонних*, передавая, с одной стороны неожиданность в каких-то случаях сказанного, а с другой – оценку неодобрения либо, напротив, веселого удовольствия (*Такое сказанул, что все так и легли от смеха*). Следовать может из этого неприязненность (либо напротив), насмешливая снисходительность, напряженность в отношении такого субъекта, готовность ожидать от него неизвестно чего, предполагая в этом последнем случае обращаемое к нему предостережение с целью предотвратить неприятное (*Смотри, не сказани такое при посторонних!*) То, что нечто такое возможно и проявляется при *сказануть*, следует не в последнюю очередь из его семантической отнесенности к группе глаголов речи, которая, предполагая общение, межсубъектный контакт, имеет в виду неизбежность не только эмоциональных, но и оценочных, а также оценивающих, определяющих реактивные последствия заключений.

Покажем для иллюстрации, не претендуя на полноту и ограничившись не полным набором из ранее приведенного списка, возможное семантическое распределение определяемых глаголов¹⁷. Был бы это, после

¹⁶ Так же определяется этот глагол и в МАС (1984, IV, 101). Ср. также такие его толкования: *разг.-сниж.* 'Сказать что-л. неуместное, нереальное' (Ефремова, 2000, 2, 605); 'простореч. фам. шутол. Сказать, произнести. *Ну и сказанул ты шутку! Он тебе и не такое сказанет*' (ТСУ, 1940, IV, 198), тем самым, без характеристики сказанного, но отмечая стилистическую окраску и экспрессивность; в уточняющем подключении при *обычно* в скобках: 'прост. Сказать, произнести (обычно что-л. неуместное, неподходящее и т.п.)' (БАС, 2019, 25, 616).

¹⁷ Касаясь вопроса семантики стилистически маркированных глаголов с суффиксом *-ану-*, И.С. Улуханов выделяет такие, как «движение, звучание, речь, убийство, удары, стрельба, падение, потребление спиртного», замечая, что «у многих глаголов эти значения, во-первых, являются вторичными, во-вторых, отсутствуют у мотивирующих глаголов и, в-третьих, имеются у одного и того же глагола, который, тем самым, в разных значениях принадлежит к разным группам; так, окказионализм *ломануть* употребляется не только в значении 'отломить' ..., в котором он соотносится с мотивирующим *ломать*, но и 'выпить спиртное', 'ударить' и 'огрabiть'» (Улуханов, 2017, II, 32–33).

частотно-стилевого, еще один шаг представления. Основными или ведущими видятся четыре объединения со своими подразделениями внутри: звучания, действия, коммуникативный контакт и субъектные состояния. Звучания предполагают издавание звуков и их производство субъектом, чем-л., при посредстве чего-л. Действия связываются с движением, пространственным перемещением, с физическим обнаружением различного вида, с физиологическим проявлением, коммуникативный контакт допускает проекцию говорения-речи, обращения к кому-л. с чем-л., с какой-л. целью, дисконтактное поведение, демонстративность, обман, искажение, субъектные состояния могут быть ментального, перцептивного, физического, физиологического, экзистенциального вида.

Звучания

– издавание звуков: *ахануть, брехануть, бурчануть* (издать бурчание), *визгануть, ворчануть, гавкануть, гаркануть, каркануть* (издать звук карканья), *крикануть, крякануть, орануть, пискануть, порскануть, ревануть, рыкануть, рвякануть* (о звуке), *сапануть, свистануть, сипануть, скрипануть* (зубами), *смоктануть, фукануть, фыркануть, хрипануть, хрюкануть, цмоктануть, цыкануть, чмокануть, шикануть* (для *шикать*), *шипануть, щелкануть* (языком);

– производство звуков (чем-л., при помощи чего-л.): *бахануть, брякануть, грохануть* (произвести грохот), *дудануть* (для *дудеть*), *звякануть, лязгануть, стукануть, хряпануть, ширкануть, шоркануть, шумануть, щелкануть* (не языком).

Действия

– пространственные перемещения (связанные с движением): *бегануть, газануть, гребануть* (для *грести*), *вертануться* ('оборотиться'), *(с)двигануть* (к *двинуться*), *(с)дерануть* ('удрать'), *(с)драпануть* ('бежать, убежать'), *жигануть* ('убежать'), *ломануть(ся)* ('отправиться куда-л.'), *(с)мотануть(ся), петлянуть* ('сделать петлю, передвигаясь'), *(с)плывануть, (с)порхануть, сквозануть, стартануть, стрекануть, чесануть* ('побежать');

– действия физического проявления:

– агентного вида: *махануть* (рукой кому-л., на что-л.), *(с)пляснуть, полосануть* (рукой), *(с)прыгануть, рыскануть* (к *рыскать*), *(с)сигануть, скакануть, хромануть, шагануть, шаркануть*;

– объектного вида (как наблюдаемое): *блескануть* (о блеске), *мелькануть* (перед глазами), *сверкануть*;

– объектно-субъектного проявления (объектом выступает лицо, человек): *(с)возануть* (для *возить, свозить*), *(с)двигануть* (кого);

– объектной направленности (на что-л. или кого-л.): *(с)двигануть* (для *двинуть*), *(с)дерануть* (для *дёрнуть*), *давануть* (к *давить*), *дергануть*,

(с)дирануть (к содрать), грохануть ('ударить кого-л., обо что-л.'), (с)двигануть ('толкнуть, ударить'), долбануть ('ударить кого-л.'), жигануть ('сильно ударить'), жимануть ('нажать'), звездануть ('ударить'), (с)кидануть ('бросить, сбросить с себя что-л.'), копануть, лапануть, латануть, листануть, ломануть(ся) ('ворваться куда-л.'), лупануть ('ударить'), лягануть, (с)мазануть, марануть(ся), скубануть, смахануть (крошки со стола), сортануть, мешануть (к мешать), пачкануть, (с)писануть (к писать, списать), (с)пихануть ('толкнуть, столкнуть, избавиться от чего-л.'), садануть (по чему-л.), стебануть ('ударить'), стегануть, стукануть, (с)толкануть (что-л.), (с)трясануть, (с)тряхануть(ся), (с)хапануть, (с)хватануть, чесануть (к чесать), (с)щелкануть, щепануть ('расщепить'), (с)щипануть;

– объектно-субъектной направленности (на кого-л., лицо, одушевленный объект): бомбануть ('ударить кого-л.'), вербануть, вертануть ('заворотить кого-л.'), кидануться ('наброситься на кого-л.'), кидануть ('бросить кого-л.'), колдануть (в пользу кого-н.), лобануть ('ударить'), лупануть, смазануть (по лицу), мочкануть ('замочить кого-л.'), полосануть (ножом кого-л.), (с)пугануть/ (с)пужануть, ругануть, рвякануть (на кого-л.), садануть ('ударить'), стебануть ('ударить', 'вступить в половую связь'), стрекануть (по ногам), терзануть, (с)толкануть, травануть ('отравить'), трахануть ('ударить', 'вступить в половую связь'), фугануть, (с)фукануть, (с)хлестануть, швырнуть, швыркануть, шибануть ('ударить'), шикануть ('погнать кого-л.'), ширануть ('ширять кого-л.'), ширянуть, штрафануть, (с)шугануть, шурануть;

– объектно-орудийного проявления: (с)брызгануть (водой), бомбануть (во что-л.), глушануть, капануть ('накапать'), кромсануть, лабануть (к лабать), (с)плескануть, (с)резануть, (с)рубануть, (с)секануть, скребануть, скрижануть, скрипануть, скрябануть, спортануть ('испортить'), стрикануть ('сделать фото'), (с)сыпануть(ся), (с)тесануть, торгануть, фоткануть(ся), хляпануть, хрустануть, черкануть, черпануть, чиркануть, читкануть;

– физиологические проявления или действия:

– из себя, от себя: (с)блевануть, (с)брызгануть ('помочиться'), дыхануть, зевануть, скидануть (о выкидыше), (с)моргануть, пердануть, писануть (к писать), (вс)плакануть, (с)плевануть, пукануть, (с)рыгануть, рыдануть, сливануть, сморкануть(ся), спускануть, сыкануть, (с)харкануть, (с)чихануть;

– в себя, на себя: (с)глотануть, (с)грызануть, дубануть ('выпить'), жевануть (в знач. 'поесть или съесть'), (с)кусануть, (с)лизануть, лупануть ('выпить'), кирянуть, курануть, травануться, (с)хлебануть, хлыстануть ('выпить'), (с)хрупануть, хрустануть, шамануть, ширануться, ширянуть-ся, шурануться;

– прекращение действия: бастануть, стопануться, швартануться;

– понуждение к прекращению действия или движения: *стопануть*, *швартануть*;

– совместно-контактного проявления, агентного либо взаимного вида: *вистануть(ся)*, *игрануть/сыгрануть*, *крутануть* (роман), *махануться* ('произвести обмен', 'подраться'), *(с)пасануть* (в игре), *перепихануться*, *(с)пихануться*, *резануться* (в карты, 'подраться', 'поссориться'), *рубануться* ('подраться'), *садануться* ('столкнуться'), *стебануться* ('вступить в половую связь'), *стыкануть(ся)* ('встретить кого-л., встретиться'), *трахануться*, *флиртануть*, *хлестануться* ('подраться'), *шибануться* ('столкнуться', 'подраться').

Коммуникативные взаимодействия

– речь, говорение: *(с)болтануть*, *ботануть* (от *ботать*), *брехануть* ('сказать что-л. невпопад'), *бурчануть* (на кого-л.), *ворчануть* (что-то невнятное, себе под нос), *каркануть* ('предсказать что-н. неприятное'), *ляпануть(ся)* ('сболтнуть, выйти на дурака'), *ругануться*, *рявкануть* (о речи), *сказануть*, *трепануть(ся)*, *шептануть*, *шумануть* (о речи);

– обращение – к кому-л. с какой-л. целью: *аскануть*;

– выражение одобрения, поддержки: *(с)голосануть*;

– лишение, избавление кого-л. чего-л.: *(с)грабануть*, *(с)крадануть*, *лишануть*, *свистануть* ('украсть'), *стебануть* ('украсть');

– насильственные действия в свою пользу: *гребануть* ('загрести себе что-л.'), *(с)хапануть*, *(с)хватануть*;

– демонстративные проявления: *(с)блефануть*, *блистануть*, *рисануться*, *светануть* (лицом), *(при)хвастануть*, *(с)хватануть* (через край), *хлюстануть* ('шикнуть'), *шикануть* (от *шик*), *шокануть*;

– дисконтактное поведение: *хамануть*;

– обман, искажение, просчет, потеря: *бодануть(ся)* ('пролететь на чем-л.'), *борзануть(ся)* ('потерять'), *бортануть(ся)*, *вертануть(ся)* (об обмане), *вольтануть(ся)* (об обмане, потере), *гавкануть(ся)*, *гробануться* ('обмануться'), *кидануть(ся)* (об обмане), *крутануть(ся)*, *лажануть(ся)*, *лохануть(ся)*, *мордануть(ся)*, *сыпануть(ся)* ('выдать кого-л.', 'потерпеть неудачу'), *швырнуть* ('обмануть кого-л., обойти, надуть').

Субъектные состояния

– ментального следствия: *вольтануться* ('спятить'), *грехануть*, *долбануться* ('попасть впросак'), *дерзануть* ('отважиться на что-л.'), *звездануться*, *колдануть* (для себя), *мозгануть* ('подумать'), *(с)психануть(ся)*, *пугануться*, *рискануть*, *светануть* (о мысли), *смекануть*, *стебануться* ('спятить'), *трахануться* ('спятить'), *трухануться*, *чекануться* (к *чокнуть*), *шибануться* ('потерять голову');

– перцептивного следствия: *нюхануть*, *слухануть*, *слушануть*, *смотре-
нуть*, *читануть*;

– физического характера: *гробануться* ('потерпеть аварию'), *долбануться* ('удариться'), *звездануться* ('удариться', 'упасть'), *рубануться* ('покалечиться'), *сadanуться* ('удариться'), *чесануться*;

– экзистенционального проявления: *дремануть* ('вздремнуть'), *(с)кайфануть(ся)/ кейфануть(ся)*, *кумануть*, *слипануть* (англ. *sleep*), *сыпануть* (к *спать*), *трусануть*, *(с)трухануть*, *(вс)храпануть*.

Нетрудно заметить, что группы в количественном отношении, хотя и представленные выборочно, неравнозначны: в то время как действия в составе своем многочисленны, все прочие им уступают. Неравны количественно также и внутренние распределения. Характер выражаемой эмоции и связанная с ней оценка со стороны говорящего, как уже отмечалось, зависят как от значения глагола и роли его для сознания и речи, так и в немалой степени определяются тем, обозначается ли при посредстве такого глагола действие, коммуникативный контакт, субъектное состояние, звучание и какой его далее вид. Рассмотрение данного положения, составляя отдельный предмет, не входило, однако, в задачу.

Важной видится внутренняя структура значения с учетом того, что исходит как от глагольной семантики в целом, так и от того, что вносит с собою *-ану(ть)*. Представленные глаголы в этой связи следует разделить на акциональную (имеется агент, который производит действие) и статальную группы (субъект переживает какое-л. состояние) с последующим распределением. Общими в роли компонентов состава в подобной структуре могут быть: агент/субъект/субъект как объект – контрагент – что производится (звучание, действие, коммуникация и т.п.)/ что происходит (характер определяемого состояния) – кратность – неожиданность – длительность – интенсивность – направленность/ обращенность.

Не все компоненты для разных глаголов в их употреблении будут себя проявлять, исходя из чего возможны модели и типы конструкций. Для примера возьмем *ахануть*, который в контексте *Только и успел ахануть – все пропало* предполагает агента-производителя, издающего однократный звук – неожиданный – краткий – интенсивный (громкий, сильный) – не направленный, реактивный. Было бы это частной моделью более общей в некоей группе *A*, в составе которой 'субъект в роли агента, *Ag*, производит однократное действие, *Act1*, краткое, интенсивное, не направленное' – *Ag(Act1): BrevFirmIndirect*. Ранее приведенный как однозначный глагол *сказануть* ('сказать что-нибудь неуместное, неподходящее'), относясь к той же группе *A*, ненаправленности может не предполагать, краткость становится не существенной, интенсивность определяется в отношении признака коммуникативного несоответствия, определяющего речевой объект – что, как и о чем говорилось, передаваясь моделью *Ag(Act1): ComImpar(ObjDict)*.

Однократность может быть, как отмечалось ранее, «стилизованной» (см. сноску 3, представляясь таковой при *-ану(ть)*, с тем чтобы передать

производимое действие как не требующее особых усилий, совершаемое бегло, само собой, мимоходом (*бегануть*, (*с*)*летануть*, (*с*)*плывануть*, *листануть*, *читануть*, *колдануть*, *жевануть* и подобные). Была бы это тогда разновидность, при которой однократность не проявляется, замещаясь облегченностью осуществления: *Ag(ActL)*.

Касаясь того, что актуализируется в употреблении с привнесением при *-ану(ть)*, возможным видится внутри акциональной группы выделение таких разновидностей¹⁸:

– подчеркиваемой **интенсивности**, силы (*F*) производимого действия (акцент на этом признаке): *ахануть*, *бахануть*, *бодануть*, *бомбануть*, *визгануть*, *газануть*, *глушануть*;

– неожиданности, непредвиденности, **импровизативности** (*I*) производимого (с акцентом на этом признаке): *брехануть* ('издать звук'), *болтануть* ('качнуть', *вдруг болтануло*), *толкануть* (кого-л. *вдруг*);

– достигаемого результата, **результативности**, (*R*): *аскануть*, *бастануть*, (*с*)*блевануть*, (*с*)*блефануть*, (*с*)*болтануть* (глупость), *борзануться*, (*с*)*брызгануть*, *лупануть* ('выпить' и 'ударить'), (*с*)*глотануть*, *голосануть*, *грабануть*;

– подчеркиваемой краткости, мимолетности, легкости, производимого между делом, само собой¹⁹ (**левитативность**) (*L*): приведенные *бегануть*, (*с*)*летануть*, (*с*)*плывануть*, *листануть*, (*с*)*хватануть* (на ходу, на лету).

Приведенные признаки способны соединяться, не исключая один другой, не всегда при этом выстраиваясь в каких-то ясных порядках соотношений. Для примера: *газануть* может предполагать и то, что с силой, и вдруг, и как результат, *ахануть* – не только силу, но и неожиданность, *листануть* – как краткость и легкость, так и результат, *лупануть*, в особенности при 'ударить', – и силу, и неожиданность, и результат.

Выделяемая статальная группа, определяющая субъектные состояния, при таких глаголах (возьмем только некоторые) как *вольтануться* ('спянуть'), *дерзануть* ('отважиться на что-л.'), *мозгануть* ('подумать'), *психануть*; *нюхануть*, *слухануть*, *читануть*; *гробануться* ('потерпеть аварию'), *долбануться*, *садануться* ('удариться'), *чесануться*; *кайфануть*, *храпануть*, – предполагает, как отмечалось ранее, субъекта не как агента, а как эмотивно-перцептивного «действителя» (перцептора) либо объекта переживаемого состояния. Акцент при этом падает не на однократность, которая может

¹⁸ Ср. ранее приведенные признаки у В.В. Виноградова (в сноске 1).

¹⁹ «Экспрессивный суффикс *-ону-*, *-ану-*, проникший в литературный язык из народных говоров, обозначает ослабленность мгновенного действия или, чаще, резкость, грубость, напряженность такого действия (Греч, 1840, 1, 297; Чернышев, 1911, 231): *толкануть*, *садануть*, *резануть*, *пугануть* и т.п. Например: а) со значением ослабленности действия: «Паром *толканешь*, он уже и на другой стороне» (Короленко, *Убийец*)» (Виноградов, 2001, 362, *рядка моя* – П.Ч.). Отмечается это, следовательно, как ослабленность действия.

быть не существенной, а на следствие, что в виде вводящей данную группу формулы можно представить как $S(Sec)$, в разновидностях интенсивности, импровизативности и достигаемого результата (левитативность не обнаружена), также в возможных объединениях: *вольтануться* (F), *дерзануть* (I), *мозгануть* (R), *психануть* (F/I/R); *нюхануть* (R), *слухануть* (R), *читануть* (R); *гробануться* (F/I/R), *долбануться* (F/R), *садануться* (F/R), *чесануться* (R); *кайфануть* (R), *храпануть* (R).

Проведенное рассмотрение показывает значительную активность использования глаголов с *-ану(ть)*, характерную для современной разговорно-сниженной речи с ее открытостью к сленгу, социальным и профессиональным жаргонам. Используются говорящими эти слова не только для передачи своего эмоционального отношения, негативной либо позитивной оценки объекта речи, другого субъекта, своего контрагента (собеседника, собеседников), но и как выражение общей в последнее время позиции демонстративной небрежности и пренебрежительной снисходительности, лихости и бравады – остенативности, которую можно рассматривать как проявление психологически компенсаторного конформизма. Это и все дальнейшее требует более основательного анализа с погружением в постоянно прибывающий не только в количественном, но и в семантическом и стилевом отношении материал.

БИБЛИОГРАФИЯ (REFERENCES)

- Большой академический словарь русского языка.* (2019). Гл. ред. А.С. Герд, т. 25. Москва–Санкт-Петербург: Наука. (БАС)
- Большой толковый словарь русского языка.* (2000). Гл. ред. С.А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт. (БТС)
- Виноградов, В.В. (2001). *Русский язык (Грамматическое учение о слове)*. Под ред. Г.А. Золотовой, 4-е изд. Москва: Русский язык.
- Волошина, С.В. (2016). *Активные процессы в современном русском языке*. Томск: Издательский дом Томского государственного университета.
- Греч, Н.И. (1840). *Чтения о русском языке, Николая Греча*. Часть первая. Санкт-Петербург: Въ типографіи Н. Греча.
- Дегальцева, А.В., Сиротинина, О.Б. (2022). *К проблеме изменения норм современного русского языка*. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика, 22, 4, 368–376.
- Ефремова, Т.Ф. (1996). *Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка*. Москва: Русский язык.
- Ефремова, Т.Ф. (2000). *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный*, т. 2. Москва: Русский язык.
- Земская, Е.А. (2011). *Русская разговорная речь. Лингвистический анализ и проблемы обучения*. Москва: Флинта; Наука.

- Козырев, В.А., Черняк, В.Д. (2012). *Современная языковая ситуация и речевая культура*. Москва: Флинта; Наука.
- Кронгауз, М.А. (2007). *Русский язык на грани нервного срыва*. Москва: Знак; Языки славянских культур.
- Латинско-русский словарь*. (1949). Сост. И.Х. Дворецкий, Д.Н. Корольков. Под ред. С.И. Соболевского. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей.
- Русская грамматика*. (1980). Гл. ред. Н.Ю. Шведова. Москва: Наука.
- Сидоров, Е.А. (1924). *Из научно-учебной литературы о видах русского глагола*. Родной язык в школе, 5/6.
- Сиротинина, О.Б. (2013). *Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски*. Саратов: Издательство Саратовского университета.
- Словарь русского языка в четырех томах*. (1984). Под ред. А.П. Евгеньевой, 2-е изд., испр. и доп., т. IV. Москва: Русский язык. (МАС)
- Солганик, Г.Я. (2010). *Современная языковая ситуация и тенденции развития русского литературного языка*. Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика, 5, 122–134.
- Толковый словарь русского языка*. (1940). Под ред. Д.Н. Ушакова, т. IV. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей. (ТСУ)
- Улуханов, И.С. (2017). *Глагольное словообразование современного русского языка*, т. II: *Глаголы, мотивированные глаголами*. Москва: Издательский центр «Азбуковник».
- Чернышев, В.И. (1911). В. Чернышев. *Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики*. С.-Петербург: Типография Морского Министерства въ Главномъ Адмиралтействѣ.
- Юдина, Н.В. (2010). *Русский язык в XXI веке: кризис? эволюция? прогресс?* Москва: Гнозис.

- Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo yazyka*. (2019). Gl. red. A.S. Gerd, t. 25. Moscow–St. Petersburg: Nauka. (BAS)
- Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka*. (2000). Gl. red. S.A. Kuznetsov. St. Petersburg: Norint. (BTS)
- Chernyshev, V.I. (1911). V. Chernyshev. *Pravil'nost' i chistota russkoi rechi. Opyt' russkoi stilisticheskoi grammatiki*. St. Petersburg: Tipografiya Morskogo Ministerstva v' Glavnom' Admiralteistvѣ.
- Degal'tseva, A.V., Sirotinina, O.B. (2022). *K probleme izmeneniya norm sovremennogo russkogo yazyka*. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika, 22, 4, 368–376.
- Efremova, T.F. (1996). *Tolkovyi slovar' slovoobrazovatel'nykh edinits russkogo yazyka*. Moscow: Russkii yazyk.
- Efremova, T.F. (2000). *Novyi slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi*, t. 2. Moscow: Russkii yazyk.
- Grech, N.I. (1840). *Chteniya o russkom' yazykѣ, Nikolaya Grecha. Chast' pervaya*. St.Petersburg: V' tipografii N. Grecha.
- Kozyrev, V.A., Chernyak, V.D. (2012). *Sovremennaya yazykovaya situatsiya i rechevaya kul'tura*. Moscow: Flinta; Nauka.
- Krongauz, M.A. (2007). *Russkii yazyk na grani nervnogo sryva*. Moscow: Знак; Yazyki slavyanskikh kul'tur.

- Latinsko-russkii slovar'*. (1949). Sost. I.Kh. Dvoret'skii, D.N. Korol'kov. Pod red. S.I. Sobolevskogo. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei.
- Russkaya grammatika*. (1980). Gl. red. N.Yu. Shvedova. Moscow: Nauka.
- Sidorov, E.A. (1924). *Iz nauchno-uchebnoi literatury o vidakh russkogo glagola*. Rodnoi yazyk v shkole, 5/6.
- Sirotnina, O.B. (2013). *Russkii yazyk: sistema, uzus i sozdavaemye imi riski*. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta.
- Slovar' russkogo yazyka v chetyrekh tomakh*. (1984). Pod red. A.P. Evgen'evoi, 2-e izd., ispr. i dop., t. IV. Moscow: Russkii yazyk. (MAS)
- Solganik, G.Ya. (2010). *Sovremennaya yazykovaya situatsiya i tendentsii razvitiya russkogo literaturnogo yazyka*. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnal'stika, 5, 122–134.
- Stender-Petersen, A. (1931). *Eine verbale Neubildung im Russischen*. Zeitschrift für Slavische Philologie, 8, 1/2, 67–84.
- Tolkovyi slovar' russkogo yazyka*. (1940). Pod red. D.N. Ushakova, t. IV. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei. (TSU)
- Ulukhanov, I.S. (2017). *Glagol'noe slovoobrazovanie sovremennogo russkogo yazyka*, t. II: *Glagoly, motivirovannye glagolami*. Moscow: Izdatel'skii tsentr «Azbukovnik».
- Vinogradov, V.V. (2001). *Russkii yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)*. Pod red. G.A. Zolotovoi, 4-e izd. Moscow: Russkii yazyk.
- Voloshina, S.V. (2016). *Aktivnye protsessy v sovremennom russkom yazyke*. Tomsk: Izdatel'skii dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Yudina, N.V. (2010). *Russkii yazyk v XXI veke: krizis? evolyutsiya? progress?* Moscow: Gnozis.
- Zemskaya, E.A. (2011). *Russkaya razgovornaya rech'. Lingvisticheskii analiz i problemy obucheniya*. Moscow: Flinta; Nauka.

